

АНТИ- МЕДИНСКИЙ

Сергей Кремлёв

Юрий Нерсесов • Андрей Буровский

Вадим Долгов • Андрей Раев

ОПРОВЕРЖЕНИЕ

**КАК
ПАРТИЯ
ВЛАСТИ
«ПРАВИТ» ИСТОРИЮ**

**АНТИ-
МЕДИНСКИЙ**

Сергей Кремлёв
Юрий Нерсесов
Андрей Буровский
Вадим Долгов
Андрей Раев

АНТИ- МЕДИНСКИЙ

ОПРОВЕРЖЕНИЕ

**Как партия власти
«правит» историю**

«ЯУЗА-ПРЕСС»
МОСКВА
2012

Оформление серии *С. Курбатова*

Кремлёв С.

К 79 Анти-Мединский. ОПРОВЕРЖЕНИЕ. Как партия власти «правит» историю / Сергей Кремлёв, Юрий Нерсесов, Андрей Буровский, Вадим Долгов, Андрей Раев. — М. : Яуза-пресс, 2012. — 320 с. — (Анти-МЕДИНСКИЙ).

ISBN 978-5-9955-0374-3

Почему сочинения Владимира Мединского издаются огромными тиражами и рекламируются с невиданным размахом? За что его прозвали «соловьем путинского агитпропа», «кремлевским Геббельсом» и «Виктором Суворовым наоборот»? Объясняется ли успех его трилогии «Мифы о России» и бестселлера «Война. Мифы СССР» талантом автора — или административным ресурсом «партии власти»? Справедливы ли обвинения в незнании истории и передергивании фактов, беззастенчивых манипуляциях, «шулерстве» и «промывании мозгов»?

Оспаривая методы Мединского, эта книга не просто ловит автора на многочисленных ошибках и подтасовках, но на примере его сочинений показывает, во что вырождаются благие намерения, как история подменяется пропагандой, а патриотизм — «расшибанием лба» из общеизвестной поговорки.

УДК 323
ББК 63.3

ISBN 978-5-9955-0374-3

© Кремлёв С., 2012
© Нерсесов Ю., 2012
© Буровский А., 2012
© Долгов В., 2012
© Раев А., 2012
© ООО «Яуза-пресс», 2012

Сергей Кремлёв

Кич вместо истории

Широко известна «Инструкция для подчинённых» о двух параграфах:

«§ 1

Начальник всегда прав.

§ 2

Если начальник не прав, смотри § 1».

Применительно к нашей теме эту инструкцию можно переформулировать так:

«§ 1

Представители партии «Единая Россия» всегда лицемерят и вешают народу «лапшу на уши».

§ 2

Когда представители партии «Единая Россия», как, например, Владимир Мединский, говорят правду, смотри § 1».

Итак, Владимир Мединский...

Депутат Государственной Думы РФ от нынешней «руководящей и направляющей силы» «россиянского» «общества» — партии «Единая Россия».

Профессор МГИМО, Московского государственного института международных отношений — «кузницы» «кадров» Министерства иностранных дел то ли России, то ли — в России.

Изготовитель серии широко рекламируемых книг.

Он вломился на книжный рынок примерно так же, как вломилась в нашу жизнь сама партия «Единая Россия», то есть — нахрапом, и сразу стал весьма читаемым автором. Но с какой целью был предпринят этот суперуспешный административный штурм рынка и массового сознания читателей?

Что ж, чуть позднее я на конкретных примерах «из Мединского» покажу, что цели тут были прозрачными... Во-первых, надо было попытаться придать привлекательный и якобы патриотический облик нынешней власти. Нынешнему Кремлю надо срочно и успешно продать читателю, а главное — *избирателю*, путинскую партию «ЕР». Задача непростая: надо и поддержать в людях неприязнь к Советской власти, но надо сохранить и видимость объективности. Что ж, Мединский берёт и заявляет:

«Нельзя построить новый мир и новую жизнь на голом месте. Это уже пробовали многие горе-теоретики: от большевиков-ленинцев до либералов-гайдаровцев».

Ну, спору нет: «В огороде бузина, а в Киеве — дядька», вали всё «до кучи» — авось не разберутся! Но, лишь обладая огромной политической наглостью и будучи уверенным в полной доверчивости публики, можно ставить в один ряд большевика Ленина, спасшего Россию от судьбы полукolonии Запада, большевика-ленинца Сталина, преобразовавшего Россию во вторую державу мира, и прозападного либерала Гайдара — «подельника» Ельцина и кумира нынешних правящих ельциноидов, способствовавшего превращению России в полукolonию Запада и второразрядную «державу».

Такая вот «политтехнология»: для того чтобы оболгать СССР, можно даже слегка лягнуть своих же, но — уже вышедших, как Егор Гайдар, «в тираж». Ведь если люди поверят Мединскому, то смотришь — они будут дольше верить и той партии, членом которой Мединский состоит. А главный лозунг «партии» «Единая Россия»: «Время пребывания у власти — деньги!»

Есть у книг Мединского и ещё одна очевидная цель — оболгав советский период истории России, возвысить образ России царской. Ведь если люди будут смотреть на СССР как на «чёрную дыру», то они не будут стремиться к новому социализму. И тогда буржуазным партиям, в том числе «Единой России», обеспечено сохранение власти. А власть для буржуазных партий, как уже было сказано, — чистые деньги.

Так что стараться «единороссам» на «исторической» ниве — прямой финансовый расчёт и прямая финансовая же выгода. Они и стараются! Мол, «проклятые большевики» загубили «Расею»-матушку, а какая страна была! Одна стерляжья уха да молочные поросята с хреном чего стоили! Опять же, Государь Император, всё честь по чести, каждый на своём месте: порядочные люди в своих имениях и на дворцовых приёмах, быдло — в хлеву...

Пластинка эта, правда, порядком заезжена. «Крутить» её начали ещё первые эмигранты, потом — вторая их «волна» и т.д. В перестроечные времена её с успехом «крутили» Станислав Говорухин с интеллигентствующей компанией. Однако любители политической провокации в стиле «ретро» всё ещё в России не перевелись, и «пиарщики» Мединского это учли.

Уже в 2008 году еженедельник «Аргументы недели» сообщал о Мединском: «Лидер продаж историко-публицистической литературы... 1-е место по по-

купательскому спросу в книжных магазинах Москвы» и т.д.

Что ж, почему бы и лидером продаж не стать, если ты член «правлящей» партии и у тебя *в дилерах* весь кремлёвский агитпроп. За счёт щедро финансируемого рекламного «навала» успех обеспечен!

Обеспечен, даже если то, что ты пишешь, не имеет никакого отношения ни к историческому анализу, ни к честной публицистике, а представляет собой муляж, картонные «мединские деревни»... И одновременно — «окрошку» из фактов, правды, лжи и подтасовок.

Классический (то есть — искренний) путаник прав и не прав «фифти-фифти», то есть — наполовину прав, наполовину заблуждается.

Классический (то есть умный и ловкий) провокатор правдив на 99%, но зато его *отравленный* 1% лжи бьёт правду в умах людей наповал (так в «Сказке о мёртвой царевне и семи богатырях» девка-чернавка отравила царевну наливным яблочком, где яда было по весу всего ничего, однако летальный исход обеспечивался с гарантией).

Мединский, конечно же, — провокатор. Но — не очень ловкий и не очень умный. Поэтому ему в его писаниях приходится выдавать читателю правду в меньших количествах — от примерно 20 до 40%. И смесь правды с ложью оказывается не столько отравленной, сколько тошнотворной — мало-мальски знающего и понимающего историю человека от книг Мединского *тошнит*. При этом они оказываются ещё и откровенно скучными — если знаешь и понимаешь историю Родины и мира.

Цели же при этом, повторяю, ясны: представить партию «Единая Россия» и её кремлёвских лидеров как ярых государственников, озабоченных одним — как бы усилить мощь России, как бы вывести её в пе-

редовые державы, а при этом уважительно отнестись к прошлому страны — за исключением советского прошлого.

Действительность показывает, правда, что правящий режим Россию всё больше опускает — в прямом смысле слова! Опускает всё ниже и ниже во всех положительных мировых рейтингах. Но, как учит великая почти шуточная наука мэрфология: «Ничего, если вы делаете что-то не так. Может быть, это хорошо выглядит!»

Вот Мединский и старается выглядеть хорошо. Вот он и разразился целой серией книг «Мифы о России» с блуждающими из одной в другую книгу темами: «О русской демократии, грязи, о русском воровстве, душе и долготерпении, о жестокости русской истории, о русском мздоимстве, о русском пьянстве, лени, дорогах и дураках, о тяге русских к «сильной руке», о загадочной русской душе» и т.д. и т.п.

Обо всём этом Владимир Мединский рассуждает — как уверяют его пиарщики — честно и оригинально. Ну, просто-таки, правду-матку режет.

Он её и впрямь режет — *без ножа*.

Все пороки русской дореволюционной истории Мединский объявляет злостными антирусскими мифами, однако на деле заменяет одни мифы другими даже применительно к царской России. Но ещё больше он плодит антисоветских мифов, которые фактически тоже являются антирусскими. Собственно, это перепевы на старую тему «Россия, которую мы потеряли».

Мединский вроде бы за народ, за Россию, но если всмотреться в его «разоблачения» внимательно, то видно, что он не за всю Россию, а за «Единую Россию»... И не за весь народ, а за «лучшую часть народа», то есть — за тех долларовых миллионеров, ко-

торых ой как немало среди членов партии «Единая Россия», и за ту сотню долларовых миллиардеров, густое появление которых в России стало результатом деятельности лидера-дилера «Единой России», тёзки Мединского — Владимира Путина.

Когда Борис Ельцин, нашкодив так, что стал опасаться импичмента если не в ручной Госдуме, так в народе, сдал «Россиянию» Владимиру Путину, в РФ не было ни одного миллиардера. Теперь их число перевалило за сотню. Вот, собственно, главное достижение главного лица «Единой России» за последние десять лет.

Вернёмся, впрочем, к тёзке Владимира Путина — Владимиру Мединскому. Ведь речь-то у нас — о нём, а точнее — о его печатных трудах. Серия его якобы «разоблачительных» и радеющих за Россию и русский народ книг сегодня составляет внушительную стопку, и анализировать несколько тысяч страниц — дело не только утомительное, но и ненужное. Достаточно взять, например, книгу «О русском воровстве, особом пути и долготерпении» и хотя бы кратко проанализировать только её.

**В огороде бузина, в Киеве — Мао,
а в Кремле — «единороссы»...**

Собственно, любая книга Мединского — это или «глубокая» «философия» на мелком месте, или мелкая «философия» на весьма глубоких местах. Плюс — якобы доверительная интонация, замешенная, как уже было сказано, на сложной смеси из правды, переделок и прямой лжи.

Причём переделки начинаются уже с самой первой страницы, на которой читатель извещается о том,

что ему-де предлагается нечто оригинальное и объективное, после чего следует заявление:

«А пока, как говорил, кажется, великий Мао, пусть расцветают все цветы...»

В этой одной фразе — весь стиль Мединского! Вроде бы и «эрудиция» продемонстрирована, и честный подход, но как-то приблизительно всё, неопределённо, что и проявляется в слове «кажется».

Да, всё в книгах Мединского, вроде бы, и «туда», но в то же время вроде бы и «сюды».

А может — ни туды ни сюды? Ведь свои сюжеты Мединский строит по принципу: «В огороде — бузина, в Киеве вместо дядьки — Мао». А выводы из этой галиматьи следующие:

1) В Кремле сидеть некому, кроме радетелей за Землю Русскую Владимира Путина, Дмитрия Медведева или кого-то другого, но обязательно — из партии «Единая Россия», ну в крайнем случае — из прохоровского «Правого дела» (Мединский и там может пригодиться).

2) Пусть Россия за последние двадцать лет снизила все свои показатели раз в пять, а то и в десять, пусть ей грозит гибель, пусть над ней смеются и ни в грош (цент) её не ставят, всё равно надо идти за кремлёвскими реформаторами и модернизаторами по пути «цивилизованных» стран...

Немного путано, но в целом — чего там! Вован Путин — свой парень, и Вован Мединский — тоже свой парень! Целую кучу злобных мифов о России разоблачает, да ещё и профессор! Так что «хавай», «пипл», профессорскую «лапшу».

И «пипл» «хавает».

Ну-ну.

А теперь кое-что уточним...

Не *кажется*, а Мао Цзэдун писал:

«Наш курс в области культуры и искусства называется «Пусть расцветают сто цветов и пусть *соперничают* (выделение жирным курсивом моё. — С.К.) сто школ». Это курс на содействие развитию искусства и прогрессу науки... Мы считаем, что принудительное распространение одного жанра, одной школы и запрещение другого жанра, другой школы силой административной власти несёт вред развитию искусства и науки. Вопрос о правде и неправде в искусстве и науке должен разрешаться путём свободной дискуссии в кругах работников искусства и науки и в ходе практики в искусстве и науке...»

И коль уж мединские ссылаются, пусть и переверая его (для них переверять — дело привычное!), на «великого кормчего», то замечу, что, хотя Мао далеко не всегда поступал так, как писал, мысль он высказал неплохую. Насчёт свободных дискуссий...

К слову, и молодой Сталин писал о том, что полное единство мнений возможно только на кладбище. И не только писал, но и был мастером дискуссии. А им можно стать, лишь *ведя* дискуссии, не так ли?

Однако о каких серьёзных дискуссиях в нынешней РФ может быть речь, если кто-то из видных «единороссов» *кажется* чуть ли не сам Председатель Государственной Думы Грызлов, безапелляционно заявил однажды, что Государственная Дума — это, мол, не место для дискуссий?

Ну, а государственный аппарат? По Грызлову, Мединскому, по Медведеву-Путину, это не механизм служения народу и благоустройства его жизни, а что-то, существующее само по себе. И Мединский уверяет читателя-избирателя, что «корни современных про-

блем» не во властях предержажших, а в самих, мол, рядовых россиянах.

«Мы оба плохие», — талдычит Мединский. А потом сообщает:

«...снова повторю **ЦЕНТРАЛЬНУЮ МЫСЛЬ «МИФОВ О РОССИИ»** — никаких «исторических предпосылок» пьянству, грязи, лени, внешней жестокости режима и внутреннего рабства подданных, мздоимства властей предержажших... — **НЕТ.**

Это всё придумано и надумано».

Угу! Придумано.

Не было в царской России — той, которую потерял и всё не может найти Станислав Говорухин, ни народного пьянства, ни грязи, ни лени, ни жестокости режима, ни внутреннего рабства подданных, ни мздоимства властей предержажших...

И, скажем, Михаил Лермонтов со скуки, «от фонаря», взял, придумал и написал:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ.
И вы, мундиры голубые (т.е. жандармы. — С.К.),
И ты, им преданный народ...

А Николай Алексеевич Некрасов тоже от нечего делать ввёл в свою поэму «Кому на Руси жить хорошо» главу «Пьяная ночь» со следующими словами пьяньского мужика Якима Нагого:

Пьём много мы по времени,
А больше мы работаем,
Нас пьяных много видится,
А больше трезвых нас.
По деревням ты хаживал?
Возьмём ведёрко с водкою,
Пойдём-ка по избам:

В одной, в другой навалятся,
А в третьей не притронутся —
У нас на семью пьющую
Непьющая семья!
Не пьют, а также маются,
Уж лучше б пили глупые...

Но с чего же это русский мужик в XIX веке считал, что лучше пить, чем не пить? А вот с чего:

Нет меры хмелю русскому,
А горе наше меряли?
Работе мера есть?
Вино валит крестьянина,
А горе не валит его?
Работа не валит?

Некрасовский Яким Нагой из деревни Босово сам о себе говорил так:

*Он до смерти работает,
До полусмерти пьёт...*

Но что до русского мужика лощёному «мидовско-му» профессору Мединскому?

А ведь я могу напомнить ему и, например, описание тупой, пьяной жизни сормовских пролетариев в горьковском романе «Мать». И знает ли Мединский о «Нравах Растеряевой улицы» Глеба Успенского?

Правда, теперь стараниями «демократов» и «единороссов», этот роман и эти очерки из школьной программы исключены. Но что уж тут — «единороссы» ведут к тому, что скоро сама школьная программа может быть исключена из жизни новых подрастающих поколений.

Мединский пытается доказать недоказуемое — якобы непорочную белизну и политическую «пушистость» царизма, но делать это в «лоб» рискованно, и Мединскому то и дело приходится «кривулять».

Скажем, вначале он уверяет читателя, что никаких-де исторических предпосылок для мздоимства властей предрежащих при царизме якобы не было, что это всё «придуманно и надумано» (стр.17 издания 2008 г.), а позднее (на стр. 189) сам же «доверительно» признаёт:

«И после Петра было в истории России несколько периодов, когда уровень коррупции максимально приближался к уровню «птенцов гнезда Петрова».

Так была в царской России широко развита коррупция или не была?

Была, была! Мы ещё на эту тему — «в разрезе Мединского» — позднее поговорим. Сейчас же замечу, что и в царской России для Мединского, как видим, не всё было сладко. Любая деятельность по укреплению независимости, по державному возвышению России для Мединского ненавистна. Поэтому и царь Пётр для него — фигура неприемлемая, и в «птенцах гнезда Петрова» Мединский видит лишь коррупционеров, начиная с Меншикова, и обливает их грязью, утверждая, что «*при* (выделение жирным курсивом моё. — С.К.) Петре I в России взяточничество и воровство приобрели широчайший размах».

Ой ли? При Петре ли или *до* Петра взяточничество и воровство приобрели на Руси широчайший размах — почему Петру с воровством и приходилось бороться так упорно и жестоко? И не потому ли Пётр для Мединского — чуть ли не патологический психопат? Нынешним ворами не с руки любить того, у кого для воров были лишь дубинка, дыба, топор и петля.

В целом же невесёлая правда о властях предрежащих в царской России для Мединского — «надуманные» «выдумки». Однако интересно знать — знаком ли наставник будущих «россиянских» дипломатов

Владимир Мединский с, например, оценкой николаевского Министерства иностранных дел видным русским дипломатом того времени Фёдором Тютчевым (тем самым, который ещё и великий русский поэт)?

23 июля 1854 года Тютчев писал своей жене Эрнестине, что если бы не был «так нищ», то открыто порвал бы со своим министерством, «этим скопищем кретингов, которые наперекор всему и на развалинах мира, рухнувшего под тяжестью их глупости, осуждены жить и умереть в полнейшей безнаказанности своего кретинизма». (Напоминаю, что это сказано о МИДе Карла Нессельроде, а не о МИДе Сергея Лаврова.)

В августе 1867 года (как раз в этом году император Александр II преступно продал Соединённым Штатам за бесценок бесценную Русскую Америку) опять-таки Фёдор Иванович Тютчев сообщал своей дочери Марии Фёдоровне Тютчевой-Бирилёвой:

«Разложение повсюду... В правительственных сферах бессознательность и отсутствие совести достигли таких размеров, что этого нельзя постичь, не убедившись воочию... Вчера я узнал... подробность воистину ошеломляющую. Во время последнего путешествия императрицы ей предстояло проехать на лошадях триста пятьдесят вёрст между двумя железными дорогами... Ну, так вот, знаешь ли, во что обошлось государству это расстояние в триста пятьдесят вёрст? В сущую безделицу: полмиллиона рублей! Это баснословно...»

Для сравнения сообщу, что на закупку станков для Адмиралтейских Ижорских заводов казна выделила в 1860 году аж 30 (тридцать) тысяч рублей, на новое оборудование для Кронштадтского пароходного завода — 47,3 (сорок семь и три десятых) тысячи рублей, а на сооружение полигона для испытания отечествен-

ных броневых плит — 19 (девятнадцать) тысяч рублей.

А вот мнение об одном из нежно вспоминаемых мединскими столпе царского режима — русском кулаке. Оценка, надо сказать, со стороны американского учёного, доктора Эмиля Джозефа Диллона. Он жил в России с 1877 по 1914 год, преподавал в российских университетах, много ездил по стране, имел широкие знакомства в различных слоях общества — от аристократов и министров до революционных кругов. Вот какую оценку он дал кулаку:

«Из всех человеческих монстров, которых я встречал когда-либо за время путешествий, я не могу назвать другого такого же злобного и отвратительного, как русский кулак».

Наконец, напомним Мединскому мнение крупнейшего уже в царское время металлурга России Владимира Ефимовича Грум-Гржимайло (1864—1928). Он прекрасно жил при царе, к особым энтузиастам советского строя не относился, в Гражданскую войну потерял сына и племянника, воевавших у Колчака. Тем не менее в 1924 году в частном письме он писал:

«...я ни на минуту не сомневаюсь, что победа красных и провал Колчака, Деникина, Юденича, Врангеля и проч., и проч. есть благо».

Но почему он так писал? А потому, что знал о царской России вот что:

«Больна была вся нация, от подёнщика до министра, от нищего до миллионера — и, пожалуй, интеллигенция была в большей мере заражена, чем простой

народ. Она была распространительницей этой заразы лени и лодырничества».

Причём работу большевиков в новой России Грум-Гржимайло оценивал так:

«...Люди всё ещё стараются слодырничать, изловчиться и получить средства к жизни не за работу, а за лодырничество. Главы революции, конечно, знали, куда они шли, и теперь медленно, но неуклонно жмут и жмут публику, заставляя лодырей работать. Трудная задача, так трудна, что надо удивляться их терпению и выдержке. Процесс длительный, мучительный, но необходимый. От благополучного его разрешения зависит, останется ли Россия самодержавным государством или сделается, к восторгу наших «друзей», колонией и цветной расой, навозом для процветания культурных народов».

Однако для Мединского партия большевиков — это «то ли духовный орден, то ли попросту банда политических уголовников».

С другой стороны, этот явный «белоподкладочник» в профессорских «мидовских» погонах не брезгает занимать «чужое поле» и частенько использует чуть ли не «красную» фразеологию. Однажды от одного из крупных деятелей отечественной ядерной оружейной работы я услышал не очень чтобы литературное, но очень сочное и точное сравнение: «Изворачивается, как голая б... на морозе». Это — как раз о «герое» моего очерка. Он в своих книгах говорит о современной коррупции, о сырьевом разграблении России и прочем подобном, но ведь это же — как раз то, что творит и допускает в России та самая администрация Кремля, которую полностью поддерживает партия Мединского — партия «Единая Россия».

Причём в течение многих лет «Единая Россия» являлась не просто правящей, а **абсолютно** правящей партией, имеющей в Государственной Думе конституционное большинство более чем в две трети голосов и почти поголовно составляющей Совет Федерации Федерального Собрания РФ! Однако ельциноидный Кремль депутатом-«единороссом» критикуется по рецепту: «Критикуй, критикуй, но — не касайся».

Нанайские мальчики и мединская «защита» таблицы Менделеева

Если получше присмотреться к технологии «правды-матки» Владимира Мединского, то становится ясно, что она очень напоминает «борьбу» нанайских мальчиков, то есть — концертный номер, где один человек изображает борьбу двух. Скажем, Мединский якобы выступает за русские приоритеты чуть ли не в разведении слонов в Африке и якобы развенчивает «мифы о технической отсталости России» (естественно, царской, которую уничтожили «проклятые большевики»).

Но при этом Мединский демонстрирует просто-таки шизофренический (в политическом смысле) образ мыслей. Вначале он заявляет:

«Миф об отсталости России очень любили большевики... Потому что если отсталости не было, то и деяния... большевиков не имеют никакого особенного смысла».

Увы, царская Россия была однозначно технически и научно отсталой страной. Это очевидно настолько, что даже доказывать это как-то неловко. Но, что делать, придётся кое-что сообщить хотя бы кратко.

В 1909 году докладчик на Втором съезде объединённых *дворянских* обществ В. Гурко докладывал уполномоченным объединённых *дворянских* обществ:

«Все без исключения страны опередили нас в несколько десятков раз. Годовая производительность одного жителя составляла в России в 1904 г. всего 58 руб., в то время как в Соединённых Штатах она достигла за пятнадцать лет до того 346 рублей».

Это — оценка представителя правящего класса в реальном масштабе времени. А вот позднейшая, уже 80-х годов, оценка исследователя советской науки профессора Лорена Грэхэма из США:

«Революции 1917 г. произошли в стране, находившейся в критическом положении. В общем Советский Союз (имеется в виду, конечно же, ранний СССР с техническим уровнем царской России. — С.К.) был отсталой и слабо развитой страной, для которой скорейшее решение основных экономических проблем было жизненно необходимым. Как это часто бывает в слабо развитых странах, которые все же располагают небольшим слоем высокообразованных специалистов, предыдущая научная традиция России (тут подразумевается, естественно, опять-таки, царская Россия. — С.К.) имела преимущественно теоретический характер».

А какой ещё, спрашивается, характер могла иметь научная традиция в царской России, если в «пиковом» для неё 1913 году российские вузы выпустили 2624 юриста, 236 священнослужителей и всего 65 инженеров связи, 208 — инженеров путей сообщения, 166 горных инженеров, 100 строителей вместе с архитекторами?

Даже инженеров фабрично-заводского производства прибавилось в России в 1913 году всего на 1277 человек. На всю «технически развитую» — по Мединскому — необъятную Российскую империю. Это — при общем числе учащихся в высших учебных заведениях царской России в 112 тысяч человек. Между прочим, сам же Мединский — уже в другом месте книги, пробалтывается, что в якобы «технически развитой» России в 1897 году насчитывалось «аж» 4 тысячи инженеров (при, как сообщает опять-таки Мединский, 68 тысячах частных преподавателей и 11 тысячах гувернёров и гувернанток).

А в 1940 году в 718 вузах СССР училось 811,7 тысячи студентов. В том же году общий выпуск специалистов из вузов составил 126,1 тысячи человек. И это были отнюдь не попы с юрисконсультами и боннами великосветских отпрысков.

Среди членов-корреспондентов Российской Императорской академии наук по разряду физических наук на 10 отечественных приходилось 38 (!) зарубежных. Русские физики имели в своей среде величины мирового класса, но русская физика была в царской России однозначной падчерицей — как и вообще любая серьёзная наука.

А в СССР только за пять лет, с 1930 по 1934 год, по постановлениям ЦК большевистской партии было открыто 19 только новых институтов только Академии наук СССР! Вот их перечень: Энергетический институт, Геологический, Палеонтологический, Зоологический, Ботанический, Математический, Физический, Коллоидно-электрохимический, Институты химической физики, генетики, географии, физиологии растений, общей и неорганической химии, физических проблем, органической химии, микробиологии, горючих ископаемых, биохимии, эволюционной морфологии и палеозоологии.

Просто отмахнуться от этого не может даже Мединский, даже в «модернизируемой» «Россиянии», где треть населения уже уверена, что Солнце вращается вокруг Земли. И вот он, забыв о том, что обвинял большевиков в распускании «мифов» о технической отсталости царской России, и демонстрируя шизофреническое (в политическом смысле), то есть раздвоенное, сознание, пишет:

«Миф об «отсталости» особенно понадобился в «перестройку». Действительно зачеркнуть огромный (то есть советский? — С.К.) период в истории страны (чем десталинизаторы из «ЕР» и Кремля как раз и занимаются. — С.К.), согласиться на её подчинение Западу (что мы сегодня в исполнении «ЕР» и Кремля и наблюдаем. — С.К.), «пойти на выучку» к чикагской школе экономистов (где учились и нынешние кремлёвские старатели. — С.К.), развалить СССР... Это можно было проделать только в том случае, если в «этой стране» (России-СССР) не было ничего своего. Никаких своих достижений... никаких преимуществ перед другими странами...

В ход пошёл... весь набор чёрных мифов о России (*пardon, это ведь Советская, социалистическая Россия имеется в виду, не так ли?*), но миф об «отсталости» оказался в числе центральных...»

Всё верно, но это же учитель и покровитель Путина Ельцин развалил СССР! Это лучший друг лидера «ЕР» Владимира Путина — Дмитрий Медведев заявляет, что социализм довёл Россию до нищеты! Это кумир «единороссов» Гайдар вёл Россию на выучку к чикагской школе якобы экономистов, в которой кремлёвские двоечники обретаются по сей день!

И не сам ли Владимир Мединский утверждал, что миф об отсталости России «очень любили большеви-

ки», а на самом деле никакой, мол, отсталости в царской России не было, и поэтому «деяния... большевиков не имеют никакого особенного смысла»?

Так имеют положительный исторический смысл деяния большевиков за «огромный период в истории страны» или нет?

А?

Мединский, «единороссы» и ельциноидный Кремль сами зачёркивают огромный период в истории страны, и сам же Мединский по этому поводу выражает возмущение и осуждение!

Н-да! Если это — не политическая шизофрения, то я — Мао Цзэдун.

Вернёмся, однако, к нанайской «защите» Мединским русских научных приоритетов... Вот он начинает со страстью провинциального актёра доказывать, что проклятый Запад якобы умаляет заслуги Дмитрия Ивановича Менделеева:

«...Почему-то в... заграницах главную работу его жизни — таблицу Менделеева, как правило... не знают... В результате исчезает русский учёный и появляется пьяный русский алхимик, главное достижение которого в научной жизни — сливать спирт с водой и, чмокая, пробовать содержимое...»

Насчёт «пьяного алхимика» я поясню чуть позже, а сейчас замечу, во-первых, что главной работой жизни Д.И. Менделеева (1834—1907) была не «таблица Менделеева», а открытый им в 1869 году периодический закон химических элементов, на основе которого была выстроена в виде таблицы периодическая система элементов Д.И. Менделеева.

Да, на Западе средний школьник не очень знает о Менделееве, но там и о Фарадее с Резерфордом не очень-то знают благодаря капиталистической деби-

лизации населения. Тем не менее в таком, например, уважаемом и популярном издании, как «Оксфордская иллюстрированная энциклопедия» издания 2000 года, в томе 1-м имеется отдельная уважительная статья о Д.И. Менделееве, где дан его портрет и чётко сказано, что он открыл периодический закон. Имеется в том же томе и отдельная статья «Периодическая система элементов», где тоже чётко сказано, что «создателем периодической системы элементов является Дмитрий Иванович Менделеев».

Вот так!

О мнимом игнорировании Западом заслуг Менделеева «нанайский мальчик» Мединский тревожится. А о том, что в его собственной стране уже почти забыли о советских академиках Губкине, Обручеве, Хлопине, Курчатове, Королёве, Келдыше, Колмогорове, Тамме, Понтрягине, Харитоне, и забыли именно в силу государственной образовательной и информационной политики, Мединский помалкивает.

В своё время Сталин инициировал подлинную борьбу за национальные приоритеты, за национальное самоуважение и против низкопоклонства перед Западом. Идея была ко времени — в некоторых «учёных» трудах того времени бетономешалку называли агитатором (английское *agitate* означает и «агитировать», и «перемешивать»). Но мало кто знает, что одним из импульсов для Сталина оказалось письмо к нему академика Капицы от 2 января 1946 года. Пётр Леонидович обращал внимание главы Советского государства на проблему и рекомендовал ему рукопись книги Льва Гумилевского «Русские инженеры». Эта книга, отстаивавшая русские приоритеты, с предисловием академика Бардина (знают в «Россиянии» Мединского-Медведева такого?) вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1947 году и после смерти Сталина не

переиздавалась (автор умер в 1976 году на 86-м году жизни).

Между прочим, Иван Павлович Бардин, родившийся в 1883 году, человек увлекательной судьбы, забрасывавшей его даже в далёкую Америку, страну, как он позднее писал, «дорогих машин и дешёвых человеческих жизней», ещё до Октябрьской революции завоевал видное положение в металлургии Юга России. Он мог бы спокойно эмигрировать, а остался с народом, стал Героем Социалистического Труда, с 1939 года — директором Института металлургии АН СССР.

Мединский с деланым возмущением сообщает, что во всех российских школах рекомендован-де к использованию учебник по экологии Таллера и Миллера «Жизнь в окружающей среде», выпущенный на средства Фонда Сороса... И что «в учебнике Таллера (хорошо ещё, что не Доллара. — С.К.) и Миллера нет ни одного упоминания о великом русском учёном Северцове, основателе научной экологии».

Но кто, спрашивается, открыл «зелёную дорогу» в российские школы учебникам Сороса, как не администрации президентов Ельцина, Путина и Медведева? Кто виноват в этом — не правительство ли Путина и буржуазные законодатели из партии Мединского, одобряющие его политику?

«Поиски» Мединского ответственных за это напоминают «поиски» Пашей Эмильевичем из «12 стульев» пропавшего из сиротского приюта стула под графинами и жестяными кружками. Стула, самим Пашей проданного отцу Фёдору.

И только ли Сорос здесь с Миллером и Таллером виноваты? Откуда знать современным россиянам имя Николая Северцова, если даже в «Иллюстрированном энциклопедическом словаре», изданном в 2003 году издательством «Большая Российская энциклопедия»

(бывшим издательством «Большая Советская энциклопедия», наспех переименованным «реформаторами» типа Мединского на «россиянский манер»), имени ни одного Северцова нет.

Зато там есть статья о Соросе.

А вот в «Большом энциклопедическом словаре», последний (третий) том которого вышел в издательстве «Большая Советская энциклопедия» в 1955 году, статья о Николае Алексеевиче Северцове (1827—1885), русском зоологе, зоогеографе и путешественнике, есть! Как есть там и статья о его сыне, советском биологе академике Алексее Николаевиче Северцове (1866—1936).

Обращу внимание читателя (не Мединского, к нему апеллировать бесполезно!) на то, что сын русского зоолога, ставший советским академиком, ко времени Октябрьской революции прожил 51 год. С 1898 по 1902 год он был профессором Юрьевского (Дерптского, который в «независимой» Эстонии называют Тартуским) университета, с 1902 по 1911 год — профессором Киевского университета, а с 1911 года — профессором Московского университета.

То есть, как и металлург Иван Бардин, Северцов к Октябрю 1917 года был уже не очень молодым, давно сложившимся учёным. И тем не менее Алексей Северцов никуда не эмигрировал, работал в Советской России, успешно разрабатывал вопросы эволюционной морфологии — очень непростого направления в биологических науках, основал академический Институт эволюционной морфологии, в 1936 году названный его именем.

«Нанайскую», «нанайскую» «борьбу» ведёт за русские приоритеты Владимир Мединский. А при этом ему хуже горькой редьки будет напоминание о советском первом спутнике, о первом в мире атомном ледо-

коле с ненавистным ельциноидом названием «Ленин», о первом в Европе советском компьютере БЭСМ-1, запущенном в ход в 1953 году, о лучшей в мире советской математической школе, сложившейся в СССР ещё при Сталине (и не в последнюю очередь благодаря Сталину).

И это не кто иной, как разного рода мединские, в год 50-летия полёта Гагарина старательно вымарывали с портрета Гагарина гордые крупные буквы «СССР» на гермошлеме первого космонавта планеты...

Эх!

А теперь — о «пьяном алхимике» Менделееве, репутацией которого якобы озабочен Мединский.

«Пьяный алхимик», или «Без стакана не разберёшься...»

Надо сразу сказать, что с освещением роли Дмитрия Ивановича Менделеева в обеспечении русского приоритета в производстве водки и вообще с приоритетами в этой специфической сфере Владимир Мединский *вляпался* по самое, что называется, «никуда». Вот что он написал (прошу прощения у читателя за вынужденно большую цитату):

«...Менделеева иногда называют создателем современной водки. Это, конечно, совершенно не так... Водка, к слову сказать, вообще **НЕРУССКИЙ** напиток, завезена к нам из-за границы, предположительно купцами из Италии. Ну не было в России винограда, не могли мы делать алкоголь на основе виноградного спирта, как изначально и производилась первая «водка», точнее «аква вита» — «живая вода». Так тогда называли её европейцы.

Но что касается заслуг нашего великого учёного-химика, то ему действительно приписывают (? — С.К.) выведение формулы (? — С.К.) «идеального» соотношения спирта и воды...

...Менделеев немного «похимичил», и появилось теоретическое обоснование принципов смешивания водно-спиртового раствора (раствор одного компонента в другом вообще-то не смешивают, а получают. — С.К.). И всё. Никаких сверхоригинальных изобретений. Но слава Менделеева именно как «создателя» водки гремит по России и по всем заграницам».

Ну, во-первых, не знаю, как там насчёт «заграниц» (очень сомнительно, что заграницы по ряду причин охотно признают здесь русский приоритет, о чём чуть ниже), но слава Менделеева именно как создателя водки начала «гремять» лишь в ельциноидной «Россиянии». А в СССР, в советской России, любой школьник знал Менделеева как открывателя периодического закона элементов.

Во-вторых, не так всё просто и с водкой. Менделеев действительно принимал деятельное участие в создании современной научной технологии производства водки и в 1894—1902 годах входил в Комиссию по введению водочной монополии наряду с такими видными химиками царской России, как Николай Дмитриевич Зелинский (1861—1953), будущий советский академик и Герой Социалистического Труда, и профессор Николай Иванович Тавилдаров (1846—?).

Менделеев искал и нашёл идеальное соотношение объёма и веса частей спирта и воды в водке, однако задача это была в научном отношении не тривиальной, а оригинальной и головоломной. Водно-спиртовые растворы или смеси (в производстве их называют «сортировками») с физико-химической точки зрения представляют собой так называемые смешанные ассо-

циаты. Строение этих растворов всё ещё недостаточно изучено даже сегодня, поскольку после Менделеева крупные учёные изучением водки пренебрегали (имеются исследования, естественно, за лабораторным, а не за праздничным столом), а рядовым учёным разгадка всей сложности водно-спиртовых смесей оказывалась не по зубам. Упрощённые же статистические модели для описания водки неприменимы в силу особых термодинамических свойств водно-спиртовых смесей.

Все приведённые выше и ниже сведения взяты мной из книги «История водки», написанной знаменитым Вильямом Васильевичем Похлёбкиным в 1979 году по вполне определённом поводу, о чём — тоже чуть ниже. Цитировал же я (и ещё буду цитировать) Вильяма Васильевича по второму изданию его книги, выпущенному в 1994 году новосибирским издательством «Русская беседа» тиражом 5000 экземпляров.

Мало кому известно (но профессор МГИМО Мединский это просто обязан был бы знать в силу служебных обязанностей), что осенью 1977 года вопрос о русском приоритете в изобретении водки приобрёл острое государственное значение и грозил СССР огромными внешнеэкономическими убытками.

Далее я прямо цитирую В.В.Похлёбкина (в данном случае за обширность цитат прощения не прошу, ибо они наверняка заинтересуют читателя до крайности):

«Именно в это время на Западе было спровоцировано «дело» о приоритете в изготовлении водки, причём приоритет Союза ССР оспаривался, а ряд марок советской водки был подвергнут на внешних рынках бойкоту и дискриминации. Одновременно создавалась угроза лишить В/О (Внешнеторговое объединение, не путать с ООО и ОАО. — С.К.) «Союзплодоимпорт» права продавать и рекламировать этот товар как «водку»,

поскольку ряд фирм стал претендовать на преимущественное право использовать наименование «водка» только для своего товара (имелись в том числе в виду эмигрантские водочные фирмы «Пьер Смирнофф», «Эристов», «Кеглевич» и др. — С.К.)...»

Первый удар удалось отбить, но... Впрочем, я опять просто предоставляю слово В.В. Похлёбкину:

«То, что эта «первая атака» была сравнительно легко отбита, привело к тому, что Минвнешторг и подведомственное ему В/О «Союзплодоимпорт» «почили на лаврах» и оказались совершенно не подготовленными ко «второй атаке», последовавшей со стороны государственной водочной монополии ПНР и воспринятой нами как своего рода «удар в спину».

Между тем государственная водочная монополия ПНР утверждала, что в Польше, то есть на территории бывших Королевства Польского, Великого герцогства Литовского и Речи Посполитой, включающих Великую и Малую Польшу, Мазовию, Куявию, Помереллию, Галицию, Волынь, Подолию и Украину с Запорожской Сечью, водка была изобретена и производилась намного раньше, чем в Российской империи, или соответственно в Русском и Московском государстве, что в силу этого право продавать и рекламировать на внешних рынках под именем «водки» свой товар должна была получить лишь Польша, производящая «Вудку wyborowu» («Wodka wyborowa»), «Кристалл» и другие марки водки, в то время как «Московская особая», «Столичная», а также «Крепкая», «Русская», «Лимонная», «Пшеничная», «Посольская», «Сибирская», «Кубанская» и «Юбилейная» водки, поступавшие на мировой рынок, теряли право именоваться «водками» и должны были искать себе новое наименование для рекламирования».

Вот так — ни много и ни мало... Как видим, аппетиты у наших «польских друзей» и тогда были вполне под стать их неизбывной «гоноровой» наглости. Но тут уж ничего поделать нельзя, Польша и здравомыслие — вещи несовместные.

Так или иначе, как сообщает опять-таки В.В.Похлёбкин, вначале в СССР особого значения польским угрозам не придали, ибо казалось нелепым, что «дружественная Польша» может всерьёз предъявлять подобное парадоксальное требование. Мол, «весь мир знает», что водка — изобретение русское.

А дела тем временем закручивались круто — от Советского Союза стали требовать конкретной даты изобретения водки именно в России. Производство европейских крепких напитков было точно и официально датировано: коньяк — 1334 год, джин и английское виски — 1485 год, шотландское виски — 1490—1494-й, немецкий шнапс — 1520—1522-й. А к какому году надо отнести начало производства русской водки?

Назревала катастрофа. Обращение В/О «Союзплодоимпорт» в Институт истории АН СССР и во ВНИИ продуктов брожения Главспирта Минпищепрома СССР с просьбой составить исторические справки вопрос не прояснило. Вот тогда-то Вильяму Похлёбкину и было поручено провести собственное исследование проблемы, и к весне 1979 года его труд «История водки» был готов. Фактически Похлёбкин совершил тогда гражданский подвиг! Он полностью отбил все поползновения поставить под сомнение русский приоритет в изготовлении водки и сохранил для Советского Союза возможность огромного дохода. Это уж потом ельцины, мединские и путины с медведевыми отказались от государственной монополии на водку и, соответственно, от огромных доходов в русскую казну. Но тут уж ничего не поделаешь — такие вот они «патриоты» и «радетели за Россию».

А в 1982 году решением Международного арбитража за СССР были бесспорно закреплены приоритет создания водки «как русского оригинального алкогольного напитка» и исключительное право на её рекламу под этим наименованием на мировом рынке, а также признан основной советский экспортно-рекламный лозунг «Only vodka from Russia is genuine Russian vodka!» («Только водка из России — настоящая русская водка!»).

Так это было.

И вот теперь некий, гм, ... разглагольствуя о значении русских приоритетов, отдаёт, ничтоже сумняшеся, за здорово живёшь, доставшийся России немалыми хлопотами экономически важнейший приоритет и заявляет, что водка якобы «вообще **НЕРУССКИЙ** напиток» и что она «завезена к нам из-за границы, предположительно купцами из Италии».

Между прочим, в работе Похлёбкина и этому аспекту было уделено должное внимание — первый привоз **виноградного** спирта (аквавиты) в Россию генуэзскими купцами он датирует 1386 годом. Но ведь водка на Руси издавна называлась **хлебным** вином! Потому что изготавливалась из ржи. Аквавита («оковита») и водка — совершенно разные напитки!

Описанное выше рядовому гражданину знать не обязательно, однако не знать этого профессору от дипломатии — увольте! Да что уж тут поделаешь?! Такие вот в нынешней «России» пошли профессора, что с ними даже со стаканом не разберёшься...

Вообще-то, на истории с советским приоритетом на водку, который походя отвергает «российский» мидовский профессор Мединский, анализ любой «правды» Мединского можно было бы и закончить.

Сказав, вслед за булгаковским Фаготом-Коровьевым: «Поздравляю вас, гражданин, соврамщи...»

В истории с русским приоритетом на водку не только антисоветская, но и антирусская и антироссийская сущность Мединского выявляется — на мой взгляд — очень чётко и определённно. Как, впрочем, и в любых других многочисленных его рассуждениях и «откровениях». Поэтому, повторяю, можно было бы и завершить наш анализ на «водочном» промахе Мединского.

Однако остановимся ещё на некоторых безграмотных и невежественных «разоблачениях» Мединским «мифов» о царской России.

О царских железных дорогах и о могучих плечах Александра III

Скажем, о железнодорожном строительстве в царской России Мединский пишет исключительно в хвалебных тонах, хотя именно из-за преступного отсутствия развитой железнодорожной сети Россия проиграла Крымскую войну. И это при том, что построенная в 1851 году Петербургско-Московская железная дорога была тогда действительно самой совершенной по технической оснащённости и крупнейшей в мире. Но она была, по сути, и чуть ли не единственной в России.

Ровно через полвека после крымской катастрофы неполноценная пропускная способность Транссибирской магистрали стала одной из причин поражения России в Русско-японской войне, хотя Трансиб был самой протяжённой железной дорогой в мире.

Да, железнодорожное строительство в царской России со второй половины XIX века приобрело большой размах — к тому настоятельно вынуждали насущные потребности экономики. Да и дело было очень выгодным для железнодорожных дельцов-откупщиков тёмного происхождения, прежде всего еврейских,

типа Самуила Полякова. Но речь могла идти лишь о строительстве путевого, мостового и станционного хозяйства, а вот локомотивы, например, царская Россия почти не производила, а ведь паровозы являлись наиболее сложной инженерно-технической компонентой железных дорог. Только в СССР были построены крупнейшие русские паровозостроительные заводы, давшие стране за три неполные довоенные пятилетки около 12 тысяч мощных отечественных паровозов: грузовых серии ФД («Феликс Дзержинский») и СО («Серго Орджоникидзе»), пассажирских ИС («Иосиф Сталин»). Но об этих приоритетах Мединскому напоминать не с руки.

Наиболее же забавным оказывается то, что в книге Мединского приведено фото Николая II в окне вагона с подписью: «Русские железные дороги славились качеством и надёжностью. Император Николай II любил путешествовать на поезде».

Ну, во-первых, спрашивается, на чём же ему было ездить в XIX веке из Северной Пальмиры в Ливадию или в Беловежскую пущу, как не на поезде? Чай, не близкий ведь свет!

Но это — ладно! Забавно и грустно то, что Мединский, похоже, запомнил (а возможно, «не знал, да забыл») о самой громкой железнодорожной катастрофе в царской России, когда потерпел крушение *царский* поезд, вёзший отца Николая — императора Александра III и его семью. Особых жертв не было лишь по счастливой случайности, и тогда подхалимы пустили в ход легенду о том, что лично царь держалде на могучих плечах обрушившуюся крышу вагона, пока из-под обломков выбирались его домочадцы.

Плечи-то у Александра были могучими, чего нельзя было сказать о качестве русских дорог, сооружаемых вороватыми подрядчиками.

Железнодорожное строительство в капиталистических странах всегда привлекало как тёмных дельцов, так и продажных чиновников — очень уж, как было сказано, жирными были здесь барыши и взятки. Но в царской России произошло просто-таки гармоническое, так сказать, сращивание железнодорожных афер и казнокрадства — мы ещё об этом поговорим. Масштабы воровства были под стать масштабам русских железных дорог — страна-то протянулась на многие тысячи километров по меридианам и на десятков тысяч километров по параллелям. И строить, и воровать было где...

Однако причина железнодорожного воровства в царской России была не в особой вороватости русских, а в том, что железнодорожные работы вели откупщики, частные подрядчики. Вот в Советском Союзе размах железнодорожного строительства был намного большим, что и понятно. А наживаться на нём было некому, потому что вся вороватая свора частных собственников была ликвидирована в Советской России как класс.

Царская же Россия вороватых, но не пойманных за руку (а порой и пойманных!) подрядчиков возводила в баронское достоинство.

Впрочем, остановимся на этом подробнее...

Ещё раз о казнокрадстве

и об учюлице имени Штиглица-Мухиной-Штиглица

Один из любимых сюжетов «из Мединского» — якобы миф о казнокрадстве. Пускаясь в рассуждения на сей счёт, Мединский то заявляет, что коррупции в царской России не было, то разглагольствует о казнокрадстве Меншикова, Бирона, Орловых и Потём-

кина, забыв, что в начале своей книги утверждал (на стр. 15):

«Если мы уверуем, что истоки мздоимства и воровства — испокон веков, и было так всегда, что это наша русская национальная черта такая, то... коррупцию не побороть никогда...»

Могу мединских успокоить — мздоимство, взяточничество, коррупция и вселенское разворовывание казны — черта не национальная, а классовая, буржуазная. Воровали, да ещё и с каким присвистом, и «в Европах», и «в Азиях»... Воровали и воруют в Италии, в Англии, во Франции, в Турции и Египте, не говоря уже о Соединённых Штатах Америки. Если деньги становятся в том или ином обществе главной движущей силой, то они обладают для всякой дряни непреоборимой притягательностью. И, как говорил незабвенный Остап Бендер, если в стране ходят какие-то дензнаки, то это означает, что у кого-то их должно быть много.

Мысль верная, однако не мешает уточнить — а на каких основаниях этими многочисленными дензнаками обладают их обладатели? Ведь в России давно говорили: «От трудов праведных не наживёшь палат каменных».

Так вот... В царской России у правящей элиты хватало и каменных палат, и дензнаков на законных — с точки зрения царских законов — основаниях. А труды-то были неправедными!

С другой стороны, в СССР если и были миллионеры, то — лишь подпольные, типа Александра-ибн-Ивановича Корейко. А подпольными они были потому, что в СССР, и прежде всего — в СССР Сталина, воровать народное добро у народа и наживать «дензна-

ки» несправедливыми трудами было занятием незаконным и опасным.

Смертельно опасным!

Можно ли представить себе такое вот сообщение в сталинской «Правде»: «Прокурор Н-ской области арестован по обвинению в коррупции»? Это ведь сюжет из совсем иных времён, не так ли?

Мединский, забыв о том, что в *его* царской России высокопоставленных воров якобы не было, вдруг философски констатирует (на стр. 188):

«Чтобы казнокрадствовать «с чистой совестью», без всяких моральных тормозов, нужно чётко отделить себя от государства, от страны, от народа».

Так-то оно так... Но с учётом того, кем является Мединский, в каком ведомстве он служит и в какой партии состоит, можно сказать, что так писать способен лишь тот, кто вот уж воистину не имеет никаких моральных тормозов! «Единороссу» ли Мединскому, плоти от плоти напрочь коррумпированной ельциноидной «Россиянии», рассуждать на моральные темы?!

Но больше того! Далее Мединский провокационно и бесстыже заключает: «Так было раньше, так обстоит дело и сейчас...»

Насчёт «сейчас» кто бы спорил!

А вот что Мединский имеет в виду под «раньше»?

«Чистопородную «ельцинщину» образца «президента» Ельцина?

О, да!

Горбачёвщину и предыдущую брежневщину?

Да, конечно!

Хрущёвщину?

Что ж, тогда высокопоставленное разворовывание страны уже начиналось, но — в весьма скромных,

по сравнению с царской и ельциноидной Россией, масштабах. Так, не воровали, а *подворовывали-с* — с очень большой оглядкой.

А почему?

Да потому, как уже было сказано, что в СССР Сталина казнокрадство — как серьёзное явление — просто отсутствовало и в СССР Хрущёва тоже не очень-то поощрялось — по инерции.

И это — лучшее подтверждение того, что воровство — не русская национальная черта. Однако доказательства этого надо не у Мединского искать, а у Сталина!

В царской же России были и пьянство, и лень, и казнокрадство, но коррумпированную Россию порождали не некие черты национального характера, а царизм, чиновная и буржуазная жадность, как сегодня порождают казнокрадство сам ельциноидный Кремль вкупе с чиновной и буржуазной жадностью.

Зато большевики под руководством Ленина и затем — Сталина, вместе со всеми здоровыми силами русского и советского народа боролись за преодоление лени и казнокрадства, за ликвидацию коррупции и воровства.

И, надо сказать, у них это неплохо получалось!

Нынешний режим, начиная с «либерального» президента Медведева, очень любит императора Александра II-«Освободителя». Любит его и Мединский и утверждает, что при этом-де «пушистом» либеральном царе коррупции и воровства якобы не было — даже при подрядах на строительство железных дорог (эх, коли бы так!).

Что ж, Александра II кое-кто любил, надо заметить, и при его жизни. Так, например, 7 июня 1942 года нью-йоркская еврейская газета «Форвертс» опубликовала исторический этюд Марка Алданова (Ландау)

«Русские евреи в 70—80-х годах», где автор писал: «...в эпоху Александра II вся богатая еврейская буржуазия была совершенно лояльна...».

Но почему она была лояльна к царизму? Не потому ли, что, как пишет далее Алданов: «Именно в это время создались крупные состояния Гинцбургов, Поляковых, Бродских, Зайцевых, Балаховских, Ашке-нази...»

Этот список можно значительно дополнить не только еврейскими фамилиями. И если вспомнить классическую констатацию из ильфо-петровского «Золотого телёнка» о том, что «все крупные... состояния нажиты самым бесчестным путём», то утверждениям Мединского насчёт того, что при Александре II коррупция якобы отсутствовала, уже в свете сведений Алданова-Ландау, верить, конечно же, можно на «все сто», но...

Но — с точностью «до наоборот».

Воровали-с, и ещё как-с воровали-с при благословенном царе-«Освободителе»!

Впрочем, можно найти и более серьёзные источники сведений о якобы непорочно честной царской системе времён Александра II. Так, в 1991 году в издательстве «Наука» вышел уникальный, на мой взгляд, научный труд Бориса Васильевича Ананьича «Банкирские дома в России 1860—1916 гг. Очерки частного предпринимательства». О «пушистой» эпохе «пушистого» Александра II там имеется множество интереснейших фактов и цифр. Увы, мне в этом очерке придётся ограничиться минимумом их, начав, правда, с прямой обширной цитаты:

«Антон Моисеевич Варшавский... и Абрам Исаевич Горвиц принадлежали к южным откупщикам, переселившимся в Петербург... Варшавский приобрёл

широкую и в то же время скандальную известность во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. (как раз при Александре II. — С.К.), вместе с компанией «Греггер, Горвиц и Коган» участвовавшей в снабжении армии продовольствием. «Греггер, Горвиц и Коган» выступали как комиссионеры и получали 10% от стоимости поставок, причём «почти без всякого контроля этих цен и доставляемого количества...»

Тут я цитирование временно прерву, чтобы заметить — это какое же количество царских интендантов надо было отнюдь не святой «троице» комиссионеров «подмазать», чтобы избавиться от всякого контроля и цен, и объёма поставок? С другой стороны, как это всё до боли напоминает нынешнюю ситуацию в «России», когда *незнамо куда* исчезают казённые миллиарды рублей и долларов, а премьеры и президенты меланхолически констатируют утечку и призывают «усилить контроль».

Картина, как видим, знакомая...

Вернёмся, однако, к труду Б.В. Ананьича:

«Варшавский подрядился поставить для полевого интендантства 7000 пароконных крестьянских подвод, а затем печёный хлеб для русской армии в Сан-Стефано. Прибыли были огромными, армия платила по 3 р. золотом и 1 р. 65 к. бумажными деньгами за подводу в день. По свидетельству С.Ю.Витте (эксперт авторитетный, в вельможном воровстве разбиравшийся как теоретически, так и практически. — С.К.), подряды эти были устроены начальником штаба действующей армии генералом А.А.Непокойчицким, и «злые языки» говорили, что Непокойчицкий был чуть ли не пайщиком компании «Греггер, Горвиц и Коган» или получил от неё «соответствующее вознаграждение».

Ну, так говорили о Непокойчицком явно не «злые языки», а языки завидующие, сами не сумевшие договориться с Грегером, Горвицем и Коганом по причине малого ранга в интендантском «воровском братстве».

При этом воровство на армейских подрядах и вообще интендантское воровство было в царской России явлением преемственным. Недаром ещё Александр Васильич Суворов говаривал, что любого интенданта через три года можно расстреливать без суда и следствия.

Эта гнусная традиция сохранялась в русской армии ровно столько лет, сколько над царской Россией развевался трёхцветный флаг, а во главе России стояли Романовы.

Напомню читателю классический пример, сообщаемый в мемуарах «Пятьдесят лет в строю» бывшим графом Алексеем Алексеевичем Игнатьевым, окончившим свою жизнь генерал-лейтенантом РККА.

Во время Первой мировой войны полковник Игнатьев был русским военным агентом (военным атташе) во Франции и насмотрелся, и нахлебался всякого. Так, он пишет, например, что постоянно сталкивался с противодействием и медлительностью в ответах августейшего шефа русской артиллерии, великого князя Сергея Михайловича. Телеграммы Сергея запаздывали, но приходили в Париж всегда в начале недели. Причину однажды объяснил один из французских знакомых Игнатьева: «Ах, сегодня пятница, вы получите ответ в понедельник... По субботам Рагузо играет в карты во дворце Кшесинской...»

Игнатьев пояснял:

«С Рагузо-Сущевским, представителем Шнейдера (французский пушечный «король». — С.К.), в России я не был знаком, но вспоминал, что в молодости частенько видел этого раскормленного на артиллерий-

ских делах польского пана в первом ряду на балетах в Мариинском театре. Я, конечно, не мог тогда догадаться, что его балетоманство объяснялось появлением на сцене тоже польки и аккредитованной любовницы Романовых — прима-балерины Кшесинской...»

Кшесинская была любовницей и императора, и великого князя Сергея, а уж насчёт Рагузо — не знаю... Да и чёрт с ними! Существеннее то, что тогдашние государственные нравы в полной мере возрождаются в ельциноидно-мединской «Россиянии» уже не Романовых, а Медведевых.

Да, как уже было сказано выше, гнусная традиция армейского казнокрадства и коррупции сохранялась в русской армии ровно столько лет, сколько над царской Россией развевался трёхцветный флаг, а во главе России стояли Романовы. Эта традиция была прервана лишь «красной» полосой русской истории.

А вот теперь, когда над Россией вновь развевается «триколор», армейское казнокрадство расцвело даже ещё, пожалуй, более пышным «трёхцветным» цветом, чем в царской России, — «россиянских» генералов подкупают не только внутренние гешефтмахиры, но и внешние. Конкретные примеры не привожу по причине как их многочисленности, так и широкой известности. Напомню лишь читателю о более чем странной приверженности «трёхцветного» Министерства «обороны» РФ к «трёхцветным» же французским десантным кораблям типа «Мистраль», необходимым России так же, как рыбе зонтик.

А теперь — о бароне-банкире Александре Людвиговиче Штиглице (1814—1884). Это имя в царской России пользовалось определённой известностью и популярностью, а сейчас «триколорная» мединская «Россияния» эту популярность всемерно возрождает

и активизирует, подавая барона образцом предпринимателя и мецената.

Замечу сразу, что практически любой меценат — это тот же эксплуататор и похититель чужого труда, но по той или иной причине добровольно выделяющий часть своих несправедливо полученных богатств на общественные нужды.

Примеры резкого отличия мецената от кровососа единичны, и в России надо говорить в положительном и уважительном смысле как о меценатах, пожалуй, лишь об основателях Московской городской художественной галереи братьях-купцах Павле и Сергее Третьяковых. Недаром Советская власть, национализировав в 1918 году эту галерею, сохранила за ней название Третьяковской!

Что же до Александра Штиглица, то он был потомственным банкиром, получив от отца, скончавшегося в 1843 году, по наследству банкирский дом, состояние в 18 миллионов рублей и звание придворного банкира. Штиглиц-сын стал последним придворным банкиром русского двора и уже при Александре II был назначен управляющим вновь созданным Государственным банком, преобразованным из Коммерческого банка.

Как придворный банкир, Штиглиц устроил русскому правительству несколько крупных иностранных займов. Надо сказать, что ни один иностранный заём царизма не способствовал экономическому расцвету русского государства. Цари брали деньги у европейских банкиров на «освобождение греков», на подавление европейской революции 1848 года, на «освобождение славян». Перед русско-турецкой войной 1877—1878 гг. российский государственный бюджет выбрался на уровень положительного сальдо, и возникала возможность направить деньги наконец-то на внутреннее развитие. Но тут Россию Алексан-

дра II втянули в войну за «освобождение братушек-болгар». Через пару лет государственный долг России достиг астрономической цифры в 6 миллиардов рублей. Тогдашних! Золотых!

Спасибо штиглицам!

А заодно — и царю-«Освободителю», всемерно освобождавшему Россию от блестящих исторических перспектив.

Автор дореволюционной монографии о русских коммерческих банках И.И. Левин писал о Штиглице как о «пылком поклоннике Шиллера и Гёте», но также и как о «короле Петербургской биржи», принадлежавшем «по характеру своих оборотов к старой школе капиталистов-спекулянтов».

Пожалуй, лишь очень наивный или очень недобросовестный человек сможет сказать, что при *таком* характере оборотов Штиглиц не подкупал царских чиновников когда в розницу, а когда и оптом. Что же касается «комиссионных» за иностранные займы, то их платили барону обе стороны, несмотря на то что русскому правительству займы у Ротшильдов и Берингов при посредстве Штиглица обходились в 5,5%, а французскому, например, правительству — в 4,7%.

На двух займах по 50 миллионов рублей в период Крымской войны разница в 0,8% составляла *дополнительно* 400 тысяч рублей ежегодно! Недёшево стоило России «бескорыстие» мецената Штиглица!

Напомню читателю, что, например, на закупку станков для Адмиралтейских Ижорских заводов казна выделила в 1860 году тридцать тысяч рублей, на новое оборудование для Кронштадтского парового завода — сорок семь тысяч рублей.

В 1860 году Штиглиц стал первым управляющим Государственным банком. Получив это назначение... «честнейший» Штиглиц ликвидировал свои частные

дела и пребывал на доходном посту шесть лет. После чего перешёл — от греха подальше — на положение рантье с годовым доходом свыше 3 миллионов рублей. Этот доход был лишь процентами с огромного состояния!

До революции в царской России на все лады расписывали щедрость Штиглица в деле благотворительности. Ну что ж, посмотрим на эту сторону его дел со счётами (или, если кому угодно, с калькулятором) в руках.

Во время Крымской войны, когда Штиглиц получил огромные комиссионные за устройство иностранных займов, он сделал два «крупнейших» пожертвования: в пользу Чесменской военной богадельни и в пользу морских чинов, лишившихся имущества в Севастополе. Каждое — размером в 5 (пять) тысяч рублей. Итого — десять тысяч.

В бытность управляющим Государственным банком барон учредил ссудно-сберегательную кассу для служащих и затем подкреплял её в течение трёх лет своими пожертвованиями, составившими в сумме 10 290 (десять тысяч двести девяносто) рублей. По «целых» три тыщи в год — одну тысячную (0,1%) от своего годового дохода! При этом Министерство финансов отзывалось о Штиглице как о «неблагонадёжном» банкире, «извлекающем для себя исключительные выгоды» в ущерб торговому и государственному кредиту.

Умер барон-банкир Штиглиц 24 октября 1884 года (через три года после казни «пушистого» царя Александра народовольцами), оставив состояние то ли в 38 миллионов, то ли в 100 (сто!) миллионов рублей.

Нажитых «исключительно честными» трудами — если верить разного рода мединским *того* и *этого* времени.

Основную часть своих капиталов и имущества барон завещал приёмной дочери Надежде Михайловне Половцевой и её семье. Половцева получила два особняка по Английской набережной и на Галерной, 178 паёв Товарищества Нарвской суконной мануфактуры на 890 тыс. руб., 682 акции Невской бумагопрядильной компании на 341 тыс. руб., 11 757 акций и облигации Главного общества российских железных дорог и т.д.

Старший сын Половцевой получил дом на Каменном острове, богатейшее имение Фоминки во Владимирской губернии и 200 тыс. рублей. Младший сын получил все билеты 2-го 1859 года внутреннего с выигрышами займа. Дочерям Половцевой — княгине А.А.Оболенской и графине Н.А. Бобринской — Штиглиц оставил по 100 тысяч рублей.

Не удержусь и сообщу дополнительно, что племяннице Пистолькорс (урождённой Гардер) барон оставил 7 млн. 300 тыс. рублей, другой племяннице, баронессе Иксукуль (урождённой Гардер) — 4 млн. 200 тыс., племяннику Гардеру — 1 миллион, пяти родственникам — по 300 тысяч, трём родственникам — по 200 тысяч, большой группе друзей, дальних родственников и сотрудников — по 100 тысяч (некому Яковенко он к этой сумме прибавил лошадей, сбриуи, вино, бельё и даже сигары)...

Не был забыт бароном и «народ»... Двадцати своим конюхам, швейцарам, садовникам, камердинерам, лакеям и поварам было завещано в общей сложности аж 40 (сорок) тысяч александровских (уже Александра III) рубликов. Получила по 300...500 рубликов и остальная старослужащая челядь. На благотворительные цели было роздано ни много ни мало 70 (семьдесят) тысяч рублей — Коммерческому училищу для бедных, Глазной лечебнице на Моховой, Ремесленно-му училищу цесаревича Николая и т.д.

Главным же благотворительным делом жизни «пылкого поклонника Шиллера и Гёте» стало деятельное его участие в образовании государственного Училища технического рисования для подготовки преподавателей «обоего пола» для средних художественно-промышленных школ. Училище было основано в 1876 году и открыто в Петербурге по инициативе и на средства Штиглица, который пожертвовал на первоначальное устройство училища миллион рублей.

Да, сумма была выделена бароном тогда немалая, да и потом он не оставлял своё «горячо любимое детище» без внимания. Но ведь таким образом ловкий и удачливый в силу беззастенчивости, бездетный 62-летний банкир обеспечивал своему имени *бессмертие*.

Во всяком случае, он на это рассчитывал.

Стоило отдать *за это* не более чем треть годового дохода за всего лишь один год? Ведь и после этого, формально очень щедрого, пожертвования у Штиглица в том же году оставалось два миллиона! Причём за предыдущий перед годом дарения год он получил три миллиона, как и в последующий после миллионного дарения год!

Нося имя Штиглица, Училище технического рисования функционировало до 1924 года, а в 1945 году было воссоздано уже как Ленинградское высшее художественно-промышленное училище. В 1953 году ему присвоили имя выдающегося советского скульптора В.И. Мухиной.

Главным делом жизни Веры Ивановны были не удачные биржевые, железнодорожные и банковские аферы, а величественная монументальная скульптура «Рабочий и Колхозница», ставшая волнующим олицетворением новой, социалистической России.

В ельциноидной «Россиянии» путиных, медведевых, чубайсов и мединских великие символы

Труда — Серп и Молот, вознесённые над миром мухинскими молодыми ребятами, оказались не в чести, как и Красное знамя СССР. Не пришлось к нынешнему кремлёвскому двору и само имя Мухиной. И знаменитому в мире и в СССР Училищу имени В.И. Мухиной было возвращено «историческое имя» Штиглица.

Спору нет — барон в своё время раскошелился щедро, и дореволюционное Училище технического рисования ему было обязано многим. Но ведь, по большому счёту, за всю свою жизнь банкир Штиглиц заработал (если вообще можно говорить в данном случае о честном заработке) не более 1—2% от своего огромного дохода, а всю остальную, невообразимую для человека труда сумму он у общества попросту ловко украл.

И украл, между прочим, даже по законам тогдашнего общества.

И то, что нынешняя «Россия» мединских вновь поднимает на общественный пьедестал (или, вернее будет сказать, на антиобщественный пьедестал?) ловкого царского гешефтмахера, предпочитая его великому деятелю русского и советского искусства, говорит само за себя.

Штиглиц не один, конечно, умел делать деньги из спёртого воздуха обеих столиц... Чего стоят описанные Б.В. Ананьичем похождения и аферы (времен и Александра II, и Александра III, и Николая II) председателя Департамента государственной экономии (н-да!) Государственного совета помещика Абазы!.. Или — банкиров Гинцбургов, Рафаловичей, Рябушинских, Якова и Лазаря Поляковых, а также их брата — железнодорожного «короля» Самуила Полякова и прочих, им подобных!

Приведу ещё одну лишь цитату из монографии Б.В. Ананьича и ей, увы, ограничусь:

«Огромные средства наживались Поляковым (Самуилом. — С.К.) за счёт казны, не только гарантировавшей железнодорожное строительство, но и субсидировавшей его на льготных условиях... Особенно выгодным для подрядчиков было строительство дорог по заказу Военного министерства...

Принято считать, что особенно крупный куш Поляков сорвал на строительстве Козлово-Воронежской железной дороги, воспользовавшись концессией, формально предоставленной на её строительство воронежскому земству...»

Ловко?

Если верить мединским, александровская казна субсидировала Полякова на льготных условиях исключительно из-за его честнейших глаз, а воронежское земство прикрывало его махинации тоже исключительно из любви к родному краю.

Но, позволю себе заметить, что мне видятся здесь некие иные причины...

А тебе, уважаемый читатель?

В одном из мест своей книги Мединский пишет:

«А в целом всё типично: где государственные подряды — там и воровство. И это — вовсе не русская особенность...»

Умри, Владимир, лучше не скажешь! Именно так: где государственные *подряды* — там и воровство!

Но где существуют государственные подряды? Не там ли, где есть частные подрядчики?! И вот там, где есть частные подрядчики, там есть и воровство! Ведь частная собственность и воровство неотделимы. Это понимал уже Прудон, который ещё до Маркса сказал: «Собственность — это воровство».

Что надо сделать, чтобы государственная казна не была кормушкой для частников-воров? Вывод, вообще-то очевидный — но не для «единоросса» Мединского, ибо вывод ведь таков: надо вести могучее строительство — промышленное, общественное, жилищное — *самому государству!*

Но это, по Мединскому, — тоталитаризм и социализм. И для него, как депутата-«единоросса», лучше капитализм и воровство в оглушительных, умопомрачительных размерах, чем социализм и отсутствие воровства как значимого явления жизни общества.

О Молле Насреддине, неаполитанском мусоре и Русской Аляске

В своей книге Мединский касается и такого крупного события эпохи Александра II, как «продажа Аляски». Депутат-«единоросс» вроде бы и против этого акта... Но — как «против»?! От его «защиты» проблема не проясняется, а ещё больше затуманивается.

Есть такое арабское выражение: «Извинение хуже проступка»... Для лучшего пояснения его приведу восточный же анекдот — Мединский любит вставлять анекдоты в своё «повествование», а мне что — заказано?

Итак...

Великий эмир Тимур никак не мог уловить смысл выражения и приказал Молле Насреддину его объяснить. Молла раз за разом разъяснял, что бывает, мол, так: человек совершит какой-то проступок, начнёт извиняться и делает ещё хуже.

— Как же можно сделать хуже, если ты извиняешься? — не понимал Тимур. — Ты, Молла, глуп, если не можешь объяснить смысл такого простого выражения.

И Тимур, взяв Моллу под локоть, подошёл к лестнице о сорока ступенях и сказал:

— Если ты не объяснишь мне всё, пока мы поднимаемся по лестнице, наверху тебя будет ждать палач.

А затем стал подниматься с Моллой вверх.

Пять ступенек — Молла молчит...

Десять, двадцать ступенек — Молла молчит.

Тимур начинает волноваться — и Моллу жаль терять, и слово эмира нарушать нельзя. И Тимур стал толкать Моллу под бок — мол, объясняй! А Молла идёт, глубоко задумавшись, и молчит.

Наконец, на последней ступеньке Молла как ущипнёт эмира за бок...

— Как ты смеешь! — взвился Тимур.

— О, мой повелитель, прости, — взмолился Молла, — мне показалось, что я иду с твоей любимой женой...

— Что-о-о?!!!

И Молла спокойно спросил:

— Теперь ты понимаешь, мой повелитель, что иногда извинение может быть хуже проступка?

Вот так и Мединский — в истории с «продажей Аляски» он мусолит второстепенные детали, растабаживает, что, мол, имеет хождение миф о том, что Аляску не продали, а сдали в аренду на 99 лет, ни с того, ни с сего поминает Жириновского и т.п. О главном же Мединский — как в рот воды набрал!

Момент-то для мединских — крайне деликатный... Начиная с того, что продана была не Аляска — о чём чуть ниже.

Так вот, главным в истории с продажей является то, что она ни с какой точки зрения не была обусловлена объективно. И чем более мы отдаляемся от времён продажи русских североамериканских владений, тем более ясным становится, что эта продажа была самым крупным геополитическим *преступлением* царизма

в целом, а также и лично преступлением императора Александра II, его брата — великого князя Константина и их коррумпированного окружения.

Мединский об этом — полный молчок, да и сам его рассказ о продаже *Аляски* — это, фактически, подлог! Подлог в том смысле, что российские «верхи» продали, вообще-то, не только Аляску, а намного более обширную территорию!

Была продана огромная *Русская Америка*...

Эти земли Россия открывала усилиями петровских геодезистов Евреинова и Лужина, трудами экспедиций Беринга и Чирикова, Фёдорова и Гвоздёва, Креницына и Левашёва, океанскими походами русских «передовщиков» Андреяна Толстых и Степана Глотова...

В освоение Русской Америки были вложены жизни и судьбы купцов Шелихова и Кускова, камергера Резанова, адмирала Врангеля, путешественников Крузенштерна, Лисянского, Загоскина и сотен других выдающихся русских людей, в том числе — легендарного правителя Русской Америки Александра Баранова, основателя Ново-Архангельска. Память о Баранове в американском штате Аляска хранят лучше, чем на его родине, чему лишнее доказательство — полное умолчание о Баранове в книге Мединского.

Полуостров Аляска, Алеутские острова с Андреяновскими островами, остров св. Лаврентия и остров св. Матвея, остров Кадьяк, острова Прибылова, архипелаг Александра со столицей Русской Америки Ново-Архангельском (ныне Ситка), береговая материковая зона, параллельная Земле Александра от 55-й до 60-й широты...

Вот что такое была Русская Америка — официальные, международным правом признанные владения России на северо-западе Северной Америки.

И я перечислил ещё далеко не всё! Причём один архипелаг Александра представляет собой целую «флотилию» непотопляемых «авианосцев», вытянувшуюся вдоль американских берегов... Как бы они пригодились России во все времена!

О том, что было продано, можно судить по неосторожно помещённой в книге Мединского на первом форзаце схеме «территориальной, — как сказано там, — экспансии России». Там, на врезке, и показана утраченная Россией из-за Александра Второго Русская Америка, в состав которой входил архипелаг имени Александра Первого.

К слову, и на этом форзаце не обошлось без лжи, поскольку в схему «русской экспансии» включена территория Украины, которая испокон веков входила в состав Русского государства и была отторгнута от России в ходе *польской* экспансии XIII—XVIII веков.

То есть, по Мединскому, Украина — это не исконно русские земли, не основа Киевской Руси, а земли, присоединённые Россией в ходе её территориального расширения!

Ну-ну...

А впрочем, разве может мыслить иначе Мединский, состоя в партии «Единая Россия»? Это ведь «ЕР» поощряет катынские и прочие антирусские и пропольские фокусы Кремля! Это для «ЕР» ненавистна и неприемлема сама идея нового государственного воссоединения Украины с Россией...

И может ли профессор нынешнего МГИМО искренне возмущаться давней историей с продажей Русской Америки?

Ведь нынешний Кремль и нынешний МИД РФ истово ратуют за «партнёрство» с главным политическим бандитом современности — Соединёнными Штатами.

С теми самыми Штатами, которые десятилетиями готовили развал СССР и развалили его руками Горбачёва и Ельцина, чтимых мединскими, путинными и медведевыми с К°.

С теми Штатами, которые по сей день имеют наглость претендовать на русский остров Врангеля в Чукотском море... Интересно — знают ли об этом Мединский и партия «ЕР»? А если знают, то почему молчат и не протестуют?

А что, если мы вспомним историю с продажей важнейших участков шельфа СССР Горбачёвым и Шеварднадзе? А что, если напомнить, что и сегодня распродажу российского шельфа разным норвегиям готова благословлять та партия, депутатом от которой в Государственной Думе является Мединский?

Да, Дмитрий Медведев и партия «ЕР» недаром относятся с подчёркнутым пиететом к императору Александру II. В XIX веке лишь этот император был подчёркнуто равнодушен к интересам России. Кроме прочего, именно он окончательно втянул Россию в болото колоссальных внешних долгов без всякой пользы для развития России. Наверное, за это и любят Александра II медведевы и мединские, любящие «цивилизованный» мир банков.

Между прочим, Мединский, рассказывая о «продаже Аляски», заявляет, что американским инициаторам покупки пришлось-де лоббировать её в Конгрессе США, поскольку там якобы было много противников сделки, и далее заключает:

«Интересно, что не отмечено ни одного случая, чтобы Государственный совет Российской империи получил «откат», присоединяя территорию к Империи...»

Профессор МГИМО, похоже, забыл, что ни одна так или иначе присоединяемая к России территория

не была присоединена в результате финансовой операции. Все присоединения были или добровольными — как в случае Абхазии, Грузии, Армении, или стали результатом силового расширения России до её естественных (не забудем!) геополитических пределов. За новые или вновь возвращённые территории Россия всегда платила потом и кровью своих героических сынов.

Это Соединённые Штаты все свои новые территории после образования федерации первых тринадцати штатов *купили* — у Франции, у Испании, у России...

Что же до «откатов», то Мединский в некотором смысле прав — в истории России не отмечено ни одного случая, когда кто-то из членов Государственного совета Российской империи получил «откат», *присоединяя* территорию к Империи. Но вот история с «*отсоединением*» территории Русской Америки от Империи, увы, «откатами» полна, начиная с брата императора — великого князя Константина.

«Откаты», «откаты»...

А как, почему и когда в жизни современной России возникло это понятие?

В романе Вадима Кожевникова «Щит и меч» хорошо сказано о тех, кто развращён настолько, что разврат не считает развратом. Это, кроме прочего, и о таких, как Мединский, Грызлов, Путин, Медведев и иже с ними. Ведь Мединский вряд ли отдаёт себе отчёт в том, что само понятие «откат» неотделимо от возникшей после 1991 года «Россиании» ельциных, абрамовичей, мединских, грызловых, путиных, медведевых, жириновских, прохоровых, чубайсов и т.д.

«Откаты», коррупция» — это ведь не национальная черта, а социальная черта, черта частнособственнического общества, что хорошо — сам не сознавая, что *ляпает*, — показывает сам же Мединский. В сво-

ей книге он приводит ряд вполне показательных интернациональных примеров казнокрадства.

Так, он сообщает, что в США, например, из 85 миллионов долларов бюджетных ассигнований, выделенных на помощь пострадавшим в Новом Орлеане от урагана «Катрина», было разворовано 80%.

В тех же Штатах частные фирмы устраивают себе государственные подряды, устраивая чиновников на сезон в «домик для развлечений», а мэр Нью-Йорка казёнными долларами оплачивает визиты элитных проституток — по 10 тысяч за визит.

Упоминает Мединский и о том, что без итальянской, например, мафии не обходится ни одна сторона общественной жизни Италии — даже подряды на вывозку мусора в Неаполе и т.д.

Что ж, как физического, так и нравственного, в том числе — политического, мусора хватает и в Италии, и в Чикаго, и во Франции.

Хватает его теперь и в капитализированной России.

Но кто, как не все эти мединские и медведевы с пугливыми, загаживають в России всё, к чему ни прикоснутся?

Что забавно и омерзительно одновременно — у Мединского, для которого СССР — понятие неприемлемое, хватает наглости подытожить свой рассказ о государственном воровстве в мире так:

«В общем, уровень коррупции в СССР — это какой-то детский лепет в сравнении с обычным уровнем воровства в самых «цивилизованных» странах...»

Что ж, верно! В СССР Сталина говорить о коррупции вообще не приходилось, и даже в СССР Брежнева коррупция была ничтожной. Проведём подсчёт, что называется, с точностью «до лаптя»...

При годовом государственном «брежневском» бюджете примерно в 410 миллиардов рублей (фактически они были равнозначны 400, если не более, миллиардам долларов) одна десятая процента от бюджета равнялась 410 миллионов рублей. Если мы разделим эту сумму на, скажем, сто тысяч потенциальных казнокрадов и взяточников, то получим средний размер годового куша примерно в 4 тысячи рублей — стоимость однокомнатной кооперативной квартиры. Куш немалый, но ведь в СССР Брежнева и ста тысяч крупных казнокрадов не было. К тому же тогда государственный бюджет был, по сути, денежным выражением валового внутреннего продукта.

Выходит, что даже в СССР Брежнева не воровали, а так-с — *подворывали-с...*

А как обстоят дела с этим в нынешней «России»? А, мсье Мединский? Сколько процентов государственного бюджета «Россиании» разворовывается при том, что ныне этот бюджет не составляет и половины ВВП, а вторую половину крадут у народа вполне — по законам РФ — законно, по «священному» праву частной собственности?

Задумаешься обо всём этом и понимаешь, что самые махровые брежневские казнокрады были действительно чем-то вроде малыша, который может максимум стянуть тайком с богатого праздничного стола пару конфеток... Нынешние же воры нагло обжираются за бывшим общественным «столом», грубо отпихивая от него всяких там «дорогих россиян» не «новорусского» образца.

Но, впрочем, ещё немного «об Европах»... Сам же Мединский признаёт, что у «чудовищной» (определение Мединского. — С.К.) российской приватизации 1990-х есть некая аналогия с денационализацией в Англии времён тэтчеризма и пишет:

«Правда, при Тэтчер в год приватизировали не более 1% экономики. А при Ельцине-Чубайсе-Кохе & Со сразу — считайте — почти всю!»

Чудны дела твои, Господи, но дела мединские ещё чуднее! Это кто же осуждает приватизацию образца Ельцина, Чубайса, Коха & Со? Антикапиталист-ленинец? Патриот-сталинец? Или сторонник капитализации Мединский — член приватизаторской партии «Единая Россия», которая все годы своего правления исправно штампует все приватизационные акты администрации Путина и Медведева?

Ну, ребята, чего-чего, а наглости вам не занимать — сами кому угодно отсыпать можете!

А дальше — больше! Затем Мединский сообщает, что в Англии многих «приватизаторов» заставили выплатить крупный компенсационный налог, и вздыхает:

«Именно этого у нас давно и безуспешно требуют многие известные политики. Только боюсь, шансов пойти по цивилизованному «британскому пути» в данном вопросе у России, увы, никаких».

Что ж так?

Вообще-то, России нет нужды идти по цивилизованному «британскому пути». Кардинально верным путём может быть лишь полный возврат народам России всего государственного имущества СССР на территории РФ, как «приватизированного» внутренними «приватизаторами», так и проданного Западу.

Но что, если стоять на позиции выплаты «приватизаторами» компенсационного налога?

Если Мединский считает такой вариант разумным и благотворным, то кто же мешал «Единой России» — партии Мединского пойти хотя бы по цивилизованно-

му «британскому пути»? Обладая в Государственной Думе РФ конституционным большинством более чем в две трети голосов, имея за собой почти весь Совет Федерации, партия «Единая Россия» могла бы решить этот вопрос в считанные недели, даже если бы Владимир Путин или Дмитрий Медведев — яростные противники любой национализации — наложили бы на решение «ЕР» вето!

Так почему же партия «Единая Россия» не идёт хотя бы по этому пути? Ведь это означало бы пополнение бюджета триллионами рублей, которые можно было бы израсходовать на нужды здравоохранения, образования, государственного жилищного строительства!

Известный конструктор ракетно-космической техники Сергей Павлович Королёв любил присказку: «Кто хочет сделать — ищет способ. Кто не хочет — причину».

Если бы император Александр Второй и его брат хотели сохранить для России грандиозные мировые геополитические перспективы, они *нашли бы* способ удержать за Россией её самое крупное геополитическое и экономическое приобретение на рубеже XVIII и XIX веков — Русскую Америку.

Если бы лидер партии «Единая Россия» Владимир Путин и сама партия «ЕР» хотели бы вернуть народам России огромные, «приватизированные» прохиндеями материальные ценности, они вполне могли бы это сделать *давным-давно*.

Однако проще разглагольствовать о мусоре в Чикаго и Неаполе, чем заниматься уборкой политического и социального «мусора» у себя дома. Да и может ли партия «Единая Россия» заниматься чем-либо подобным, если она и сама представляет собой, гм...

Ну, что там много говорить — знает кошка, чьё сало съела, знает и партия «Единая Россия», чем она пахнет и чего она на самом деле стоит...

Хотя она и впрямь стоит немало, если учесть, как недёшево обходится России правление этой «партии» и её «лидера».

О королях и капусте, а также о Морже и психологической войне

Великий американский писатель и гуманист О'Генри кроме многих блестящих новелл написал единственный роман «Короли и капуста». Внешне роман сумбурен, а на самом деле — выстроен с железной сюжетной логикой, что выясняется, однако, далеко не сразу.

Для О'Генри это был всего лишь остроумный и увлекательный художественный приём. Однако что-то схожее давно применяют, и отнюдь не в творческих, а в разрушительных целях, мастера психологической войны.

Вот и у сумбурных «откровений» Мединского есть несколько целей: и «пиар» нынешней «Россиянии», и «пиар» царской России, и клевета на СССР и социализм. Но всё это Мединский старается делать так, чтобы выглядеть при этом в глазах читателей чуть ли не противником нынешнего режима, а порой — чуть ли не поклонником Сталина и советским патриотом.

Удачно совместить всё это мог бы разве что Сатана (да и то — вряд ли), а Мединский, хотя и достоин числиться по разряду сатанистов, особой интеллектуальной ловкостью не отличается. По крайней мере — для тех, кто понимает технологию его ухищрений.

Тем не менее, поскольку простодушных людей в «Россиянии» хватает, фокусы Мединского успех пока имеют — не без государственного «пиара», конечно. Срабатывает и ещё один старый, однако испытанный по отношению к простакам приём. Его применили

Морж и Плотник из знаменитой «Алисы в Зазеркалье» Льюиса Кэрролла (О`Генри не случайно помянул Моржа в предисловии к своему роману).

Задачу Морж имел одну — охмурить Устриц с целью вполне практической, а конкретно — гастрономической.

Устрицы прятались, зарывшись в морское дно, и Морж, чтобы выманить их, стал соблазнять:

Ах, Устрицы! Придите к нам, —
Он умолял в тоске, —
И погулять, и поболтать
Приятно на песке...

Старые, умудрённые жизнью Устрицы на провокацию Моржа не поддались, а вот юные не удержались и выбрались на берег.

И молвил Морж: «Пришла пора
Подумать о делах:
О башмаках и сургуче,
Капусте, королях...»

Увы, всё закончилось тем, что доверчивые Устрицы были съедены все до одной Моржом и Плотником с зеленью, сыром и хлебом под уксус, горчицу и лимон.

«Морж»-Мединский поступает с читателями так же... О чём только — ни к селу ни к городу — он им не вещает! Он разглагольствует о ганзейских купцах и польской шляхте, о Питириме Сорокине и Дантоне с Мирабо, о банкирах и жуликах, а также о царях, королях, зелёной «капусте» и вообще о чём угодно — от капиталиста Рябушинского до археолога Шлимана...

И от книг Мединского у читателя — при такой якобы «энциклопедической» «эрудиции» автора — действительно может возникнуть впечатление масштабных «исторических полотен». И тогда даже тени подозрения не возникнет, что всё это не более чем отвлечение

внимания! Психологический фокус для того, чтобы читатель (а главное — *избиратель*) не задавал законные вопросы типа: «Это всё, конечно, хорошо, и про Панаму, и про японских камикадзе, и про Шлимана с аристократом Лессепсом... Но как же так получается, что мировые рейтинги России ползут всё ниже, а число миллиардеров в ней растёт? И почему километр дороги в РФ стоит раз в десять дороже, чем в США? И почему олигарх платит тот же подоходный налог, что и бедная старушка, а Кремль и партия «Единая Россия» считают это в порядке вещей?»

Подобных вопросов наша нынешняя жизнь рождает много. Однако ни один из действительно существенных вопросов на злобу сегодняшнего и завтрашнего дня Мединский не затрагивает и затрагивать не будет.

И понятно — почему. В доме повешенного не говорят о верёвке, как в доме со стеклянными стенами не бросаются камнями. Если начать задавать назревшие, наболевшие вопросы, то что же тогда останется от стельциноидного Кремля — хотя они и не стеклянные?

Мединский пытается разрушить «мифы» о России, но ведь это не миф, а правда, что сегодня стараниями «политиков» типа Мединского и «приватизаторов» в жизнь России вернулись самые гнусные и антиобщественные черты старой царской России.

Пусть читатель попробует угадать, откуда взято вот это описание Санкт-Петербурга:

«Петербург жил бурливо-холодной, пресыщенной, полуночной жизнью. Фосфорические летние ночи, сумасшедшие и сладострастные, зелёные столы и шорох золота, музыка, крутящиеся пары...

В последнее десятилетие с невероятной быстротой создавались грандиозные предприятия. Возникали, как из воздуха, миллионные состояния. Из хрустала

и цемента строились банки, мюзик-холлы, великолепные кабаки, где люди оглушались музыкой, отражением зеркал, полуобнажёнными женщинами, светом, шампанским. Спешно открывались игорные клубы, дома свиданий, театры, лунные парки. Инженеры работали над проектом постройки новой, невиданной ещё роскоши столицы, неподалёку от Петербурга, на необитаемом острове...

Любовь, чувства добрые и здоровые считались пошлостью и пережитком; никто не любил, но все жаждали и, как отравленные, припадали ко всему остроуму, раздирающему внутренности...»

Ну, что это? Описание нынешней «второй столицы» из очередного дамского романа очередной полины дашковой или дарьи вильмонт?

Нет, это — начало романа «Сёстры», первой книги великолепной трилогии Алексея Толстого «Хождение по мукам». В нынешней «Россиянии» это произведение выдающегося русского советского писателя исключено из школьной программы, как постепенно исключается из этой программы вообще всё не только советское, но и истинно русское.

А ведь Толстой, описывая Санкт-Петербург 1914 года, фактически описал нынешний Санкт-Петербург... Гниль царской обречённой России социально и исторически тождественна гнили тоже обречённой — так или иначе, морально и материально разлагающейся ельциноидной «Россиянии».

Это становится всё более очевидным для тех, кто способен проводить исторические аналогии. Вот, скажем, коллизия со спиртом для производства бездымного пороха, описанная в мемуарах уже помянутого выше бывшего графа и советского генерала А.А.Игнатьева, во время Первой мировой войны — русского военного агента (атташе) в Париже.

После захвата немцами севера Франции во французской промышленности недостаток спирта принял угрожающие размеры, а он был нужен, в том числе и для производства пороха по русским заказам. В то же время в России из-за прекращения продажи казённой водки спирта было столько, что, например, как писала Игнатьеву мать из деревни, на Чертолинском винном заводе излишек выпускали из цистерн прямо в речку Шишку.

Игнатьев неоднократно просил великого князя Сергея, ведавшего артиллерийскими делами, выслать во Францию с обратным пароходом хотя бы сотню бочек «этой драгоценной (во Франции. — С.К.) жидкости», но — вотще.

Наконец, во Францию для переговоров о продаже русского спирта французскому правительству для производства пороха для русской армии прибыл из Петербурга один из высших акцизных чиновников Карцов, как пишет Игнатьев — «скромный и честный патриот». Карцов договорился о предельной цене за гектолитр, но как только сообщил об этом в Петербург, его начальство тут же подняло цену вдвое. Французы согласились и на неё, и акцизное начальство тут же подняло цену втрое! Карцов краснел и отчаивался, и Игнатьев отбил на имя военного министра Сухомлинова следующую телеграмму: «Если до конца месяца спирт не будет отгружен в Мурманск, буду вынужден прекратить производство русского пороха во Франции. Игнатьев».

Только после этого спирт был отгружен, а вскоре Игнатьев узнал и причину проволочек: главное акцизное управление по договору с неким Союзом винокуренных промышленников передало последнему все железные бочки. Казённый спирт в России был, была и герметичная тара под него, но — в частном владении. И винные дельцы решили продать французам

спирт, минуя официального русского представителя Карцова. Эти аферы и задержали поставку, а на фронте не хватало боеприпасов, ибо не было пороха для них.

Игнатъев писал:

«...Я долго не мог поверить, до какого бессилия дошла самодержавная власть царского правительства! Как могло оно разрешать крупнейшие вопросы, поднятые злосчастной войной, когда само не смело реквизировать в собственной стране даже бочки!»

Да вот то-то и оно, что, благодаря самодержавию и капитализму, русские — даже облечённые формально огромной официальной властью, всё менее могли считать Россию собственной страной — она постепенно переходила в руки шведов Нобелей, французских и английских Ротшильдов, в руки бельгийских и немецких промышленников.

Как всё это до тошноты и, одновременно, до сердечной боли напоминает то, что мы наблюдаем в России уже сейчас... При этом вполне реальной становится перспектива того, что не только железные бочки, но и самый спирт Россия будет закупать где угодно, в той же Франции, а отечественное производство будет гибнуть и погибнет.

В специализированных военно-политических изданиях сегодня раздаются вздохи, например, о «поникших крыльях» «Туполева». Аналитики констатируют, что бывшие советские авиационные суперфирмы «Туполев» и «Ильюшин» фактически умирают, поскольку «понесли в постсоветское время по ряду объективных (ну-ну. — С.К.) и субъективных причин особенно тяжёлый урон». Мол, фирмы «МиГ» и «Сухой», разрабатывающие истребители, ещё как-то держатся, а «монстры» уходят.

Но почему так происходит? Конструкторское бюро Туполева было, пожалуй, самым оснащённым в СССР... Конструкторское бюро Ильюшина дало в 80-е годы ряд таких гигантских реактивных самолётов, которые были вполне на уровне требований времени. Но эти две крупнейшие советские авиационные фирмы были сознательно загнаны в ельцинской «Россиянии» в тупик всей государственной политикой. Государственная же (если её можно назвать государственной!) политика Кремля вводит мощные авиационные КБ в «пике» и сейчас. А выйти из него при нынешнем «государственном» «руководстве» и при нынешнем экономическом строе невозможно.

«МиГ» и «Сухой» смогли удержаться на плаву (вопрос — надолго ли?) за счёт экспорта своих истребителей, а прорваться на мировой рынок крупных самолётов намного сложнее. Да и есть ли в том объективная необходимость у того же «Ильюшина», если под рукой имеется огромный (потенциально) внутренний рынок в РФ? Но могут ли думать Кремль и мединский МИД об интересах отечественного производителя? «Грузите апельсины бочками», — рекомендовал Остап Бендер. Что ж, апельсины в «Россиянию» отгружают со всего света, жаль, что и бочки (а равно — пластиковые ведра и прочее подобное) «Россиянии» приходится сегодня закупать. Даром, что в СССР этого добра производилось в достатке!

Психологическая война появилась в мире задолго до того, как было сформулировано само такое понятие, и история кэрролловского Моржа и Устриц (вспомним «Алису в Зазеркалье») лишний раз это доказывает. Морж, предлагая Устрицам «подумать о делах», называл какие угодно направления «приятной беседы» — о башмаках и сургуче, о капусте и королях, однако избегал при этом одной темы — о том, что

Устрицы являются для Моржей предметом *только и исключительно* гастрономического интереса.

Именно такой интерес к России всегда проявлял и проявляет «цивилизованный» Запад. Однако Советский Союз не очень подходил на роль Устрицы — им не раз давились разного рода «гурманы». А вот «Россиянию» мединский Кремль и мединский МИД вместе с зарубежными Моржами уже два десятилетия уговаривают отказаться от «совкового прошлого» и начать сотрудничать с «цивилизованным» миром.

На манер, однако, «сотрудничества» Моржа с Устрицами.

Как раскапывали прошлое и как закапывают будущее

Книги Мединского и манера его обращения с читателем заставляют вспомнить и многих других героев из «Алисы» Льюиса Кэрролла, ну, например, великих болтунов не по теме Трулляля и Тралляля. Алисе очень сложно было понять, чего же они хотят и почему говорят то или иное... Вот и Мединский вдруг берёт и бухает:

«В нашей стране в 1930—1950-е, а особенно в 1960—1980-е годы развернулись колоссальные по масштабам археологические раскопки. Страна была тщательно изучена в археологическом отношении, и это само по себе дало потрясающие результаты. Очень уж многие важные события мировой истории происходили в нашей стране.

Например, заселение древними ариями Индии и Ирана, судя по всему, шло с территории Южного Урала, Южной Сибири и Средней Азии...»

Но, стоп! Какую «нашу страну» имеет в виду Мединский? Надо полагать, раз речь о 30—80-х годах, Советский Союз. Но ведь Советский Союз для мединских — не их страна, по отношению к *нашей* Советской Родине Мединский и нынешние кремлёвские обитатели — предатели. Страна Мединского — это кастрированная предательством «Россияния». Причём в её состав уже не входит Средняя Азия. Среднеазиатские союзные республики входили и в юридическом отношении по сей день входят в *нашу* страну — Союз Советских Социалистических Республик! То есть здесь Мединский демонстрирует шизофреническое раздвоение сознания, достойное парадоксального пёра Льюиса Кэрролла.

А какие годы вроде бы хвалит Мединский? Ведь даже период с 60-х по 80-е годы — это *советский* период русской истории! А уж период с 30-х по 50-е годы — это — вообще сказать страшно... Это ведь, по мединским, период тоталитарного тоталитаризма «кровавого диктатора и тирана» Сталина, у которого была одна забота — как бы побольше рабов загнать за колючку ГУЛАГа, ГУЛАГа, ГУЛАГа...

И вдруг — колоссальные по масштабам археологические раскопки, тщательное изучение прошлого Родины...

Впрочем, Мединский тут же антисоветски выворачивается и заявляет:

«В громадных экспедициях в 1930—1950-е годы использовался труд заключённых и нищих колхозников».

Угу! Так и представляешь себе лагерные колонны, идущие на раскопки остатков средневекового Новгорода под грозные окрики конвоиров: «Копать только культурный слой XII века. Век ниже, век выше считается побег!»

Интересно, Мединский имеет представление о технологии масштабных, да и вообще любых археологических работ? Да и об их географии?

Вроде бы похвалить что-то советское, а потом уже не вроде бы, а реально и зло куснуть — вот линия, занимаемая Мединским! Куснуть, а при этом вести себя очень похоже то ли на Трулляля, то ли — на Тралляля.

Тем не менее, как видим, даже Мединский свидетельствует, что в СССР раскапывали прошлое для того, чтобы лучше высветить будущее и обеспечить в этом будущем для своей страны почётное место в мировой истории и в мировой культуре.

А вот в «Россиянии» происходит обратный процесс — закапывания в землю будущего страны, причём — закапывания в прямом смысле этого слова. Власть всё чаще закапывает в землю самое русский народ...

Для подтверждения сказанного я обращусь к свидетельству ещё одного антисоветчика, который, как и Мединский, с одной стороны, является прямым порождением ельцинизма, а с другой стороны, давно пытается изображать из себя активного противника режима. Я имею в виду небезызвестного Александра Минкина, регулярно пишущего «острые» письма президентам.

Вот отрывок из одного из последних его писем Дмитрию Медведеву, взятый из Интернета:

«...Власть, когда выгодно, когда хочет престижа, говорит о тысячелетней России. Когда уклоняется от ответственности, говорит о молодой демократии. Нам всего 20 лет! Молодая Россия! «Я молодой либеральный президент!» — сказали вы недавно. А назначил нам этого либерала офицер КГБ среднего возраста.

А офицера КГБ нам назначил пожилой член Политбюро ЦК КПСС, которого...»

Но тут мне придётся временно цитирование прервать, чтобы кое о чём у минкиных и мединских спросить... А действительно, кто назначил нам в президенты пожилого, но — не члена Политбюро ЦК КПСС, а экс-члена Политбюро ЦК КПСС?

«Экс...» потому, что Ельцин, когда избирался Президентом Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, уже вышел из рядов КПСС и членом Политбюро быть не мог.

Тем более он не был членом Политбюро, когда избирался президентом просто Российской Федерации.

Причём по той Конституции РСФСР, на которой Ельцин приносил присягу как Президент РСФСР, его надо рассматривать как государственного преступника, предателя СССР, Советской власти и социализма (которым он и является).

А по той «конституции РФ», которая была то ли принята, то ли не принята на референдуме 1993 года после расстрела Белого Дома, Ельцин, похоже, — вообще не президент! Потому что, как признался, например, бывший соратник Ельцина Михаил Полторанин, во втором туре президентских выборов 1996 года президентом был избран, похоже, хотя и с небольшим перевесом, Геннадий Зюганов...

Так, действительно, кто назначил президентом Ельцина? Вот Михаил Полторанин намекает на что-то вроде не Политбюро ЦК КПСС, а «*Вашингтонского обкома*»... Но если это так, а подполковника КГБ Путина назначил Ельцин, а «молодого либерального» Медведева — Путин, то откуда исходит первый импульс, породивший «либерального президента», а?

Не к числу ли риторических, то есть не требующих ответа, надо отнести последний вопрос?

А?

Но как же оценивает либерал Минкин деятельность либерала Медведева — назначенца Путина, который является назначенцем Ельцина, который является назначенцем не пойми кого?

А вот как:

«Сколько за время правления трёх президентов умерло людей? Сколько умрёт?

Нам всё время говорят, насколько сократилось население. Это арифметика... Но мы о другом. О человечках, которые не дожили до человеческой жизни, до человеческой власти.

Вот российская статистика смертей. Итого с 1991 по 2010 год 42 502 900. Для них власть Ельцина-Путина-Медведева оказалась пожизненной. А за что? А ни за что. Попали под колесо истории.

Для всех (почти), кому в 1991-м — в год невероятного энтузиазма (? — С.К.) — было около пятидесяти: **пожизненно.**

Не значит, что при других правителях они прожили бы намного дольше. Люди умирают везде. Но вот вопрос: чувствовали они себя в конце жизни счастливыми или обманутыми? Ушли, веря в счастливую жизнь детей и внуков или в горькой тревоге за них?..

В 2010-м умерло на 340 тысяч больше, чем в 1991-м. Посмотрите: все эти годы умирают больше, а ведь нас становится меньше. Значит, и смертей должно быть всё меньше. Но, увы.

Если в 2012-м нынешняя власть продлит себя ещё на 12 лет, то за это время при такой скорости умрёт ещё примерно 22 миллиона. Итого: 64 миллиона...»

Цитата велика, да ещё и не закончена, но как тут что-то урезать? Это ведь не коммунист так пишет, а антикоммунист! Не советский патриот, а откровенный

«записной» антисоветчик! Не марксист, не ленинец, не сталинец, а известный антисталинист! Не Сергей Кремлёв, а Александр Минкин — духовный сподвижник подобных Владимиру Мединскому.

Как же тут что-то выпустить, заменяя текст отточиением? Таким ведь признаниям цены нет!

Однако позвольте кое-что заметить...

Во-первых, 1991 год действительно был для кого-то, типа минкиных и мединских, годом невероятного энтузиазма. Но для миллионов нормальных советских людей 1991 год сразу, в реальном масштабе времени, был годом горечи и утрат, годом бессильно сжатых кулаков и надрыва души.

Во-вторых, те, по ком поёт зауспокойную Минкин, при сохранении СССР и социализма однозначно прожили бы намного дольше, чем они прожили в «Россиянии»! Уже в 1986 году средняя продолжительность предстоящей жизни населения составляла в СССР 69,6 года (65 лет для мужчин и 73,6 года для женщин). При этом в конце 80-х годов ставилась реальная задача повышения средней продолжительности жизни в СССР (прежде всего — мужского населения) примерно на 8...10 лет к 2000 году (из обоснования Государственной научно-технической программы «Борьба с наиболее распространёнными болезнями», одобренной Постановлением Совета Министров СССР от 30 декабря 1988 г. № 1474).

В-третьих, о, как пишет Минкин, «человечках, которые не дожили до человеческой жизни, до человеческой власти».

На самом деле те, кому в 1991 году было около пятидесяти и которые к 2011 году из жизни ушли, именно до 1991 года жили вообще-то человеческой жизнью при человеческой, то есть Советской, власти.

Минкин риторически вопрошает: чувствовали они себя в конце жизни счастливыми или обманутыми?

Ушли, веря в счастливую жизнь детей и внуков, или в горькой тревоге за них?..

Да, конечно же, все они, за исключением узкого клана «новых русских», чувствовали себя в конце жизни обманутыми. И ушли они, не веря в счастливую жизнь детей и внуков, зато — в горькой тревоге за них. Недаром ведь от тех, кому в 1991-м году было пятьдесят, шестьдесят, семьдесят лет и кого сейчас уже нет, в ельцинские 90-е или в путинские 2000-е (до медведевских 10-х они недотянули) можно было услышать горькое: «Мы, оказывается, уже жили при коммунизме и не заметили этого...»

Что ж, когда стало с чем сравнивать — заметили.

Увы, слишком поздно.

Так что — Минкин этого не понимает? И что — этого не понимает Мединский? Что, они не понимают, что при сохранении капитализации России, при приватизированной России, при отвергающем идеи нового Советского Союза Кремле ни о какой человеческой жизни и человеческой власти речи быть не может?

Сам же Минкин пишет:

«Эта власть не только развалила промышленность, уничтожила образование, не только украла деньги. У тех, кому она досталась пожизненно, она украла надежду: они умирали, чувствуя себя обманутыми. А у детей, которые рождались за годы этой власти и рождаются сейчас, — они украли душу. Эти новые обворованные даже не чувствуют, что их обманули. Нечем чувствовать».

Ах, как это верно сказано! Но спрашивается — если эта, ельциноидно засевавшая за стенами Кремля власть развалила промышленность, то, значит, предыдущая власть её *создала*. Не так ли?

А какой была предыдущая власть?

Не Советской ли? Не социалистической ли?

Если нынешняя власть уничтожила образование, то она уничтожила то, что *уже было* в стране.

А в какой это было стране? Не в Советской ли?

Если нынешняя власть украла у народа деньги (и не только деньги, но и колоссальные материальные богатства), то она украла те деньги, которые дала народу прошлая власть, то есть — Советская, социалистическая, союзная!

Сказав «А», надо ведь говорить и «Б»...

А вот с этим-то у минкиных и мединских завыка!

Будущая Россия и социализм для них понятия несовместные. Хотя капитализм и будущая Россия — это понятия, друг друга взаимоисключающие!

Да, нынешняя власть украла у людей надежду, и они умирали, чувствуя себя обманутыми. Но ведь *не все* чувствовали себя обманутыми, умирая! Вряд ли так чувствовали себя почившие в бозе в 90-х, в 2000-х, в 10-х годах «новые русские», да и сам экс-президент Ельцин, ныне лижущий сковородки в аду.

А вот душу у детей, которые рождались за годы этой власти и рождаются сейчас, нынешняя власть крадёт и впрямь поголовно — и у детей «новых русских», и у детей обманутых простых людей. Только одни вырастают бездушными в роскошных апартаментах, а другие — на беспризорных путях не по своей вине бездарно начинающейся жизни. Если это, конечно, можно назвать жизнью.

Ведь нынешний режим изначально смердел *мертвечиной*. И этот смрад с годами усилился так, что его уже не могут отрицать даже мединские, хотя и пытаются отмыть его водопадами лживых речей.

Не получится, мсье!

Вскрывая всю лживость «правды» Владимира Мединского в любой из его книг, можно (да и нужно бы!) написать не краткий очерк, а отдельную книгу. Увы, заранее можно сказать, что уж ей-то кремлёвский административный «пиар» обеспечен не будет, а Госпожа Российская Публика по сей день очень уж часто ведёт себя наподобие Устриц, слушающих Моржа.

Очень уж она падка пока что на сладкоречивый и наглый кремлёвский (не от Кремлёва, а от Кремля) «пиар». И значит, в отличие от Владимира Мединского, Сергей Кремлёв адекватной экономической оценки своего труда не получит, если...

Если, конечно, Госпожа Публика так или иначе не проявит адекватный интерес к подобной будущей книге. Ну, поживём, посмотрим. Пока же мне остаётся сказать следующее.

Один из законов почти шутильной науки мэрфологии — закон Х.Л. Менкена — гласит:

Тот, кто умеет, — делает.

Кто не умеет — учит.

Кто не умеет учить — руководит.

Владимир Мединский и руководит — в Государственной Думе РФ, и учит — в Московском государственном институте международных отношений. Интересно, как надо оценивать его умение руководить, учить *и делать нужное стране дело* в свете закона Менкена?

Если смотреть на «умение» Мединского и его коллег по партии «Единая Россия» руководить, учить и делать через призму книг Мединского, то ответ напрашивается — как на мой взгляд — однозначный...

А если кто-то усматривает в книгах Мединского нужную народу и времени сермяжную, кондовую

Анти-Мединский

правду, то, что ж это — дело для каждого читателя личное.

Но всё же я рекомендую простодушным искателям правды у известного «единоросса» Мединского заглянуть в параграф первый той инструкции о «правде» кремлёвских «единороссов», которая была приведена в начале этого очерка.

Юрий Нерсесов

Бокал viva в ведре помоев

В самом весёлом городе Черноморского побережья издавна существует анекдот о двух всезнающих старых пикейных жилетах, сплетничающих на выходе из знаменитого одесского рынка — Привоза. «Правда ли, что Рабинович выиграл сегодня на бирже 40 тысяч рублей?» — спрашивает один. «Чистая правда! — подтверждает собеседник. — Только не Рабинович, а Циперович, не на бирже, а в преферанс, не выиграл 40, а проиграл 20!»

Ознакомившись с типичными историческими трудами, автором которых числится «медвежий» депутат Государственной Думы и выпускник Московского государственного института международных отношений профессор Владимир Мединский, я сразу вспомнил этот анекдот. И ещё любимую в детстве рубрику «Из школьных сочинений» в пионерских журналах. Там, где печатались забойные перлы типа «Татьяна ехала в карете с поднятым задом», а «Дубровский сношался с Машей через дупло дуба».

Поставив перед собой задачу разоблачить чёрные мифы о России, Мединский выдал читателям немислимый коктейль. Попытки разоблачения одной чернухи в нём перемежаются вываливанием другой, сознательное примитивное враньё соседствует с ляпами, проистекающими из-за разгильдяйства, суетливые

попытки исправить самые дурацкие ошибки первых изданий порождают новые, а соседние абзацы прямо противоречат друг другу.

Я бы не сказал, что книга совсем уж бесполезна — кое-какие ценные мысли, взятые у цитируемых авторов, в ней найти можно. Но выуживать их из океана лжи, умолчаний и подтасовок — дело нудное и неблагодарное. Всё равно как выпить большое ведро помоев, в которое перед этим влили маленький бокал вина.

Кровавая британская гзбня

В принципе Мединский врёт не больше, чем многие другие — но предшественники делали это более целенаправленно, клевета в одну сторону. Именно так поступали те, кто, начиная с перестроечных лет (а кое-кто и раньше), регулярно пичкали население цифрами казнённых и умученных сталинскими опричниками. В скорбных трудах высоко ценимого нашим профессором бывалого лагерного стукача «Ветрова» (в миру Александра Солженицына) и ему подобных счёт идёт на многие десятки миллионов. Прибавив к погибшим на войне расстрелянных, посаженных, сосланных, умерших от голода и лагерную охрану, а также детей и стариков, получим, что к 1945 году работать и воевать было вообще некому. Кто же тогда взял Берлин, Вену и Прагу? Кто снабжал взявших оружием, боеприпасами, топливом и продовольствием? Неужели товарищ Сталин, подобно выдуманному британским фантастом Толкиеном королю Арагорну, научился поднимать на штурм вражеских окопов павших воинов, а гражданских мертвецов ставил к станкам и плугам с помощью технологий, разработанных учёными-зэками в шарашках товарища Берии? Удивляюсь, что журнал «Огонёк» во главе с бывшим разоблачителем

Количество уничтоженных узников в Освенциме официально уменьшилось с четырёх до около полутора миллионов

происков американского империализма и его агента Солженицына Виталием Коротичем не порадовал нас такой версией в перестроечные годы.

Байки солженицыных и коротичей не оригинальны. Преувеличивать зверства противника — любимое занятие политиканов и пиарщиков всех времён и народов. Не хочу поднимать тему Холокоста, за сомнение в количестве жертв которого сейчас во многих европейских странах сажают в тюрьму, но отмечу, что ещё не так давно официальное количество погибших узников Освенцима (в основном евреев, уничтоженных в Освенциме) было принято считать равным 4 миллионам. Это число значилось во множестве научных работ, словарей и на табличке в самом Освенциме, но прошло время и почти везде, включая табличку, оно сужилось почти втрое, хотя общее священное число в 6 миллионов еврейских жертв Второй мировой войны чудесным образом осталось неизменным.

Отмечено сильное похуждание численности армян, уничтоженных турками. Ещё более поредели ряды азербайджанцев, вырезанных армянскими боевиками. Рассеялась легенда о 200 тысячах немцев, погибших в разбомбленном американцами Дрездене. Свыше

700 тысяч сербов, евреев и цыган, уничтоженных хорватскими нацистами в концлагере Ясеновац, обернулись 70 тысячами с небольшим. Даже многострадальной российской коммуно-патриотической тусовке за двадцать лет так и не удалось наполнить реальными именами виртуальные списки из тысяч противников антинародного режима, уничтоженных ельцинскими карателями в октябре 1993 года.

Изредка среди составителей таких списков встречаются честные люди. Например, специалисты организации «Веритас» — объединения жителей Республики Сербская Краина, уничтоженной хорватской армией при поддержке авиации НАТО и отрядов боснийских мусульман, сами опровергли байки о 15—20 тысячах соотечественников, погибших в ходе вражеского наступления 4—8 августа 1995 года. Согласно данным «Веритаса», в ходе боёв и параллельных расправ с гражданским населением погибло 1800 человек, из них 738 сербских военных. (Ещё несколько сотен мирных жителей были уничтожены хорватами в последующие месяцы.) Демонстративный отказ спекулировать вымышленными жертвами достоин уважения, если вспомнить, как трудно было проявлять беспристрастность людям, изгнанным из родных домов вместе с сотнями тысяч соотечественников.

Мединский, в отличие от членов «Веритаса», к честным исследователям не относится, а потому без колебаний переполняет свои книги десятками тысяч вымышленных жертв. Лишь бы показать, какие зверские нравы царили в обливающейся кровью Европе рядом с хоть иногда и буйной, но благодостной на фоне западных соседей России.

По его мнению, в ходе разгрома Парижской коммуны правительственные войска за несколько дней пере-

били около 50 тысяч человек — столько же, сколько погибло французских солдат в длившейся около года франко-прусской войне. Кровавый тиран, австрийский император Франц-Иосиф казнил 35 тысяч венгров за участие в революции 1848—1849 гг., а многие тысячи сверх того заперол насмерть.

Прочие коронованные особы почти сплошь изверги, кроме разве что свергнутых и казнённых революционерами Карла I да Людовика XVI, но и особы некоронованные не лучше. Особенно горячие финские парни, истребившие за неполных четыре месяца Гражданской войны 1918 года 150 тысяч себе подобных. Американцы тоже хороши. «Россия в социальном отношении вовсе не была отсталой страной. Многие ли помнят, что освобождение крепостных в 1861 году касалось только 18% населения страны? Остальные крестьяне уже получили личную свободу в годы правления Николая I и ранее. А вот 60% населения Юга США до 1865 года составляли рабы».

Автора очередной раз уличили в незнании темы, и на 21-й странице «Мифов о России-1» он исправил фальшивые 18% российских крепостных на 34%. Однако враньё о количестве рабов в США осталось на месте. Между тем в отделившихся от Вашингтона южных штатах проживало всего 9,1 миллиона человек, из которых чёрным цветом кожи обладали лишь около 3,7 миллиона, то есть чуть более 40% населения, а не 60%, как лжёт Мединский. Некоторые из этих негров к началу войны уже не являлись рабами. С точными данными можно ознакомиться в работе Р. Иванова «Конфедеративные штаты Америки (1861—1865 гг.)», где указано, что, согласно переписи населения 1860 года, из 3 653 870 негров, проживавших в 11 отделившихся штатах, 132 760 были свободными.

Но главное — общее население США к началу войны превышало 31 миллион, и если считать число рабов от всех, как профессор считает отечественных крепостных, получается около 12% против 34% крепостных в России. Так и надо считать, и если у депутата Мединского вскочит 34 прыща по всему телу, а у его товарища по фракции «Единой России» лишь 12, но на седалище, то Владимир, несмотря на менее высокую концентрацию прыщей в данной части тела, будет считаться более прыщавым, чем коллега.

Пуще же всего достаётся от Мединского зловерным британским монархам из династии Тюдоров. Оказывается, «по законам Генриха VIII только за «бродяжничество» было повешено 72 тысячи насильственно согнанных с земли крестьян. Это 2/3 населения тогдашнего 100-тысячного Лондона!.. За годы правления Елизаветы в Англии было казнено 89 (!) тысяч человек. Королева за один год казнила больше людей, чем вся католическая инквизиция за три столетия!» («Мифы о России-1». Стр. 406—407).

Откуда взяты эти цифры? Заглянув в работы специалистов, мы убедимся, что, как и значительная часть прочей информации автора, они высосаны из его пальца. Потери Франции в войне 1870—1871 гг. исчислены достаточно точно и с указанием источников приведены в работах известного советского демографа Бориса Урланиса и у других авторов. Тогда погибло, умерло от ран и скончалось от болезней не 50, а без малого 150 тысяч французских военных, не считая партизан. Количество расстрелянных при разгроме Парижской коммуны, напротив, значительно преувеличено. Командующий захватившими Париж войсками маршал Патрис Мак-Магон говорил о 15 тысячах, а сражавшийся по другую сторону баррикад автор, пожалуй, наиболее серьёзного исследования о Комму-

не — журналист Оливье Лиссагарэ — о 20 тысячах, но Мединский лихо ставит 50 тысяч.

Франц-Иосиф официально казнил не 100 тысяч, а сотню с небольшим повстанцев, в основном генералов и старших офицеров. Ещё некоторое количество были казнены по приговору военных 40 трибуналов, но тоже не более нескольких сотен (к различным срокам тюремного заключения приговорили 1,5 тысячи человек, а сажали в XIX веке при подавлении мятежей чаще, чем казнили).

Гражданская война в Финляндии была чрезвычайно жестокой. По данным финского национального архива красных, белых и не примкнувших ни к тем, ни к другим обывателей было убито и заморено в концлагерях 36 640 человек. Расстреляли и автора с успехом экранизированной в СССР повести «За спичками» журналиста газеты «Тув'мие» Альгота Унтола, более известного как Майю Лассила.

Для страны, в которой тогда проживало чуть более 3 миллионов человек, погибло очень много — свыше 1% жителей. Но Мединскому-то нужно доказать, что в процентном отношении это столько же, сколько в России, где, по его данным, погибло 7% населения! Вот он и умножает финские потери на пять, после чего радостно восклицает: «Поровну!»

То же жульничество мы наблюдаем и относительно казней в Англии. Информируя нас о жертвах славного своими свадьбами и разводами Генриха VIII, Мединский ссылается на английского хрониста Рафаэля Холиншеда, а количество умученных его дочерью берёт из некоего словаря Гранта. Последнее несерьёзно — как уже отмечалось выше, в словарях можно встретить самые разнообразные данные. Сведения же о 72 тысячах казнённых при Генрихе принадлежат не Холиншеду, а другому британскому хронисту — Уильяму Харрисону. Но и Харрисон воспользовался

данными итальянского астролога Джироламо Кардано, который, в свою очередь, сослался на французского епископа Лисьё. Епископ, как и подобает доброму католику, порвавшего с Папой римским создателя Англиканской церкви Генриха VIII терпеть не мог и ни в чём себя не ограничивал. Согласно его записям, 72 тысячи бродяг король казнил только за два года. Писульки служителя культа выглядели столь нелепо, что тем, кто его цитирует, пришлось сослаться на Холиншеда и растянуть казни на все 36 лет правления Генриха. В таком виде их и передал севший в очередную лужу Мединский.

Отдайте любимого слона!

В конце 40-х годов прошлого столетия в Советском Союзе шла кампания за утверждение российского приоритета в важнейших изобретениях и открытиях. Проводилась она с многочисленными перегибами и породила огромное количество анекдотов. В одном из них изобретение рентгена приписывали Ивану Грозному, сказавшему опальным боярам: «Я вас, изменников, насквозь вижу!» В другом сообщалось, что после того, как ООН объявила новый год годом слона, в СССР срочно издали книгу «Россия — родина слонов».

Зная об успехах и провалах той пиар-кампании, Мединский от хоботных вроде бы отрешивается. Но когда дело доходит до обсуждения приоритета в разного рода технических вопросах, он уподобляется герою ильф-петровского «Золотого телёнка», косящему под психа бухгалтеру Берлаге. «Отдайте моего любимого слона!» — орёт Мединский-Берлага и торжественно шлёпается в огромную кучу слоньего навоза. Точнее, сразу в несколько куч, из которых мы будем вытаскивать его по мере попадания.

«Многие ли знают, что русский самолёт «Илья Муромец» был лучшей боевой машиной на полях Первой мировой войны? За все годы войны врагом был сбит всего один «Илья Муромец», и то потому, что команда выполнила задание и «расслабилась» — по дороге на родной аэродром села играть в преферанс. А британские «Дехавиленды» горели и падали постоянно» («Мифы о России-1». Стр. 62).

Действительно созданный командой одного из крупнейших авиаконструкторов России и США Игоря Сикорского «Илья Муромец» поразил современников. Все тогдашние иностранные аэропланы казались просто букашками на фоне гиганта с размахом крыльев более 30 метров и полётным весом свыше 5 тонн. В военном варианте «Илья Муромец» стал первым в мире четырёхмоторным бомбардировщиком, в гражданском — первым специализированным пассажирским самолётом с салоном и туалетом. Уже в 1913 году «Муромец» побил мировой рекорд грузоподъёмности. До появления русского колосса он был равен 653 килограммам, а машина Сикорского сразу подняла 1,1 тонны, а потом и ещё больше. У последней модификации 1917 года общий вес поднимаемого груза превысил 1,3 тонны (в том числе 520 килограммов бомб), скорость возросла с 95 до 137 километров в час, а дальность — с 270 до 540 километров. Русский самолёт по праву считается родоначальником всех тяжёлых бомбовозов мира, и первенство России тут бесспорно.

Но Мединскому мало, и он начинает замалчивать одно, приукрашивать другое и перевирать третье. Лучшим и единственным в своём роде «Муромец» был лишь в начале войны, а дальше много более развитая промышленность наших врагов и союзников стала выпускать более мощные самолёты в многократно большем количестве. Великобритания уже в 1915 году

запустила в серийное производство бомбардировщик «Хендли-Пейдж», имевший скорость 140 километров в час и поднимавший восемь 113-килограммовых бомб. У последующих модификаций максимальная скорость выросла до 160 км/ч, а главное — британских машин оказалось выпущено около 500 штук против 80 с небольшим «Муромцев».

Италия также превзошла Россию по производству тяжёлых бомбардировщиков, поставив вооружённым силам около 500 машин фирмы «Капрони». Первые модификации итальянских машин имели скорость как у «Муромцев» и несли до 450 килограммов бомб, а последние — почти полторы тонны.

Наконец, основной поставщик германских бомбовозов — фирма «Гота» отправила на фронт свыше 500 машин, по тактико-техническим данным примерно равных «Муромцам» или несколько их превосходящих (скорость до 142 км/ч, бомбовая нагрузка до 600 килограммов, дальность до 840 километров). Но «Готы», по германской квалификации, относились к разряду средних бомбардировщиков, а тяжёлыми считались около четырёх десятков гигантов «Цепелин-Штаакен», самые совершенные из которых могли пролететь без посадки 1300 километров и поднимали 2 тонны бомб.

Так что считать «Муромцев» лучшими бомбардировщиками Первой мировой войны нет никаких оснований. Да и потери их не ограничивались одним самолётом. Творение Сикорского продемонстрировало исключительную живучесть, но всё же в боях с немцами погибло 4 самолёта, причём все эпизоды подробно расписаны в работе Марата Хайрулина «Илья Муромец. Гордость русской авиации». Всё это ни в коей мере не отменяет заслуг Сикорского и его команды. Они велики и не нуждаются в мелком вранье Мединского,

Германский бомбардировщик Zeppelin-Staaken R.XIV поднимал в четыре раза больший груз бомб, чем «Илья Муромец», и являлся крупнейшим боевым самолётом Первой мировой войны

который, столь шустро разобравшись с авиацией, переходит к электричеству.

«Кто изобрёл электрическую лампочку? Спор уместен. Но кто слышал о Яблочкове в западном мире? А у нас об Эдисоне кто не слышал?» («Мифы о России-1». Стр. 63). «В 1872 году световую энергию тока получил русский физик А.Н. Лодыгин. Можно долго спорить, кто внёс больший вклад в усовершенствование электрических систем и электрической лампочки: Томас Алва Эдисон или Павел Николаевич Яблочков» («Мифы о России-3». Стр. 436).

Можно долго спорить, почему автор «Мифов о России-1» Мединский не согласен с автором «Мифов о России-3» Мединским, но неправы оба. Ни выдающийся русский учёный Павел Николаевич Яблочков, ни создавший свою лампу на четыре года раньше другой выдающийся русский учёный Александр Николаевич Лодыгин, ни отставший от них американский

коллега Томас Алва Эдисон, получивший патент на своё изобретение в 1879 году, не являются первыми создателями электролампочки. Первую известную в истории лампу накаливания с платиновой спиралью продемонстрировал в 1809 году англичанин Деларю. Затем бельгиец Жобар заменил платиновую спираль угольными стержнями, немец Гёбель догадался полностью выкачать воздух из стеклянной трубки, в которой происходило горение, а Лодыгин первым использовал в лампе вольфрамовую спираль и заполнил её инертным газом.

Только после этого свои лампочки предложил Яблочков, и его «русский свет» оказался настолько удачен, что с удовольствием использовался в Европе. Впоследствии и Лодыгин внёс усовершенствования в свою лампу, довёл время её работы до нескольких сотен часов и с успехом продал патент Эдисону. Кроме электрических ламп, Лодыгин и Яблочков сделали множество других полезных изобретений и потому не нуждаются в чужих лаврах, которые судорожно навешивают на них косорукие пиарщики. Включая и тех, кто считает себя большими специалистами по стрелковому оружию.

«Винтовка, которую мы называем берданкой, разработана членом российского артиллерийского комитета А. П. Горловым и сотрудником того же комитета капитаном К. И. Гуниусом. «Малокалиберная стрелковая винтовка № 1» пошла на вооружение русской армии в 1868 году. В США её называли «русской винтовкой». Полковник американской армии Бердан усовершенствовал некоторые второстепенные детали винтовки. И теперь на вооружении русской армии принята была «малокалиберная стрелковая винтовка № 2 системы Бердана». И детище Горлова стало называться во всем мире берданкой» («Мифы о России-1». Стр. 64).

Очень красивая история, только вот на самом деле это Россия послала после Крымской войны по всему миру специалистов-оружейников, чтобы оценить, какие винтовки лучшие. У каждой группы экспертов были начальники, лоббировавшие интересы тех или иных поставщиков, и в результате армия приняла на вооружение винтовки самых разных систем (Карле, Крнка, Терри-Нормана и др.).

В США, где только что окончилась Гражданская война, были направлены полковник Александр Горлов и поручик Карл Гуниус, подробно изучившие разработки Кольта, Ледли, Моргенштерна, Пибоди, Ремингтона и Спенсера, но в итоге остановившие выбор на винтовке известного американского изобретателя, полковника Хайрема Бердана, к тому времени уже поставлявшейся на экспорт. Горлов и Гуниус внесли в винтовку много важных усовершенствований, и в 1868 году она поступила на вооружение русской армии под названием «Винтовка Бердана тип №1». Однако вскоре Бердан предложил заменить откидной затвор скользящим, что значительно упростило перезарядку. Полученное изделие под названием «Винтовка Бердана тип №2» и стало основным стрелковым оружием русской армии, пока его не сменила магазинная трёхлинейка Мосина.

Вклад русских офицеров оказался чрезвычайно существенен, и оба типа винтовки было бы справедливо назвать именами всех трёх конструкторов (как советский истребитель ЛаГГ времён Великой Отечественной войны носил имена авиаконструкторов Семёна Лавочкина, Владимира Горбунова и Михаила Гудкова). Тем не менее изначально она была разработана всё же Берданом, а Горлов и Гуниус совершенствовали его изделие, а не наоборот. В ходе переиздания книги враньё обнаружилось, и автор срочно выдал новую версию. Если верить ей, русские военные усовершенство-

вали винтовку какого-то неизвестного изобретателя, а Бердан просто рядом тусовался!

«В середине XIX века по миру ходило несколько безымянных модификаций винтовки. Вполне возможно, что модификация, с которой начали работать Горлов и Гуниус, и побывала в США, может, её держал в руках и Бердан. Но что именно делал с этой винтовкой Бердан, какие детали он заменял и совершенствовал, история умалчивает. Судя по всему, ничего он с этой винтовкой не делал, именно что в руках подержал» («Мифы о России-3». Стр. 425).

По части русского приоритета в подводном кораблестроении уровень депутатской демагогии вообще зашкаливает.

«А ещё Россия — родина подводной лодки. То есть придумывали подводные лодки во многих странах Европы, но было в этих изобретениях нечто очень отличное от русского опыта.

Первые опыты такого рода случайны, значительно отдалены друг от друга по времени и не имеют последствий. Отдельные искорки. Такова лодка голландца ван Дреббеля, построенная в 1620 году в Лондоне, Д. Бушнелла — в 1776 году в США, Р. Фултона — в 1801 году во Франции... Ни одна из них никогда не применялась в деле, хотя теоретически готовилась для боевых действий.

Такова и подводная лодка изобретателя-самоучки Ефима Никонова, построившего её в Петербурге в 1724 году. Но Ефим Никонов пытался поставить на этой лодке паровой двигатель... Безуспешно, разумеется.

В отличие от подводных лодок европейцев в России идея подводной лодки продолжала жить и развиваться. То, что было для Европы забавным экспериментом, который и не должен непременно иметь последствия, в России стало проектом, который хотят

осуществить. В 1834 году построена подводная лодка по проекту военного инженера К.А. Шильдера.

Эксперименты продолжались: в 1866 году создана подводная лодка по проекту И.Ф. Александровского. Это первая подводная лодка с механическим двигателем, родоначальница современного подводного флота.

В 1879 году подводная лодка Александровского усовершенствована С.К. Джевецким. Теперь у русской подводной лодки есть система очистки воздуха, перископ, электрические аккумуляторы, система удержания глубины на подводном ходу.

Русские инженеры и к делу подводные лодки приставили. В 1912 году по проекту М. П. Налётова создана подводная лодка «Краб»: первый в мире подводный минный заградитель. Был и проект разведки Ледовитого океана с помощью подводной лодки. Предполагалось пройти подо льдами и выяснить, что же делается на северном полюсе? Проект в конце концов отложили, сочтя слишком рискованным для участников.

Теперь вспомним блестящий фантастический роман Жюль Верна о подводной лодке «Наутилус» и загадочном капитане Немо. У этой подводной лодки есть всё, что у русской. Разве что скорости хода и способности долго находиться в подводном состоянии Жюль Верн несколько преувеличил. Так сказать, заглянул в будущее. Почти что в российское настоящее.

И капитан Гаттерас у него рвется к северному полюсу, как и капитан Немо. Но у мечтателя Жюль Верна, у кабинетного теоретика, тратившего силы и время на вымыслы, все это происходит в некой выдуманной им, сконструированной реальности.

Русские традиционно сами себя считают отрешенными от жизни романтиками, мечтателями, а европейцев — людьми практичными и приземленными.

Но вот факты: это Жюль Верн мечтал и фантазировал. Придумывал подводную лодку — но в фантастическом романе.

А у практичных, деловитых русских те же самые события — дело не вымысла, не отвлечённой игры ума, а дело составления проекта и перехода от теории к практике. Просто удивительно, сколько усилий приложено для того, чтобы навести тень на плетень и свалить всё с больной головы на здоровую — чтобы представить отсталую Францию, тешащую себя сказками Жюль Верна, технически передовой страной. А передовую, динамичную Россию, которая на практике осуществляла французские мечтания, представить страной, отстающей в развитии... Но как раз на примере подводной лодки хорошо видно: всё наоборот!» («Мифы о России-3». Стр. 451—453).

Хорошо видно, что никакую подлодку, способную дойти до полюса, Российская империя не создала — а значит, это такая же байка, как жюль-верновский «Наутилус», разве что хуже написанная. Ещё видно, что первое известное в истории реально плававшее под водой судно, как и пишет (опровергая сам себя) Мединский, построил в 1620 году голландец Корнелиус Ван Дреббель. Построенная же через сотню с лишним лет лодка Никонова (на которую тот собирался ставить не паровой двигатель и даже не ядерный реактор, а некое оружие, которое именовал «огненными медными трубами») при первом же испытании ушла на дно и в итоге так и не проплыла ни метра.

Первыми к делу подводную лодку приставили американцы, и была это именно «Черепаша» Дэвида Бушнелла, которую наш думак объявил неприменявшейся. Лейтенант Эзра Ли 12 июля 1776 года атаковал на ней британский корабль «Игл», планируя просверлить днище судна и установить специальную мину. Атака сорвалась, поскольку днище корабля было об-

шито медными листами, но первое удачное применение субмарины всё равно на счету американцев, точнее, Конфедерации южных штатов. Её подводная лодка «Х.Л. Ханли» 18 февраля 1864 года ударом шестовой мины потопила корвет северян «Хусатоник».

Российские подлодки открыли боевой счёт лишь полвека спустя, в годы Первой мировой войны, и мелкое враньё Мединского тут ничего не изменит. Как и его неуклюжие попытки опровергнуть техническую отсталость Российской империи. Нагляднее всего об этой отсталости свидетельствует военное производство, о котором подробно и нелюбезно написал участник Первой мировой войны, известный русский военный теоретик Николай Головин. По его данным, в 1914—1917 гг. российская промышленность не смогла обеспечить армию даже стрелковым оружием. Отечественные заводы дали 3579 тысяч винтовок, 27 476 пулемётов и около 3,9 миллиона патронов, за границей пришлось закупать 2434 тысячи винтовок, 42 318 пулемётов и 2,5 миллиона патронов, но по оснащённости пулемётами армия далеко отставала от Великобритании, Германии, Франции и других участников войны.

Не лучше обстояло дело с главным огневым средством того времени — тяжёлой артиллерией. Русская промышленность дала фронту 602 тяжёлых орудия, а за рубежом было закуплено 907. Снарядов калибром 152—305 мм Россия произвела 25 176 против 85 370, поставленных партнёрами. Но и с учётом импорта к концу войны «русская армия в отношении снабже-

«Черепашка» Дэвида Бушнелла стала первой подводной лодкой, атаковавшей вражеский корабль

ния ею тяжёлой полевой и тяжёлой артиллерией была достаточно оборудована только на Кавказском фронте, т.е. для борьбы с турками. По сравнению же с немцами и австро-венграми мы были в два раза слабее» (Н. Головин. «Военные усилия России в Мировой войне», т. 2, стр. 33, Товарищество объединённых издателей. Париж. 1939).

Если вспомнить, что основная масса тяжёлых орудий Германии находилась на Западном фронте, картина получится ещё более удручающая. Совсем плохо обстояли дела и с автотранспортом. По данным Головина, русская армия к осени 1917 года имела 7510 автомобилей, и пределом мечтаний командования было доведение автопарка через год до 14 тысяч машин. В то время как «отсталая» Франция в 1918 году имела на вдвое меньшую армию 90 тысяч автомобилей.

По военному производству наших союзников и противников Головин цифр не приводит, но их более чем достаточно в других исследованиях. Например, возьмем работу Григория Шигалина «Военная экономика в Первую мировую войну». Из неё видно, что промышленность Германии в 1914—1918 гг. дала армии 280 тысяч пулемётов — в 10 раз больше, чем российская, а «отсталой» Франции — более 300 тысяч. Орудий в Германии было произведено более 64 тысяч, а во Франции — свыше 23 тысяч. Вроде бы всего в полтора больше, чем в России (15 031 орудие по Головину), но на вдвое менее многочисленную армию. При этом французские солдаты получили свыше 6 тысяч тяжёлых орудий и 290 миллионов снарядов, соответственно в 10 и 4 раза больше, чем дала российская промышленность. Самолётов Германия выпустила 47 300, Франция — 52 146, Россия — всего 3409 (в подавляющем большинстве зарубежных марок и с импортными моторами, своих авиадвигателей русские заводы собрали всего 1408 штук).

Не случайно Мединский, опровергая «миф» об отсталости российской промышленности в начале XX века, всячески стремится избегать конкретных цифр, заменяя их сплетнями, байками и пафосными тирадами. Но результат неминуемо будет тот же, что и в советские времена — новые анекдоты и нигилистический отказ верить в российский приоритет в каких-либо научно-технических достижениях вообще.

Мединский — Фоменко сегодня!

Создателей клинической «Новой Хронологии» Новосовского и Фоменко думский профессор не любит и периодически обличает, но это явно от зависти, потому что сам он тасует исторические события, передвигает страны в пространстве, перемещает персонажей во времени и меняет их досье не хуже конкурентов, посмеявшихся оказаться более известными. Убитый в 1015 году один из первых русских святых, ростовский князь Борис Владимирович, в нашем мире перед этим ходивший на печенегов, но не встретивший их, у Мединского побеждает степных кочевников. Венгерского полководца Фильния побеждает Мстислав Удалой, а не Даниил Галицкий, как в нашей реальности, где Мстислав разбил будущего венгерского правителя Хорватии — Коломана. После Куликовской битвы татары ни разу не решались встречаться с русскими в чистом поле, а значит, множество сражений, включая поражения московского князя Василия Тёмного под Суздалем 7 июля 1445 года и разгром крымского хана Девлет-Гирея при Молодях 30 июля — 2 августа 1572 года, из истории вычёркивается. Богдану Хмельницкому приписывается разрыв с Москвой, имевший место при его преемниках. Покойный петербургский митрополит Иоанн превращается в Сергия. В коман-

дующие всей русской армией на Балканах в 1878 году прорывается Михаил Скобелев. Оберштурмфюрер СС Штирлиц, он же полковник сталинской госбезопасности Исаев, зачисляется в ряды либералов. Венгры во время революции 1848—1849 гг. борются против самоопределения чехов, которые не жили на их территории и с которыми они не граничили...

Всё это можно списать на небрежность, но автор не ограничивается описками, а врёт длинно и цветисто. Вот как, по его мнению, была придумана известная солдатская песенка «Мальбрук в поход собрался...»:

«В ходе Семилетней войны у русских сложилось довольно пренебрежительное отношение к европейцам, в том числе и к союзникам. Французов стали называть «лягушатниками» не во время нашествия Наполеона на Россию, а как раз в эту эпоху. Что же до союзников Пруссии — британцев, то именно тогда появилась одна солдатская песня. Она грубая, но привести её стоит. Речь в ней идет о герцоге Мальборо, предке Уинстона Черчилля, одном из командующих британской армией... на русских произвели сильное впечатление трусливость британских войск и непоследовательность их командования» («Мифы о России-2». Стр. 250).

Великий историк, наконец, усвоил, что англичане были союзниками пруссаков, но зато возникает сразу три вопроса: где конкретно британская армия проявила трусость? В каких сражениях её разбили русские? В каких битвах Семилетней войны англичан возглавлял герцог Мальборо?

Кому неохота погружаться в серьёзные научные труды, сообщаю, что большинство своих сражений британцы тогда выиграли, захватив у Франции огромные территории в Индии, Африке и Северной Америке. В паническое бегство они обращались ред-

ко — лишь попав в засаду французов и союзных им индейцев у реки Мононгахела 9 июля 1755 года и форта Дюкен 15 сентября 1758 года. Мне как-то сомнительно, что эти ничтожные по европейским меркам бои на территории, ныне входящей в американский штат Пенсильвания, произвели такое впечатление на русскую армию. Которая за все семь лет боевых действий ни разу с англичанами не столкнулась и уж тем более не имела счастья оценить полководческий талант Мальборо, скончавшегося 16 июня 1722 года, за тридцать с лиш-

Вопреки мнению депутата Мединского, герцог Мальборо — генералиссимус Джон Черчилль не участвовал в Семилетней войне, поскольку скончался задолго до её начала

ним лет до первых выстрелов Семилетней войны. Песенку же «Мальбрук в поход собрался» сочинили о герцоге в 1709 году французы, которых предок Черчилля последовательно колотил.

С переходом к Франции цирк продолжается. «С Наполеоном мы воевали с 1799 по 1815 год. 16 лет, причём с большими перерывами. Самое опасное вторжение 1812 года было нейтрализовано и отражено менее чем за полгода!» («Мифы о России-1». Стр. 21). Но если вторжение 1812-го самое опасное, то были ещё и менее опасные? Интересно когда? Я-то думал, что все прочие кампании России против Франции проходили не на нашей территории, а оказывается, Бонапартий на Русь и до грозы двенадцатого года залезал!

Правда, настолько был впечатлён отпором при Бородино, что даже «в собственных воспоминаниях не

решался намекнуть на свою победу» («Мифы о России-1». Стр. 42). Одно из двух, или нам опять врут, или слова «*Московская битва — моё самое великое сражение: это схватка гигантов. Русские имели под ружьём 170 тысяч человек; они имели за собой все преимущества: численное превосходство в пехоте, кавалерии, артиллерии, прекрасную позицию. Они были побеждены!*» (А.Васильев «Бородино. Потери армии Наполеона». Журнал «Родина» №6—7, 2002) — написал на острове Святой Елены какой-то другой Наполеон. Лично для меня ответ известен, но Остапа, то бишь Владимира, несёт дальше. Он переходит к Крымской войне и делает новые сногшибательные открытия.

Оказывается, «адмирал П.С. Нахимов в Синопском сражении фактически «на раз» уничтожил весь (!) турецкий флот» («Мифы о России-2». Стр. 364). В обороне Севастополя участвовало «всего 18 тысяч солдат и матросов» (там же. Стр. 365). Ну, и по условиям завершившего войну Парижского мирного договора «никаких территориальных потерь Россия вообще не понесла» (там же. Стр. 369).

Враньё здесь — всё. В Синопском сражении Нахимов уничтожил не весь турецкий флот и даже не половину его, а только эскадру Осман-паши — из 7 линейных кораблей Османской империи здесь не стояло ни одного, а из 16 фрегатов и корветов — только 10. Гарнизон Севастополя действительно к началу обороны имел примерно 18 тысяч человек, но на городские укрепления постоянно подходили подкрепления, и всего в боях участвовало около 50 тысяч солдат и моряков, не считая ещё более многочисленных войск, действовавших вне города. И территориальные потери Россия понесла. Согласно статьям XX—XXI Парижского трактата, «император всероссийский соглашается на проведение новой граничной черты в Бессара-

биш. Началом сей граничной черты постановляется пункт на берегу Черного моря в расстоянии на один километр к востоку от солёного озера Бурнаса. Она примкнет перпендикулярно к Акерманской дороге, по коей будет следовать до Траянова вала, пойдет южнее Болграда и потом вверх по реке Ялпуху до высоты Сарацика и до Катамори на Пруте. От сего пункта вверх по реке прежняя между обеими империями граница остается без изменения. Новая граничная черта должна быть означена подробно нарочными комиссарами договаривающихся держав... Пространство земли, уступленное Россией, будет присоединено к Княжеству Молдавскому под верховной властью Блистательной Порты».

Проще говоря, Россия передаёт турецкому вассалу — Княжеству Молдове устье Дуная, и не просто так, а с крепостью Измаил, некогда с триумфом взятой Суворовым. Ко времени Крымской войны боевого значения она не имела, но удар по престижу Петербурга получился существенным. Ну а поскольку даже школьная программа не считает нужным скрывать этот неприятный факт, интересующиеся историей подростки обоего пола могут с лёгкостью убедиться, что профессор лжец и лакировщик. После чего, естественно, станут с подозрением относиться даже к правдивым фактам из его сочинений. Я подобные отзывы уже слышал, но особенно позабавила моих знакомых депутатская трактовка самого знаменитого эпизода Русско-японской войны.

«Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг» — это воспетый героизм того времени. Не сдаваться может только тот, кто имеет силы и волю. Затопите в океане себя вместе со своей яхтой со словами на устах: «За Бога, Царя и Отечество». Попробуйте на себе. Гарантированы незабываемые ощущения» («Мифы о России-1». Стр. 502).

Поняли?! Не желая сдаваться японцам, русские моряки открыли кингстоны посреди океанской пучины и со словами «За Бога, Царя и Отечество» ушли на дно! Эту страшную правду от нас более ста лет скрывали злостные коммунистические фальсификаторы, писавшие, что команда «Варяга», затопив крейсер возле берега, успешно вернулась в Россию — но теперь-то мы знаем, как было на самом деле!

Особое внимание Мединский уделяет высокой духовности дорогих россиян, хотя опять криво и двусмысленно. Где-то настойчиво продвигает идею, что русские — нормальный европейский народ, не лучше и не хуже других, а где-то сам себя опровергает со ссылкой на русские былины:

«Сравнение русских богатырей с европейскими рыцарями не в пользу последних. Несомненно, смелы они и горды и воины могучие. Но служат всё же не Отечеству, а герцогам и королям. И все же обидчивы, как вздорные мальчишки. Вечно у них дуэли да драки. Вообразить же дуэль Ильи Муромца с Алешей Поповичем невозможно даже в бреду» («Мифы о России-1». Стр. 123).

Что видится Мединскому в бреду, ему лучше знать — но русские былины он если и читал, то в облегчённом варианте для детишек. В реальных же сказаниях о богатырях отношения между ними доходят именно до вполне реального мордобоя. Например, Алёша Попович однажды очень конкретно огрѐб от Добрыни Никитича, перед этим посягнув на его жену. Хитрый Алёша, воспользовавшись долгой отлучкой товарища, объявил его погибшим и посватался к Добрыниной Настасье Никуличне. Однако Добрыня о том проведал, на свадебку явился, и дальнейшие события развивались в соответствии с классическими анекдотами на тему: «Возвращается муж из командировки...»

Говорит Алёшенька Левонтьевич:
«Ты прости, прости, братец мой названья,
Молодой Добрыня сын Никитинич!
Ты в той вине прости меня во глупости,
Что я посидел подли твоей любимой семьи,
Подле молодой Настасии да Никуличной».
Говорил Добрыня сын Никитинич:
«А в той вины, братец, тебя Бог простит,
Что ты посидел подли моей да любимой семьи,
Подле молодой Настасии Никуличны.
А в другой вине, братец, тебя не прощу,
Когда приезжал из чиста поля во перво шесть лет,
Привозил ты весточку нерадостну,
Что нет жива Добрынюшки Никитича;
Убит лежит да на чистом поле.
А тогда-то государыня да моя родна матушка,
А жалёшенько она да по мне плакала,
Слезила-то она свои да очи ясные,
А скорбила-то своё да лицо белое,
Так во этой вине, братец, тебя не прощу».
Как ухватит он Алёшу за жёлты кудри,
Да он выдернет Алёшку через дубов стол,
Как он бросит Алёшку о кирпичен мост,
Да повыдернет шалыгу подорожную,
Да он учал шалыгищем охаживать,
Что в хлопанье-то охканья не слышно ведь...

(«Онежские былины, записанные
А.Ф. Гильфердингом летом
1871 года», М.-Л., 1950, т. 2. № 149).

Богатыри, согласно Мединскому, не только не дерутся между собой, но ещё и как на подбор воздержаны по части алкоголя.

«В «Былинах» описываются весёлые пиры при дворе Владимира Красное Солнышко. Но нет в них описания опившихся, валяющихся на земле, теряющих человеческий облик. Во всех западных эпосах они есть: и в «Старшей Эдде», и в «Младшей Эдде», и

в «Песне о Нибелунгах». А в «Былинах» — нет! Вообще единственный случай упоминания пьяниц и пьянства на Древней Руси — это история про Садко и голь перекадную. Но, во-первых, это эпос Новгорода — самого европейского города Руси, члена Ганзы. Во-вторых, бесконечные приключения Садко содержат только один «пьяный» эпизод. Остальные примеры гульбы — не пьянка, а скорее безудержное, разудалое веселье, такое, как пляски морского царя под гусли Садко» («Мифы о России-1». Стр. 290).

В детских переложениях, может, и так (хотя я и там помню упоминания «зелена вина») — но изначально былины писались для взрослых и суровых мужиков, очень болезненно воспринимавших, когда им не отвечают на принципиальный вопрос: «Ты меня уважаешь?» Именно так воспринял неуважение со стороны князя Владимира наиглавнейший русский богатырь.

Славныя Владимир стольнёкиевской
 Собирал-то он славный почестен пир
 На многих князей он и бояров,
 Славных сильных могучих богатырей;
 А на пир ли-то он не позвал
 Старого казака Ильи Муромца.
 Старому казаку Илье Муромцу
 За досаду показалось-то великую,
 Й он не знает, что ведь сделати
 Супротив тому князю Владимиру.
 И он берет-то как свой тугой лук розрывчатой,
 А он стрелочки берет каленыи,
 Выходил Илья он да на Киев-град
 И по граду Киеву стал он похаживать
 И на матушки Божьи церкви погуливать.
 На церквах-то он кресты вси да повывломал,
 Маковки он залочены вси повыстрелял.
 Да кричал Илья он во всю голову,
 Во всю голову кричал он громким голосом:

«Ай же, пьяницы вы, голюшки кабацкии!
Да и выходите с кабаков, домов питейных
И обирайте-тко вы маковки да золоченыи,
То несите в кабаки, в дома питейные,
Да вы пейте-тко да вина досыта».
Там доносят-то ведь князю да Владимиру:
«Ай Владимир князь да стольнёкиевской!
А ты ешь да пьёшь да на честном пиру,
А как старой-от казак да Илья Муромец
Ён по городу по Киеву похаживат,
Ён на матушки Божьи церкви погуливат,
На Божьих церквах кресты повыломил.
А всё маковки он золоченыи повыстрелял;
А й кричит-то ведь Илья он во всю голову,
Во всю голову кричит он громким голосом:
«Ай же, пьяницы вы, голюшки кабацкии!
И выходите с кабаков, домов питейных
И обирайте-тко вы маковки да золочёныи,
Да и несите в кабаки, в дома питейные,
Да вы пейте-тко да вина досыта».

(«Онежские былины, записанные
А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года»,
М.; Л., 1950, т. 2. № 76).

Даже бунтуют на Руси, за редкими исключениями, не так, как в Европе, а деликатно и благонамеренно.

«Традицию «бунта на коленях» можно проследить даже там, где её вроде бы и нет. Скажем, в восстании декабристов. В конце концов, что сделали декабристы? Вывели войска и долго стояли на Сенатской площади в каре. Никаких попыток занять Зимний, арестовать Николая I. В точности как в Москве 1648 года восставшие стояли на площади и ждали, что же делает власть?

Порой говорят о безволии декабристов, недостатке организованности. Приведя солдат на площадь, они не решались продолжать. Воли к власти не хвати-

ло, веры в свою правоту. Но ведь декабристы — боевые офицеры, прошедшие 1812 год, поход в Европу 1813—1815 годов. Безволие? Трусость?

В это трудно поверить. Нелогичное предположение. Действительно, а почему так долго стояли в кадре восставшие, не делая решительных шагов? Почему? Мы так привыкли читать эти описания событий 14 декабря 1825 года, что уже не вдумываемся в их глубинный смысл. А ведь перед нами — типичный бунт на коленях. Угроза оружием? Да... Как из толпы в 1662 году: отдай, царь, ненавистных нам бояр... А то сами возьмём, «своим обычаем»!

Николай I оказался далеко не слабонервным, игру психологического напряжения выиграл он. А восстание декабристов тем не менее состоялось, но состоялось совершенно не так, как должен «по правилам» проходить «нормальный военный мятеж». В традициях мятежа — кровавые столкновения правительственных и мятежных войск, захват «вокзалов, почты, телеграфа», аресты правящей верхушки и их семей, расстрелы заложников, взаимный террор и пр. и пр.

Что же видели мы на площади Декабристов в Петербурге? Типичный русский «бунт на коленях». Очень национальное действо» («Мифы о России-3». Стр. 345—346).

И вправду, в отличие от думских болтунов поднявшие восстание 14 декабря 1825 года декабристы были боевыми офицерами, и потому на коленях стоять они не собирались. Изначально планировалось захватить и Зимний дворец с царской семьёй, и присягающий новому царю Николаю I Сенат, и Петропавловскую крепость. Но с самого начала пошли накладки. Первым восставших подставил капитан Нижегородского драгунского полка Александр Якубович. Неуравновешенный по жизни, а сверх того, словивший пулю в голо-

ву на Кавказе, он в 1825 году, похоже, страдал маниакально-депрессивным психозом. Взявшись захватить царскую семью, он в последний момент отказался и вместо этого побегал к Николаю уверять в совершеннейшем почтении. К Зимнему пришлось бежать поручику Николаю Панову с гвардейскими гренадерами, но дворец успел взять под охрану гвардейский сапёрный батальон, и Панов с криком: «Это не наши!» ретировался.

Сенат было захватывать бессмысленно — сенаторы присягнули и разошлись двумя часами раньше. Прочие же активные действия сорвались из-за срыва попыток поднять несколько предназначенных к восстанию полков и неявики избранного диктатором полковника Преображенского полка Сергея Трубецкого. Его соратники поневоле встали на площади, ожидая подкреплений, а без малого через два века гражданин Мединский выдал их нужду за добродетель, а из добродетели вывел общее благолепие Российской империи. Она у него столь прекрасна, что покидается почти исключительно проблемными народишками, не ценящими своего счастья.

«В те времена, когда Старый Свет поставлял человеческий материал для заселения целых материков, Российская империя не осталась в стороне от этого процесса. Её пределы покинуло тоже 4,5 млн человек. Но обратите внимание, кто выезжал — прежде всего

Несмотря на все заверения Мединского, поручик лейб-гвардии Гренадерского полка декабрист Николай Панов пытался захватить Зимний дворец

это поляки, что было результатом жёсткого противостояния «имперского центра» и польских сепаратистов, которое вылилось в несколько так называемых «польских восстаний», евреи (без комментариев, «черта оседлости» — цена отдельного разговора) и горцы (Кавказские войны породили массовые переселения целых народностей на Кавказе). Эти три категории закрывают собой 90% эмигрантов» («Мифы о России-1». Стр. 462).

Действительно, согласно исследованию Павла Поляна «Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию», в 1851—1915 гг. из Российской империи выехало 4,5 миллиона человек, но евреи из них составляли около 1,9 миллиона, а кавказцы — почти 400 тысяч. Один из крупнейших советских специалистов в области исторической демографии Владимир Кабузан в работе «Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII — начале XX века», говорит о 4,6 миллиона выехавших за этот период, из которых поляков было 880 тысяч. Итого, отмеченные Мединским народы составляют 3,1—3,2 миллиона из 4,5—4,6 миллиона, то есть не 90%, а менее 70% эмигрантов. Среди остальных отмечены прибалты, финны, немцы и сотни тысяч представителей иных этнических групп. О причинах отъезда этих людей замечательно писал неоднократно цитируемый профессором, часто перехлёстывающий через край, но, в отличие от него, талантливый и яркий публицист-эмигрант Иван Солоневич. Между прочим, убеждённый монархист.

«Русская бюрократия, как и сейчас, была, так сказать, государственно тупоумна. У неё не было ни национального чутья, ни самых элементарных познаний в области экономических отношений. Её положение было чрезвычайно противоречивым. Вот губернатор. Он обязан поддерживать русского му-

жика против польского помещика. Но сам-то он — помещик. И поместный пан Заглоба ему всё-таки гораздо ближе белорусского мужика. У пана Заглобы изысканные манеры, сорокалетнее венгерское и соответствующий палац, в котором он с изысканной умильностью принимает представителя имперской власти. Губернатору приходится идти или против нации, или против класса. Петербург давил в пользу нации. Все местные отношения давили в пользу класса. Польский виленский земельный банк с его лозунгом «Ни пяди земли холопу» запирали для крестьянства даже тот выход, который оставался в остальной России. Белорусское крестьянство эмигрировало в Америку. Вы подумайте только: русский мужик, который сквозь века и века самого жестокого, самого беспощадного угнетения донёс до Империи своё православие и своё национальное сознание, он, этот мужик, вынужден нынче бросать свои родные поля только потому, что еврейство (неравноправное еврейство!) и Польша (побеждённая Польша!) не давали ему никакой возможности жить на его тысячелетней родине. И ещё потому, что губернаторы были слишком бездарны и глупы, чтобы организовать или землеустройство, или переселение. На просторах Российской империи для этого мужика места не нашлось» («Наша Газета», № 35—38, 1939).

У Мединского для русских, украинских и белорусских мужиков тоже места не нашлось — никак не укладываются мужички в благостную барскую концепцию! В целом же его лживый пафос настолько нелеп, что кажется — профессор не просто зарабатывает на псевдопатриотическом агитпропе, но и смеётся над ним, намеренно доводя до идиотизма. В мировой литературе такой персонаж известен. Это один из героев

«Похождений бравого солдата Швейка» — симпатичный весельчак, пьяница и раздолбай вольноопределяющийся Марек, которого Ярослав Гашек отчасти списал с себя самого.

«Для обстоятельного историографа, как я, главное — составить план наших побед. Например, вот здесь я описываю, как наш батальон (это произойдет примерно месяца через два) чуть не переходит русскую границу, занятую сильными отрядами неприятеля — скажем, полками донских казаков. В это время несколько дивизий обходят наши позиции. На первый взгляд кажется, что наш батальон погиб, что нас в лапшу изрубят, и тут капитан Сагнер даёт приказ по батальону: «Бог не хочет нашей гибели, бежим!» Наш батальон удирает, но вражеская дивизия, которая нас обошла, видит, что мы, собственно говоря, мчимся на неё. Она бешено улепётывает от нас и без единого выстрела попадает в руки резервных частей нашей армии... А вот ещё лучше. Будет это приблизительно месяца через три. Наш батальон возьмёт в плен русского царя, но об этом, пан Ванек, мы расскажем несколько позже, а пока что мы должны подготовить про запас небольшие эпизоды, свидетельствующие о нашем беспримерном героизме. Для этого мне придётся придумать совершенно новые военные термины. Один я уже придумал. Это способность наших солдат, напигованных осколками гранат, к самопожертвованию. Взрывом вражеского фугаса одному из наших взводных, скажем, двенадцатой или тринадцатой роты, оторвёт голову... Голова отлетит, но тело сделает ещё несколько шагов, прицелится и выстрелом собьет вражеский аэроплан».

Совершенно не удивлюсь, если после смены правящего в России режима Мединский выпустит книжку,

в которой подробно изложит, каким преданным либералом-западником (коммунистом, национал-социалистом, исламским фундаменталистом — в зависимости от того, кто будет у власти?) он был всегда и какой волосатый кукиш показывал в кармане ненавистному Кремлю.

Доказательством искренности грядущего перехода в ряды сторонников Явлинского и Новодворской могут послужить кинематографические взгляды профессора, который восхищается фильмом «Сибирский цирюльник» Никиты Михалкова и находит омерзительным «Брат-2» Алексея Балабанова. Но о чём «Брат-2»? Русский парень, ветеран Чеченской войны, приезжает в США помочь вернуть деньги ограбленному брату боевого товарища. По ходу дела он убивает плохих американцев, дружит с хорошим, спит с понравившейся ему мулаткой, спасает и возвращает в Россию соотечественницу, ставшую в Штатах проституткой.

В чём проблема? Нормальный мужик, который и Родину защитит, и возлюбленная за ним будет как за каменной стеной. Не то что герой «Цирюльника», который хотя и юнкер элитного военного училища и без пяти минут офицер, но, по сути —дохлый неврастеник, который не может выстрелить в террориста и падает в обморок при виде обнажённых прелестей американской шлюхи. Свихнувшись от ревности, он нападает на начальника училища и отправляется на каторгу. Зрителям предложено возмущаться кровавым режимом Александра III, навесившим на трепетное создание политическую статью, а интернациональный плод его любви в 1905 году служит в американской армии. Глядишь, ещё успеет в 1918 году во Владивостоке высадиться да аборигенов пострелять.

Американцам михалковская пакость понравилась, ибо все русофобские штампы налицо. Россия, как и положено, дика, коррумпированна и тоталитарна. Русский генерал — пьяное быдло. Готового приобщиться к общечеловеческим ценностям героя заковывают в кандалы. Технический прогресс в лице лесопильной машины «Сибирский цирюльник» несут американцы, а русские дикари при виде диковинной штуковины с визгом разбегаются! Значит, так по Мединскому с Михалковым и должна выглядеть Россия относительно США, а убийство русским унтерменшем представителя избранного американского народа даже на экране должно караться если не расстрелом через повешение, то всеобщим порицанием и отлучением режиссёра от кинобюджетов.

Конечно, прямо Мединский такого не говорит, а его отречением от российской вертикали власти мы, возможно, успеем насладиться в будущем, но пока можно полюбоваться, как профессор перевирает события зарубежной истории. Получается столь же лихо, как и коверканье эпизодов истории российской. Надо заклеить Великую Французскую революцию и доказать, что никакого штурма Бастилии не было? Да раз плюнуть!

«Легендарный «Штурм Бастилии» 14 июля 1789 года, который с великой помпой празднуется в современной Франции как главный национальный праздник, — «красный день календаря» Французской революции. А сколько говорено о «решительном» и кровавом штурме, об «освобождении несчастных узников» королевского правления, жертв чудовищной жестокости антинародного режима!

Собственно, штурма-то и не было, потому что защищали дряхлую Бастилию то ли 80, то ли 90 швейцарских наёмников. И каких наёмников! — инвали-

дов: или стариков-ветеранов, или увечных. К тому же у коменданта был строгий приказ: ни в коем случае пальбы по толпе не открывать! Ни при каких обстоятельствах!

Сами парижане вовсе не собирались ничего штурмовать или разбивать. Чтобы пойти на штурм Бастилии и начать гражданскую войну, «пришлось» привести с юга Франции около тысячи уголовников, в основном не французов, а корсиканцев и каталонцев. Эти «представители народа» и ринулись на штурм.

Швейцарцы воевать не хотели. Был бы приказ, огрызнулись бы огнем 15 пушек... И непонятно, как могла бы повернуться история. Но приказа стрелять не было, был как раз приказ не стрелять. Комендант сам вынес ключи от крепости «восставшему народу».

Спросил:

— А что вам нужно?

— Мы хотим освободить несчастных узников!

— Заходите... Только без шума» («Мифы о России-1». Стр. 103).

Если когда-нибудь история избрания Мединского в Государственную Думу будет увековечена каким-нибудь французским мсье Мединське, он с чистой совестью может написать, что никаких выборов не было. Россияне никого выбирать не хотели, но к избирательным урнам пришла банда чеченских уголовников со снятыми по пути московскими проститутками и проголосовала заранее подготовленным мешком бюллетеней. Охраняющие избирательный участок милиционеры оказались бессильны — направивший бандитов-земляков заместитель главы Администрации президента РФ Асланбек Дудаев, более известный как Владислав Сурков, отдал строжайший приказ не стрелять!

Продажные журналисты замечают следы, но я не сомневаюсь, что доблестные сотрудники ФСБ скоро разоблачат негодяя. Пока же парламентариям, которые разбираются в истории несколько хуже, чем некое нечистое для иудеев и мусульман парнокопытное животное в оранжевых тропических фруктах, стоит почитать если не первоисточники, то хотя бы академическую «Историю Французской революции» одного из крупнейших советских исследователей этого события, профессора Владимира Ревуненкова. Оттуда они узнают, что гарнизон Бастилии изначально состоял из роты не швейцарских, а французских инвалидов, а тремя десятками вполне бодрых швейцарцев, составлявших самую надёжную часть гарнизона, его усилили перед всей заварушкой. Штурм, хотя и беспорядочный, всё же был, в ходе него с обеих сторон погибло свыше ста человек, и решающую роль сыграли не обитающие в воспалённых депутатских мозгах корсиканские разбойники, а перешедшие на сторону революционеров две роты королевской гвардии с артиллерией. Подавляющее большинство штурмующих составляли добрые парижане и жители столичных окрестностей. Некоторые из них сделали неплохую карьеру. Пивовар из Сент-Антуанского предместья Жан Сантер стал генералом революционной армии, владелец прачечной Ла-Бриш Пьер Юлен получил генеральские эполеты из рук Наполеона, а вот судебному приставу из Шатле Станиславу Майяру повезло куда меньше. Он дослужился до начальника Тайной полиции Комитета Общественной безопасности, но вскоре сам был арестован как участник контрреволюционного заговора, подцепил в тюрьме туберкулёз, от которого и помер, уже выйдя на свободу после того, как обвинение не подтвердилось.

...Подобные примеры можно приводить бесконечно, но и так ясно: перед нами либо нахальный халтурщик, который, пользуясь услугами таких же наглых и ленивых литературных негров и поддержкой властей, наживается на издании псевдоисторического барахла. Либо Мединский не такой неуч, как кажется, но рассуждает подобно анекдотическому прапорщику, который на вопрос солдата: «Умеют ли летать крокодилы?» — ответил: «Конечно, нет!», а узнав, что товарищ майор придерживается иного мнения, поправился: «То есть летают, но низенько-низенько!»

Если даже прапорщик понимал, что показывать себя умнее начальства чревато для карьеры, то, без сомнения, осознает это и наш думак. Исходя из этого, можно предположить, почему в абзацах о Семилетней войне появился умерший задолго до её начала герцог Мальборо. Как известно, главный босс Мединского, лидер «Единой России» Владимир Путин недавно тоже вспомнил Семилетнюю войну. Общаясь с народом 16 декабря прошлого года, Владимир Владимирович упомянул, что тогда в рядах действующей армии находился современник Мальборо — император Пётр Великий, в реальности скончавшийся за три десятка лет до тех баталий — 28 января 1725 года.

Смеет ли правоверный «единоросс» придерживаться иного мнения? Поскольку сейчас Путин у власти и не стал политическим трупом, который можно пинать — всё было, как он сказал! Командуя в Семилетнюю войну русской армией, Пётр Алексеевич наголову разгромил герцога Мальборо, после чего ехидный Алексашка Меншиков сочинил о том песню «Мальбрук в поход собрался!» Если найдется клеветник, не верящий в сию славную викторию, с ним разберется президентская Комиссия по противодействию попыт-

кам фальсификации истории в ущерб интересам России. Указом президента России Дмитрия Медведева Мединский официально введён в её ряды, и потому тёплое местечко в исторических анналах ему обеспечено, а враги должны трепетать. Хотя до репрессий дело пока не дошло, но некоторые поглумившиеся над придворным историком авторы типа писателя-фантаста Олега Дивова предпочли убрать издевательские отзывы из Интернета.

Дискуссия в депутатском черепе

Фирменная особенность творений Мединского — постоянное опровержение самих себя. Половинки профессорского мозга так бурно противоречат друг другу, что кажется — наш борец с русофобией страдает острой формой внутричерепной демократии, личность его раздвоена и нуждается в немедленной помощи психиатра. Дабы тот помог установить в голове хотя бы конституционную монархию.

«Русский флот был целиком парусный, а на Западе уже всю пыхтели пароходы» («Мифы о России-2». С. 366). Но в то же время «Весь англо-французский флот полностью состоял из пароходов, причём с винтовыми двигателями. В русском флоте на паровой тяге была лишь треть больших кораблей» (там же. С. 372).

Совместить эти фразы решительно невозможно ни друг с другом, ни с реальностью. Флот Российской Империи к началу Крымской войны имел 40 линейных кораблей, 16 фрегатов и 18 пароходофрегатов (то есть паровых кораблей было меньше четверти от общего количества). Союзные эскадры оказались куда многочисленней и современной, но тоже состояли в основном из парусников, а среди паровых кораблей

преобладали колёсные. Даже самый современный — британский флот на 11 винтовых линейных кораблей имел 19 парусных, а на 32 колёсных пароходофрегата — 50 парусных.

Для чего профессор подтасовывает данные о флотах в Крымскую войну, понятно — ему надо доказать, что преимущество союзников над Россией было значительнее, чем на самом деле. Но соседняя внутренняя дискуссия лишена даже тени логики. С одной стороны, «**Российская империя не раз пыталась отвлечь вражеские армии, чтобы союзники начали перебрасывать войска на другие театры военных действий**» («Мифы о России-2». Стр. 366). Но с другой — «**защитники Севастополя были брошены на произвол судьбы**» (там же. Стр. 372).

Лично у меня никак не повернётся язык назвать переброску в Севастополь десятков тысяч солдат и массы военного имущества, а также неоднократные атаки русской армии на позиции союзников бросанием на произвол судьбы. Однако Балаклава, Евпатория, Инкерман и Чёрная речка, где происходили эти сражения, никак не относятся к другим театрам военных действий. К таковому относится Кавказский театр, где русская армия пыталась отвлечь союзников, наступая на Карс, однако великий географ Мединский, видимо, считает, что Балаклава с Инкерманом тоже находятся не в Крыму, а где-то под Парижем или Лондоном.

Но профессор не только географ — он ещё и большой знаток этики, постоянно пытающийся доказать гуманность отечественных нравов и отвращение, которое испытывают дорогие россияне к разным средневековым зверствам.

«В западных странах и в большинстве стран Востока наследовал престол старший сын. Уж что толь-

ко не делали порой с этим старшим! И похищали, и убивали, и ослепляли, и кастрировали... Лишь бы не мог стать наследником. Придёт время, и на Руси, как в Византийской империи, Шемяка выколет глаза двоюродному брату — Василию II. Что характерно, в Византии слепой не мог наследовать престол и не мог сидеть на престоле. На Руси же Василий II Тёмный остался великим князем. А его мучитель Шемяка вошёл в народную память как омерзительный тип, основатель неправого «шемякиного суда» («Мифы о России-2». Стр. 458).

Вопрос о тождестве князя Дмитрия Шемяки и юриста из написанной два века спустя «Повести о Шемякином суде» до сих пор не разрешён, но это тут не главное. Нам говорят, что Шемяка сволочь, потому что выколол глаза Василию II, и его поступок возмутил подданных как нечто ужасное. Но что сделал незадолго до этого сам Василий? Знает ли это профессор? К выходу следующего тома его просветили.

«После смерти великого князя Василия I в Москве началась жестокая борьба за великое княжение между его сыном Василием II Васильевичем и его двоюродными братьями: Дмитрием Шемякой и Василием Косым. Косой попал в плен к Василию II, и тот приказал его ослепить (потому он и Косой). Дмитрий Шемяка стал мстить за брата. Внезапно напав, он захватил в плен самого двоюродного брата, Василия II, и тоже ослепил его. По традиции, шедшей ещё из Византии, слепой не мог занимать престола» («Мифы о России-2». Стр. 188—189).

Всё так и было. Шемяка сделал с Василием Тёмным то, что тот сделал с Василием Косым, конкуренты за престол стоили друг друга, и все рассуждения Мединского отправляются в галюн — но он этого не замечает. Как и в своих описаниях смерти царя-самоз-

ванца Лжедмитрия I, занимавшего русский престол в 1605—1606 гг.

«Народ безмолвствовал, когда бояре выкликали царём Лжедмитрия. А спустя короткое время народ восстал и убил царя» («Мифы о России-3». Стр. 356). Но в книге «Особенности национального пиара» на 482-й странице Лжедмитрия свергает злыдень Василий Шуйский, который **«выпустил из тюрем уголовников, и в результате нелепого грязного бунта, подробности которого не хочется пересказывать, самозванец погиб».**

Сравните эти цитаты и попробуйте понять, кто, по мнению думского «медведя», есть Лжедмитрий. Боярский ставленник, свергнутый возмущённым народом? Или **«весьма неглупый был на троне персонаж. И не злой» («Мифы о России-1». Стр. 153),** который пал от рук уркаганов Шуйского?

Как относится Мединский к пиар-способностям приконченного древлянами князя Игоря Рюриковича? На 69-й странице «Особенностей национального пиара» у этого князя обнаруживается **«созданный на века положительный имидж»**, но на 76-й выясняется, что у Игоря **«постпиар много слабее Олега»**, а на 105-й странице мы читаем, что он **«своей пиар-кампании организовать не сумел или не захотел».**

Кто по национальности покоритель Бухары, Коканда и Хивы, первый Туркестанский генерал-губернатор Константин Петрович фон Кауфман? На 133-й странице «Мифов о России-2» он австриец, на 203-й — уже еврей, а кем будет в следующем издании — неизвестно и самому автору, достигшему зияющих высот внутричерепного плюрализма в главах о Великом княжестве Литовском и Грюнвальдской битве.

«Воины т. н. Смоленского полка были вассалами Витовта, великого князя Литовского. На террито-

рии Литвы, как известно, жило очень много русских и православных, они вообще были подавляющей частью населения. Литовцы были правящей элитой. А население-то русское...» («Мифы о России-2». Стр. 225). В знаменитом Грюнвальдском сражении литовец Витовт «поставил литовских воинов на самое безопасное место, а своих вассалов-смолян — на самую невыгодную позицию. Именно по смолянам, расположенным в центре войска на беззащитном ровном месте, и пришёлся первый, самый страшный удар бронированной рыцарской конницы. Но вот о чём следует знать и помнить: литовцы, стоявшие по бокам, в арьергарде и так далее, перепугавшись, побежали, а смоляне стояли насмерть, не сходя с места. В героическом Смоленском полку и завязла закованная в броню конница тевтонского ордена. И тогда сам Витовт бросился догонять своих воинов, сбежавших, даже не приняв сражения. С конным отрядом он нагнал их, перестроил, повёл назад — на то место, где всё ещё насмерть стояли русские, смоленские полки. (Запомним: уже не полк, а полки! — Ю.Н.) Потери смоленцев уже превышали пятьдесят (!) процентов, но наши не дрогнули. С возвращением «дезертировавших» литовцев и русские воины воодушевились и сами перешли в контрнаступление. И тевтонские рыцари были разбиты. Кто выиграл битву при Грюнвальде? Её выиграли герои Смоленского полка (опять одного полка. — Ю.Н.)...Они изменили историю всей Восточной Европы. Впрочем, почему только Восточной?» (там же. Стр. 225—226).

Я не буду напоминать пану профессору, что, кроме 40 полков-хоругвей Витовта, в Грюнвальдской битве участвовала 51 хоругвь польского короля Ягайло, и воины эти не копьями в носах ковыряли, а собственно, и разгромили основные силы противника. Не ста-

ну обращать внимание, что оный Ягайло был сыном тверской княжны Юлиании, а в его войске числилось немало воинов с территории бывшей Киевской Руси (галицкая, холмская и другие хоругви). Будем считать гордое игнорирование ляхов маленькой профессорской мезью за поддержку покойным польским президентом Качиньским ещё живого грузинского президента Саакашвили. Но каким образом в стране, где подавляющее большинство населения — славяне, в армии от них то ли один, то ли два полка, а остальные — трусливые литовские дезертиры?

*Хотя польский король
Владислав Ягайло
командовал большей частью
союзной армии в битве
при Грюнвальде,
Мединский ухитрился
не заметить ни короля,
ни его воинства*

Что на этот счёт говорят средневековые авторы, типа создателя классической «Истории Польши» Яна Длугоша, подробно описавшего Грюнвальдскую баталию и с большой похвалой отозвавшегося о смоленцах?

Смотрим и видим, что, кроме смоленцев, в составе войска Витовта упоминаются Брестская, Виленская, Витебская, Волковыская, Гродненская, Дрогичинская, Киевская, Ковенская, Кременецкая, Лидская, Медницкая, Мельницкая, Пинская, Полоцкая, Новгородская, Стародубская и Трокская хоругви. За возможным исключением явно литовского Каунаса (Ковно) и расположенной в Жемайтии Медницы, а также Вильнюса (Вильно) и Тракая (Трок), точный этнический состав которых на тот момент сейчас сложно

определить — сплошные славянские хоругви, составлявшие ядро Витовтовой армии. Длугош, скромно умолчав о повторном вступлении этих полков в битву, пишет, что отошли они отнюдь не без боя. Другие же хронисты указывают, что отступили далеко не все, а в интерпретации некоторых отход Витовта выглядит скорее обманным маневром, предпринятым с целью расстроить ряды противника. Таким маневром можно бы и похвастаться, но профессору лень, и он предпочитает переписать славян в литовцев и выставить их шайкой трусов и паникёров!

Плохо замаскированные русофобские выходки забавно сочетаются с разоблачениями антирусского заговора в американском боевике, который несостоявшийся дипломат то ли не видел, то ли смотрел, предварительно выкушав в депутатском кабинете бутылочку коньячку без закуси.

«В фильме 1990-х годов «Армагеддон» русские космонавты показаны на орбите в шапках-ушанках и пьяные в стельку. Страшно: они могут обрушить на Америку ядерный удар. Смешно: эти дурацкие шапки... небритые тупые лица... Пьянка в любое время суток... При этом русский капитан корабля устраняет все неполадки на борту исключительно с помощью лома, мата и гаечного ключа исполинских размеров... Конечно, тут полное несоответствие космической техники и людей, которые никак не могли бы такую технику создать. Но миф на то и миф, чтобы не озабочиваться такими «мелочами». В конце концов, нелепые русские де Кюстина тоже никогда не смогли бы разгромить самую сильную армию того времени — французскую. Голливуд лепил образ, сочетающий несочетаемое. Такой образ помогал примириться с чувством исходящей от русских смертельной опасности, осознать собственное превосходство. Он морально

готовил и к войне с «недочеловеками». Ведь истреблять таких уродов — это не столько война, сколько охота. Лицо горит, опасность заставляет напряженно оглядываться, а когда враг умирает, ничто не омрачает удовольствия. Похожий образ лепила британская пропаганда про колониальные народы. Кинематограф морально готовил и к возможной оккупации России — ведь захватить страну, населённую такими существами, и принести в неё свет демократии — это даже более славно, чем занять земли индейцев. Это почти что спасение таких существ от самих себя, от своего страшного и нелепого образа жизни... Фильмы с теми «русскими» персонажами, которые появляются в американском кинематографе, такие, что уж лучше бы их не было вовсе».

И далее:

«В 1996 году на экраны вышел упомянутый мной ранее фильм «Армагеддон» (Брюс Уиллис в главной роли). Обычный околонаучный блокбастер, события которого происходят вокруг надвигающейся катастрофы: громадный астероид приближается к Земле. Как врежется в неё — тут всем конец. Американцы мчатся к астероиду на космическом корабле, чтобы заложить в него заряд взрывчатки и рвануть подальше от Земли, спасти человечество. По пути к опасному астероиду американцы стыкуются с космическим кораблем россиян... На этом полуразрушенном корабле остался один человек, зовут его... Лев Троцкий. Грязный и небритый, он ходит в ушанке с красной звездой и в валенках; в момент прибытия американцев на борт он «чинит» корабль: лупит кувалдой по какой-то детали, торчащей из стены. Этот небритый россиянин с чудовищно испитым, тупым лицом — в общем, положительный персонаж. Он смел, умён, решителен, помогает американцам и гибнет героически. Но... эти

валенки... ушанка с красной звездой... кувалда в мохнатой грязной «лапе».

Так сколько в фильме было русских космонавтов? Один с кувалдой? Или толпа с гаечным ключом? И кто он (или они) такие? Мерзкие варвары, которых надо оккупировать, или герои, спасающие мир ценой собственных жизней?

Упоминавшийся выше фантаст Олег Дивов разъяснил изрыгнувшему коллеге, что русский космонавт в фильме был один, звали его Лев Андропов, ушанку и футболку он надел по приколу, в конце фильма не гибнет и не просто помогает американцам, но неоднократно их спасает. От себя могу добавить, что американцы там не менее смешные — особенно придурок, бегущий среди падающих метеоритов с воплями «На нас напал Саддам Хусейн!» В конце же товарищ Андропов не только спасает партнёров, но хорошо подкалывает. Подняв «Шаттл» с готового вот-вот взорваться астероида мощным ударом по пульту управления, он успевает прорычать: «Всю эту грёбаную технику делают на Тайване!»

Мединский Троицкого на Андропова заменил, про спасение добавил. Но всё равно заявил, что один из немногих положительных русских персонажей в Голливуде в исполнении колоритного шведского актёра Петера Стормаре «какой-то недочеловек» («Мифы о России-1». Стр. 214). Вот если бы он был гладко выбрит, цитировал Мединского и славил Путина!

Дивов был не единственным, кто ткнул нос Мединского в его пахучее творчество. После выхода первых книг нашего думака это сделали и другие добросердечные читатели. Иногда помощники докладывали боссу, и в следующем издании появлялись исправления. Но какие! Описывая многострадальную Семилетнюю войну 1756—1763 гг., Мединский гордо сообщил, что,

в отличие от русских, «ни австрийцы, ни французы разбить Фридриха Великого не смогли» («Мифы о России-1». Стр. 194).

Если вы читали хотя бы популярный исторический роман Валентина Пиккуля «Пером и шпагой», то должны помнить: прусского короля Фридриха Великого австрийцы разбивали дважды — 18 июня 1757 года при Колине и 14 октября 1758 года при Хокхирхе. После первого сражения потерявшей почти половину личного состава прусской армии пришлось снять осаду Праги. После второго она лишились более трети солдат и всей артиллерии. Лишь медлительность победителей и своевременный подход подкреплений во главе с принцем Генрихом Прусским спасли короля от полного разгрома.

Не веря своим глазам, я заглянул в предыдущее издание той же книги Мединского и прочёл, что «ни англичане, ни французы разбить Фридриха Великого не смогли».

Всё стало понятно. Ознакомившись с этим бредом, кто-то написал в Интернете, что англичане и вправду никак не могли разбить Фридриха, поскольку Англия была основным союзником и спонсором Пруссии в Семилетней войне. Помощники прочли замечание, и депутат, недолго думая, переделал британцев в авст-

Прусский король Фридрих Великий дважды терпел поражения от австрийцев, но Мединский их категорически отрицает

рияков! А если в следующий раз помощники прочтут, что и это чушь, в новом издании австрийцев заменят на австралийцев или альбигойцев.

Не менее забавно смотрятся исправления автора в описании героической атаки русских кавалергардов при Аустерлице. Из текста его первого сборника побасенок получалось, что атака эта была столь же бессмысленна, как действительно тупейшее наступление британской конницы под Балаклавой.

«А вот совершенно аналогичная русская история: во время войны 1807 года под Аустерлицем два эскадрона русских кавалергардов получили приказ атаковать французское каре. Плотное скопление войска оцетинившихся французских штыков, на которое скачут всадники в штыках золотом белых мундирах. Красота неопишная! Ведь кавалергарды — самый цвет русской армии, брали туда исключительно детей дворян, да не простых — через одного князя, графы, бароны. Служить в кавалергардском полку — большая честь! Там, как и у англичан, «сcream of the great» высшего общества. Но, увы, приказ столь же идиотский (такой же, как и у англичан в Крыму спустя 50 лет), атака столь же бессмысленна, сколь и бесстрашна. «Кавалергарда век недолог...»

Почти все погибли, единицы, сбитые с лошадей, попали в плен. Наполеон сказал по этому поводу, что никогда не видел такой красивой и бессмысленной атаки. Он спросил у одного из уцелевших офицеров: зачем они атаковали в поле в конном строю каре?

Тот ответил, что эскадрон получил приказ и должен был его выполнить. Наполеон смахнул скупую мужскую слезу профессионального солдата и всех пленных велел отпустить. Отголоски этой истории есть у Льва Толстого — в описании сражения, в кото-

ром получает смертельную рану Андрей Болконский. В первых версиях романа он умирал. Но очень уж нужен был Толстому этот персонаж, не мог он его убить в начале книги! И в более поздних версиях романа Болконский выздоравливает.

В общем, история такая же, как с атакой красных королевских всадников на русские позиции. Результаты те же. Но выводы делают иные. В России говорят о безграмотном генерале, желающем выслужиться перед главкомом русской армии под Аустерлицем — императором Александром I».

Опять нашлась добрая душа и объяснила кому-то из профессорской obsługi, что Аустерлицкое сражение произошло в 1805 году, а кавалергарды пошли в атаку совсем не потому, что дуболом в генеральских эполетах решил выпендриться перед царём-батюшкой.

После этого в следующем издании год сражения исправили, а в описании боя кавалергардов появилось уточнение.

«В отличие от красной (иногда называют «лёгкой») кавалерии, атака кавалергардов не являлась полной бессмыслицей, хотя с военной точки зрения была совершеннейшим сумасшествием. Личная конная гвардия Александра всё-таки принесла пользу: кавалергарды прикрыли граничившее с бегством отступление союзных русско-австрийских войск и не дали, таким образом, возможности вражеской коннице наброситься на бегущих с фланга» («Мифы о России-1». Стр. 214).

Для начала ознакомимся с краткой биографией командовавшего кавалергардами генерала, которого великий полководец Мединский произвёл в идиоты.

Выходец из сербского дворянского рода Николай Иванович Депрерадович родился 23 октября

1767 года. Прежде чем сражаться во всех кампаниях против Наполеона, участвовал в русско-польской войне 1787—1791 гг. и русско-польских войнах 1792 и 1794 гг. В сражении пре Фер-Шампенаузе 25 марта 1814 года русская кавалерия, ядром которой стала 1-я кирасирская дивизия Депрерадовича, взяла свыше 7 тысяч французских пленных и захватила 75 орудий. Кавалер русских орденов Святого Александра Невского с алмазами, Святого Георгия III степени, Святого Владимира I степени и Святой Анны I степени и прусских — Кульмского креста и Красного Орла I степени и австрийского — Марии Терезии III степени. Сверх того, награждён золотой шпагой с алмазами.

Я понимаю, что на фоне отважных деяний фельдмаршала от комитета комсомола МГИМО это мелочи, но давайте, справедливости ради, ознакомимся с «сумасшедшей» атакой, кое-какой смысл которой Его Депутатство милостиво изволили признать.

«Кавалергарды перешли ручей и с ходу бросились в атаку. Развернувшись вправо от плотины, эскадроны Его Величества (под командой полковника А. Н. Авдулина 1-го), полковников Титова и Ушакова 2-го во главе с полковым командиром генерал-майором Депрерадовичем 2-м, устремились на выручку Преображенского полка, отступавшего в расстройстве под огнем теснивших его французских стрелков. Для того, чтобы достичь противника, кавалергардам пришлось с трудом пробираться сквозь разрозненные группы ретировавшихся преображенцев. Затем они атаковали густые цепи стрелков и, неоднократно опрокидывая их, сдержали натиск французов на этом участке. Под прикрытием трёх эскадронов Кавалергардского полка преображенцы (вместе с приданными им 4-мя орудиями) и остававшиеся на

правом берегу Раусница 4 конных пушки штабс-капитана П. А. Козена успели переправиться на левый берег ручья.

Вслед за первыми тремя эскадронами кавалергардов перешли плотину эскадроны полковника князя Репнина и полкового командира. Вместе с ними следовал также 2-й взвод эскадрона Его Величества, возглавляемый 17-летним корнетом Александром Ивановичем Альбрехтом (он отвозил в Аустерлиц полковые штандарты и не успел догнать свой эскадрон). Этой частью Кавалергардского полка командовал 27-летний полковник князь Николай Григорьевич Репнин-Волконский (позже дослужившийся до чина генерала от кавалерии). Когда бывшие под его начальством два эскадрона и взвод Альбрехта поднялись на высоты правого берега Раусница, момент для русских гвардейцев, сражавшихся там, был самый критический. «Мы увидели перед собой, шагах в 400 от переправы, нашу пехоту — семёновцев, окружённых французской кавалерией, отбивавшей у них знамена, — писал впоследствии князь Н. Г. Репнин военному историку А. И. Михайловскому-Данилевскому. — Кругом ни вправо, ни влево не было видно русских частей, видны были лишь кучки бегущих, а общим фоном этой картины служила сплошная стена французской пехоты».

Князь Репнин, быстро оценив обстановку, кинулся на выручку Семёновского полка. Он ударил с двумя эскадронами и взводом Кавалергардского полка на утомлённые и расстроенные боем эскадроны Раппа, только что отразившие атаку лейб-казаков ротмистра Бирюкова. После яростной сшибки конных масс завязалось множество одиночных схваток. Видя, что бойцы Раппа начали уступать под натиском кавалергардов, в схватку вмешались два других эскадрона

конных егерей французской гвардии (3-й и 4-й) под начальством майора Дальмана. Они атаковали левый фланг кавалергардского эскадрона князя Репнина, в то время как на правый фланг его обрушились подоспевшие конные гренадеры — велиты (5-й эскадрон). Эскадрон Репнина был охвачен с обоих флангов, а затем и окружён вместе с взводом Альбрехта. Полковник А. Л. Давыдов с эскадронам полкового командира изо всех сил старался помочь ему, но безуспешно. На помощь кавалергардам подоспели два эскадрона Лейб-гвардии Конного полка (Его Высочества и полковника Оленина 1-го), которые были отправлены через Раусницкий ручей вслед за эскадронами Репнина, но были задержаны отступавшей пехотой и не успели вступить в бой одновременно с ними. Теперь эти конногвардейцы, возглавляемые полковником Е. И. Олениным, вмешались в схватку, но выручить эскадрон князя Репнина и взвод корнета Альбрехта так и не смогли.

Во время рубки генерал Рапп, раненный в лицо ударом палаша, был сброшен с коня... Бой был исключительно яростный, более 15 минут продолжалась жестокая сеча, когда к месту боя прибыл, наконец, маршал Бессьер с четырьмя эскадронами конных гренадеров Орденера. Грозные *invicibles* (непобедимые) тяжёлой рысью атаковали русскую гвардейскую конницу. «Заставим плакать петербургских дам!» — кричали эти гиганты, обрушивая свои палаши на кавалергардов. Прибытие свежих эскадронов решило исход кавалерийского боя в пользу французов, и русская конница отступила в расстройстве (под прикрытием картечного огня единственного орудия полковника Костенецкого) на левый берег Раусницкого ручья.

Кавалергардский эскадрон князя Репнина и взвод Альбрехта не смогли отступить вместе со всеми.

Они были отрезаны и продолжали сражаться в окружении. Часть их личного состава погибла, часть попала в плен (почти все ранеными). Офицеры эскадрона, включая князя Репнина, были ранены, а затем пленены. Из нижних чинов эскадрона спаслось всего 18 человек, а из взвода Альбрехта не спасся никто...

Спустя некоторое время взятые в плен офицеры-кавалергарды были подведены и представлены Наполеону. «Кто старший?» — спросил император. Ему назвали князя Репнина. «Вы командир Кавалергардского полка императора Александра?» — обратился Наполеон к пленному полковнику. «Я командовал эскадроном», — ответил Репнин. «Ваш полк честно выполнил свой долг!» — «Похвала великого полководца есть лучшая награда солдату». — «С удовольствием отдаю её вам». «Кто этот молодой человек рядом с вами?» — поинтересовался затем Наполеон у князя Репнина. «Это сын генерала Сухтелена, он служит корнетом в моем эскадроне», — ответил полковник. «Он слишком молод, чтобы драться с нами», — заметил император французов. Тогда юный Павел Сухтелен вмешался в разговор... «Не нужно быть старым для того, чтобы быть храбрым!» — воскликнул юноша и добавил две строки из корнелевского «Сида»:

Я молод, это правда, но у благородных душ
Доблесть не определяется количеством лет.

«Браво, молодой человек, вот прекрасный ответ, — сказал Наполеон Сухтелену, — поступайте всегда так, вы на хорошем пути». После этого он приказал отвести пленных русских офицеров на свой бивак, где доктор Д. Ларрей должен был осмотреть их раны».

(А. Васильев. «Русская гвардия в сражении при Аустерлице. Часть 2». Военно-исторический журнал «Воин» №4).

Как видите, в бой пошли не два эскадрона, а почти весь полк. Погибли не два эскадрона, а один, да и то не полностью. Действия Депрерадовича, которые господин Васильев описывает столь подробно, вполне разумны. Кавалергарды атакуют не каре, а рассыпавшихся вражеских стрелков и кавалерию. Местность и массы отступающей русской пехоты не дают им разогнаться, тем не менее, исход боя неясен, и лишь появление свежего и сильнейшего во вражеской армии конно-гренадерского полка склоняет чашу весов на сторону французов. Однако разбитые ранее семёновцы и преображенцы успевают отойти. Оценивая итог боя, мелкий французский военачальник эпохи Мединского, некто Наполеон, вопреки профессорскому вранью, оценивает атаку кавалергардов достаточно высоко, да и на Родине их командир заслуженно получил за тот бой своего Георгия III степени... Не думаю, что, начини автор тогда рассуждать о бессмысленной атаке по приказу идиота, кто-то из господ кавалергардов вызвал бы его на дуэль, а вот отходить плетью или выпороть на конюшне могли запросто.

В других эпизодах войн профессор, наоборот, пытается играть за русских, жульничая уже в их пользу:

«Чётко видны три этапа русско-французских войн. Первый этап: Итальянский поход. Он завершился, казалось бы, вничью для российско-австрийской коалиции. Но все столкновения французов непосредственно с корпусом А. В. Суворова неизбежно заканчивались для них плачевно. Второй этап: Аустерлиц, войны России вместе с союзниками. Этот этап выиграли французы. Но, отметим: русская армия буквально «придана» австрийцам. Мнение Кутузова, до последнего момента не желавшего начинать битву при Аустерлице по австрийскому плану, полностью

проигнорировано, и фактически он отстранен от командования. Поэтому правильное говорить не о поражении коалиции, а о поражении прусской и австрийской армий, несмотря на «придачу» им в подкрепление русской армии. Точно так же мы говорим в 1812 году о поражении французов и лично Наполеона в России, хотя армия его говорила на «двухнадесяти языках» и, по сути, была объединённой союзной армией десятка европейских государств. Видимо, не впрок нам были союзники. Третий этап: Прёйсиш-Эйлау — Фридланд, опять ничья» («Мифы о России-2» Стр. 275).

Герой Наполеоновских войн, генерал от кавалерии Николай Депперадович. Посмертно объявлен Мединским идиотом, погубившим два эскадрона, чтобы выслужиться перед царём

Для тех, кому лень заглянуть в словари, уточняем, что из первого этапа тут вычеркнуты как блестящие победы русской эскадры недавно канонизированного адмирала Фёдора Ушакова на Средиземном море, так и серьёзная неудача англо-русского экспедиционного корпуса в Голландии. Пруссак в первом этапе войн России с Францией не участвовали — подключились только на третьем и оказались не бесполезными. Подход прусского корпуса Лестока на поле боя под Прёйсиш-Эйлау сыграл значительную роль в отражении решающей атаки Наполеона. Наконец, сражение при Фридланде французы выиграли вчистую — русская армия отступила, потеряв убитыми, ранеными и пленными треть личного состава и оставив противни-

ку 80 орудий. Всё это общеизвестные факты, но свежеспечённый патриот их не замечает, а когда его тычут носом во враньё, судорожно оправдывается.

«В Бородинском сражении погибло 58 тысяч французов, в том числе 47 генералов. Русские потери — 44 тысячи человек, в том числе 23 генерала», — гордо сообщает Мединский со ссылкой на самую правдивую в мире Большую советскую энциклопедию, не ображая при этом, что если из 135-тысячной наполеоновской армии убито 58 тысяч, то ранено должно быть не менее, чем в два раза больше, и Наполеон в таком случае вошёл в Москву с армией, состоящей из воскресённых трупов и раненых.

Мединскому показали подлинную цитату из БСЭ, согласно которой *«французская армия понесла невосполнимые потери — свыше 58 тыс. чел. (по французским данным, 30 тыс. чел.), в том числе 47 генералов. Русские войска потеряли 44 тыс. чел. (из них 38,5 тыс. 26 августа), в том числе 23 генерала»*. Профессор прочёл и в следующем издании начал нудно выкручиваться, объясняя, что есть и другие выпуски Большой советской энциклопедии. Но, как видите, даже БСЭ показала и французские данные. Что касается 58 тысяч убитых и раненых (а не только убитых!), то эту цифру назвал швейцарец Александр Шмидт, который перебежал к русским, выдав себя за офицера штаба Наполеона. Когда Шмидт заявил, что в Бородинском сражении участвовал саксонский корпус Ренье, на самом деле воевавший в районе Брест — Луцк, стало понятно, что наврал с три короба, но поскольку враньё оказалось самым лестным для русской армии, его продолжают цитировать, перевирая дальше.

Вот и на 40-й странице первых «Мифов» мы читаем, что при Бородино «убито и тяжко ранено 47 (не

43, как пишут иногда, а 47) лучших его генералов», а на 50-й уже «почти 50 (!) генералов наполеоновской армии погибло при Бородино». На самом деле в тот день погибло 8 вражеских генералов, но профессор разницы между мёртвым и раненым даже в очках не видит. Иной раз кажется, что до него дойдёт, только если сперва отрезать руку или ногу, а потом предложить оттяпать и голову.

«Трусливый» Пётр против «бестолкового» Карла

Постоянно твердя о необходимости борьбы с «чёрными мифами» о России, депутат сплошь и рядом их сам создаёт. Особенно достаётся от Мединского императору Петру I, которого он на протяжении десятков страниц обличает чужими словами, используя прежде всего работы Солоневича.

«Не замечая» у Ивана Лукьяновича неприятных абзацев о потворстве русских губернаторов эксплуатации белорусских крестьян польскими помещиками и еврейскими ростовщиками, Мединский берёт у него часто не лишённые справедливости, но сильно перехлёстывающие нападки на Петра I, дополняя их бредом фантастов типа Александра Бушкова. Помои на Петра Алексеевича выливаются целыми цистернами, но ввиду глубокого невежества автора он сам в них и проваливается. Лучше всего это заметно в страшной сказке, как зловредный царь... уничтожил русский флот!

«С XV века существует очень неплохой рыболовный и торговый флот поморов, который базируется в Холмогорах и в Архангельске. Кочи — российские суда полностью отвечали всем требованиям, кото-

рые предъявлялись в Европе к океанскому кораблю: с килем, палубой, фальшбортом, двумя мачтами, системой парусов. Эти суда могли выходить в открытый океан. Размерами кочи были ничуть не меньше каравелл, на которых Колумб открывал Америку, и уж точно больше судёнышек Северной Европы — построенных в Швеции, Норвегии, Шотландии, Англии.

О качествах коча говорит хотя бы то, что на этих судах поморы регулярно ходили к архипелагу, который норвежцы называли Шпицбергенем и Свальбардом. У русских для этого архипелага, лежащего на 75—77 градусах северной широты, было своё название: Грумант. Плыли к нему около 2000 километров от Архангельска, из них 1000 километров по открытому океану, вдали от берега. «Ходить на Грумант» у холмогорских моряков было занятием почётным, но достаточно обычным.

Кочи были почти идеальными судами для мореплавания, рыболовства, добычи морского зверя в северных водах... Их корпус был устроен не так, как у судов, ходивших в вечно незамерзающих морях: обводы судна в поперечном разрезе напоминали бочку. Форма изгиба рассчитывалась так, что если судно затирало льды, то эти же льды, стискивая борта судна, приподнимали его, выталкивали наверх. Течение продолжало толкать лед, льдины продолжали теснить и толкать друг друга, но судну это уже не было опасно.

Таким образом были рассчитаны обводы полярного судна «Фрам» («Вперёд»), построенного по проекту Фритьофа Нансена. Нансен использовал национальный, норвежский вариант «северной каракки». Его расчет оправдался. «Фрам» в полярную зиму затерли льды, корпус его поднялся почти на полтора метра, и

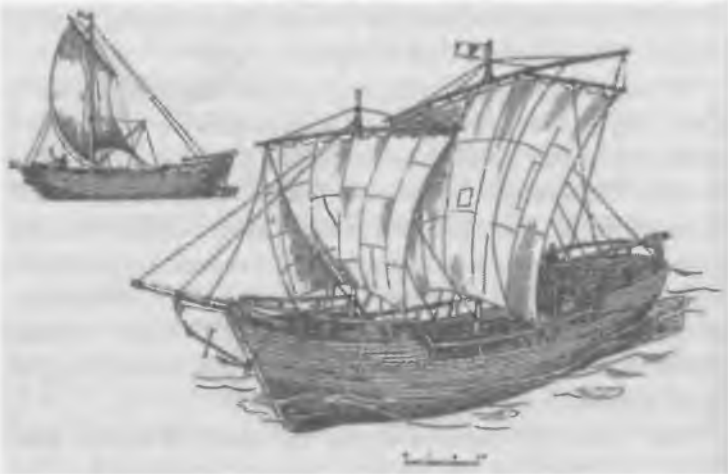
как ни бесновался лед, он не смог раздавить корпус судна. Наши кочи были ничуть не хуже.

А каспийский бус, плававший по Волге и Каспию, был огромным судном с водоизмещением до 2 тысяч тонн и длиной по палубе до 60 метров. По классификации Ллойда, это «галеон». Но ни один средиземноморский бус или галеон никогда не строился больше 600—800 тонн водоизмещением. Галеоны, на которых испанцы вывозили богатства Америки в Испанию, имели водоизмещение от 800 до 1 800 тонн. Только немногие из них достигали размеров не самого крупного каспийского буса.

Ни одна из каравелл, на которых Колумб доплыл до Америки, не имела водоизмещения больше 270 тонн. Водоизмещение большинства торговых кораблей Голландии и Англии, в том числе ходивших в Индию, в Америку, на остров Ява, не превышало 300—500 тонн. Коч, с его водоизмещением до 500 тонн, ничем не отличался от европейских кораблей по размерам. Каспийский бус — значительно больше.

Кочи строили в Холмогорах и в других городках по Северной Двине. Каспийские бусы строили в нескольких местах по Волге и по Оке. России XVII века совершенно не были нужны никакие иностранные инструкторы, никакие мастера из Голландии, чтобы строить корабли.

Но во время своей поездки на север Пётр в 1691 году обнаружил «ужасную» вещь: дикари из Холмогор делали «неправильные» обводы судна! Не такие, как в Голландии! То ли Пётр не слушал никаких объяснений, то ли никто не решился объяснить Петру, что так и нужно строить корабли для плаваний по ледовитым морям. Ведь голландский флот севернее Эдинбурга и Осло никогда не забирался. Он никогда не смог бы

Поморские кочи. Согласно Мединскому именно на этих судёнышках русским морякам следовало биться с кораблями шведского флота, типа 52-пушечного линкора «Вахтмейстер», захваченного 24 мая 1719 года в бою у острова Эзель

плавать в таких широтах и в такой ледовой обстановке, как кочи.

Специальным указом Пётр повелел прекратить строительство всех «неправильных» кораблей и строить взамен только «правильные», с такими же обводами корпуса, как в Голландии. А каспийский флот?! Там тоже неправильные обводы судов! Сломать! Но может быть, иноземцы были необходимы, чтобы научить русских водить корабли в открытом море? Нет, не было такой необходимости» («Мифы о России-1». Стр. 173—176).

Всё это не более чем незамутнённый депутатский бред! В подробнейших работах М.И. Белова «Арктические плавания и устройство русских морских судов в XVII веке» и Е.В. Вершинина «Дощаник и коч в Западной Сибири (XVII в.)» тема разобрана досконально с опорой на первоисточники, и водоизмещение

Но русские моряки были умнее думских болтунов и захватили «Вахтмейстер», атаковав его не на рыбацких скорлупках, а на таких же 52 пушечных линейных кораблях «Ягудиил» и «Рафаил» (картина Людвига Рихарда)

даже самых крупных двухмачтовых кочей исчислено в несколько десятков тонн. Их действительно можно сравнить с малыми каравеллами Колумба, но его флагман — 220-тонная каракка «Санта-Мария» много крупнее. Да и вообще сравнивать мелкие промысловые суда с боевыми кораблями, несущими многочисленную артиллерию, столь же нелепо, как предлагать перевооружить российский военный флот рыбацкими сейнерами.

Каспийские бусы подробно описаны в работе главы голландской Ост-Индской компании и мэра Амстердама Николааса Витсена «Старинное и современное судостроение и судовождение», опубликованной в 1700 году. Каспийские бусы в них упоминаются как чисто грузовые суда, водоизмещением 30—40 ластов (считая один ласт за 1920 килограммов — 57,6—76,8 тонны). То есть это маленькие торговые корабли, которые мо-

гут в лучшем случае отбиться от струга какого-нибудь из мелких подельников Стеньки Разина. Впрочем, одно судно, по водоизмещению сравнимое с гигантами Мединского, у Витсена упоминается как 1300-ластовый монстр, именуемый насадом. Посудина водоизмещением без малого 2496 тонн — это и вправду очень много. Однако из дальнейшего описания следует, что речь идёт о речном судне, с трудом ходящем против течения и предназначенном исключительно для перевозки соли из Нижнего Новгорода в Астрахань, да и той бравшем всего 100 тонн. Такая грузоподъёмность соответствует водоизмещению, только если предположить, что господин Витсен случайно приписал к количеству ластов лишний нолик.

В изданной в 1859 году работе П. А. Богославского «О купеческом судостроении в России, речном и прибрежном» грузоподъёмность кочей оценивается в 700 пудов (11,2 тонны), а самого большого каспийского буса — в 6000 пудов (96 тонн), причём подчёркивается его крайняя неустойчивость. Морская баталия с участием таких каракатиц может увенчаться успехом разве что в случае скоропостижной смерти неприятеля от смеха.

Кстати, может быть, профессор назовёт нам эти сражения? Не сомневайтесь: таки уже назвал!

«Один из первых русских генералов, Григорий Иванович Касогов, в 1674 году руководил постройкой флота под Воронежем и его действиями в Черном и Азовском морях. В 1672 году он берёт штурмом Азов, открывая дорогу к морю. И начинает строить флот, привлекая русских мастеров, создателей каспийских бусов...

Ещё за полвека до Петра и его балтийского флота Григорий Иванович Касогов должен был перебросить свои войска по рекам до Азовского моря, по узостям

мелкого Азовского моря и по прибрежным частям Черного. Флот Касогова, эскадра в 60 вымпелов, эти задачи выполнил великолепно. Он перевёз войска под Азов, а после взятия Азова построил новые суда и нанёс удары по турецким и татарским крепостям на побережье Крыма.

Что же получается? При Петре по его прямому указу бросают гнить, а то и просто ломают прекрасные корабли, которым плавать и плавать, уничтожают два превосходных флота. Из сырого леса, наскоро, стали строить другие, — под руководством иноземных специалистов. Но когда построили новые суда, то оказалось, что мореходными качествами прежних кочей они вовсе не обладали. Россия, русское Поморье навсегда потеряли свой приоритет в северных морях, своё «ноу-хау», позволявшее им уверенно конкурировать с любыми иноземцами на Севере. А флот каспийских бусов так и не восстановили — иностранцы попросту не умели строить такие большие и надёжные суда: («Мифы о России-1». Стр. 176—178).

Жаль огорчать профессора: но Григорий Касогов хоть и осаждал Азов, однако так его и не взял и, следовательно, никакой дороги к морю не открыл. А самой крупной морской, то есть речной, победой русского флота стал разгром флотилии Астраханского ханст-

Русский император Пётр I. В битве под Полтавой одна шведская пуля пробила его шляпу, вторая попала в седло, третья расплущилась об крест на груди. Мединский счёл поведение Петра трусливым

ва в 1554 году, за которой последовало присоединение ханства к России. Отдельные шведские корабли захватывать тоже приходилось, но Азов таки взял именно нелюбимый Мединским Пётр Алексеевич, да и победы над регулярными эскадрами шведов имели место именно в его царствование. В трёх наиболее известных сражениях — Гангутском, Эзельском и Гренгамском русские, потеряв всего 2 галеры, захватили 1 линейный корабль, 5 фрегатов, 1 прам, 6 галер, 1 бригантину и 3 шхербота.

Анализируя первоисточники Гангутского сражения, один из крупнейших петербургских специалистов по Петровской эпохе, доктор исторических наук Павел Кротов наглядно доказал, что все последние столетия мы изучали битву по шведской версии. Хрестоматийная история с двумя неудачными атаками русских галер на центр шведской эскадры, их отступлением с большими потерями и победой лишь в третьей атаке с флангов обернулась утешительной сказочкой побеждённых, почему-то перекочевавшей в учебники победителей. На самом деле Пётр обрушился на стоящего в Рилакс-фьорде противника с флангов и лишь после их подавления атаковал стоящий в центре прам «Элефант», дополнив атаку обходом шведов с тыла. В итоге победа была одержана с небольшими потерями — русские в Рилакс-фьорде потеряли 127 человек убитыми и 341 ранеными, а шведы — 10 кораблей, 361 убитым и 580 пленными (в том числе 350 ранеными). Ничего подобного этой победе полувоенные и капёрские суда московских царей в боях с европейцами не одерживали.

Хронически не переваривая Петра, профессор пытается максимально принизить даже его победу под Полтавой 27 июня 1709 года. «Пётр так боялся Карла XII, что, имея подавляющее преимущество нака-

нуне Полтавской битвы, не решился сам атаковать шведов и был так обрадован лёгкостью победы, что забыл отдать приказ преследовать Карла» («Мифы о России-1». Стр. 74). «Оборонялся даже тогда, когда мог в принципе атаковать. Тактика достаточно трусливая, но тем не менее эффективная. Собственно он «развёл» Карла на смелую и бессмысленную атаку» (там же. Стр. 118).

Если посмотреть на дело со стороны человека, знающего о существовании исследования шведского историка Петера Энглунда «Полтава. Гибель одной армии», то очевидно, что кто-то из мединских ниггеров, то бишь консультантов, её в руках держал, как и школьный учебник по русской истории. Но, по доброй традиции трудового коллектива «Мифов», увидел там лишь комбинацию из трёх пальцев.

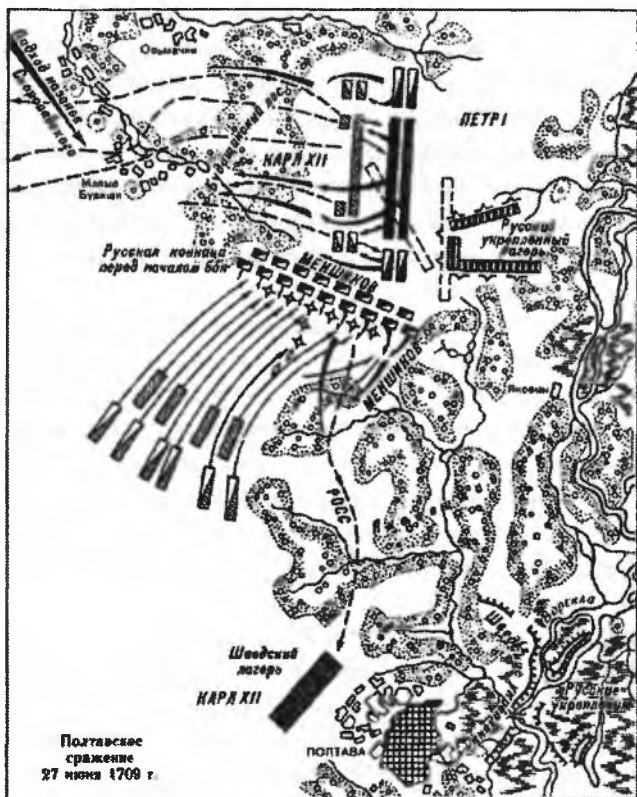
Само собой, приказ о преследовании Петром был отдан через несколько часов после окончания сражения. О результатах его профессор умалчивает, поскольку не любит не только Петра, но и организовавшего преследование Александра Меншикова. Между тем 9-тысячный отряд Александра Даниловича уже 30 июня вынудил сдаться у Переволочны почти всю уцелевшую шведскую армию — 13 558 солдат с 31 орудием, не считая нестроевых и украинских казаков. «Трусливая» тактика Петра, на которую смотрит свысока не воевавший ни с кем, кроме компьютерных монстриков, Мединский, позволила не просто победить, а добиться победы малой кровью. Перебив и взяв в плен около 25 тысяч солдат противника (с казаками будет и все 30 тысяч), русские потеряли 1345 человек убитыми и 3290 ранеными. Даже с учётом смерти части раненых соотношение безвозвратных потерь более чем 10 к 1.

Такого успеха в битве с регулярной европейской армией нового времени Россия не знала ещё никогда, и достигнута она именно благодаря грамотной оборонительной тактике и оригинальной системе полевой фортификации, с группой редутов в форме буквы «Т», выдвинутой вертикальной чертой к противнику и подкреплённой усиленным артиллерией валом вокруг лагеря. Подобный строй рассекает атакующие порядки противника, ставя их под перекрёстный огонь, и я даже не очень удивился, увидев похожий боевой порядок в рекомендациях по действиям в обороне американской пехотной роты.

Профессору бы призвать глубже изучать столь замечательную баталию и порадоваться за то, что военачальники зазря солдат не клали, а он на протяжении десятков страниц обличает Петра как сущего изверга, казнящего, пытающего и не жалеющего подданных, за оборонительную тактику выставляет его трусом! (Ну словил царь за один бой — три вражеские пули в шляпу, седло и нательный крест — фигня же по сравнению с некоторыми депутатами, которых гоблины в компьютере уже сто раз на куски рубили!) Видимо, в следующих творениях мы узнаем от Мединского о Жукове и Рокоссовском, трясущихся от страха на Курской дуге. А чего? Они же, имея куда больше бойцов, орудий и танков, чем немцы, тоже выбрали оборону.

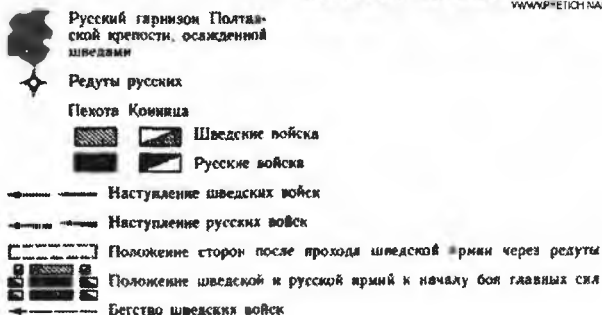
Чтобы ещё больше принизить победу русских, Мединский выставляет болваном вражеского главнокомандующего:

«Битва проходила отнюдь не в чистом поле, а на местности весьма пересечённой — овраги, леса, пригорки. На довольно обширной территории. Треть шведской пехоты вообще не дошла до русских редутов. Шведы пошли куда-то не туда и попросту заблу-

Полтавское сражение
27 июня 1709 г.

WWW.HETICH.NAROD.RU

Созданные Петром I полевые укрепления под Полтавой позволили победить шведов малой кровью

дились в лесах и болотах. Кстати, удивительно, почему у нас об этом не пишут: подобная безалаберность объективно играет нам на руку, развеивая миф о гениальном полководце Карле XII. Хотя если посмотреть на дело с другой стороны, Петру было приятнее победить сильного соперника, а не бестолкового раненого, бледного юношу, который по ходу битвы умудрился где-то в оврагах потерять треть своего войска» («Мифы о России-1». Стр. 118).

Доселе не знавший поражений Карл XII действовал не так глупо, как представляется благополучно избежавшим службы в армии международникам. В условиях значительного преимущества русской армии в численности и артиллерии, после разгрома спешившего на соединение с главными силами корпуса Левенгаупта и польско-шведского корпуса на Киевском направлении, ночная атака с холодным оружием была наилучшим выходом.

Однако со связью тогда было плохо, и лишённые айфонов отсталые шведы реально заплутали на пересечённой местности и смогли установить связь между отдельными колоннами лишь с рассветом. После этого никто уже не блуждал, но шквальный огонь с редутов и постоянные атаки русской кавалерии срабатывали, как надо. Наступавшие были дезорганизованы, и отряд генерала Росса (почти треть шведской пехоты и шестая часть всей армии, наполовину состоявшей из кавалерии), вместо того чтобы прорваться между редутами, истёк кровью под стенами одного из них. Пётр мгновенно сориентировался, отрезал и уничтожил батальоны Росса, а затем, отразив последнюю, на этот раз и вправду почти самоубийственную атаку Карла, стёр его армию с лица земли.

...Тыкать профессорский нос в прочие «разоблачения» Петра будет слишком скучно, а вот о причинах

раскрутки именно самых чёрных легенд о нём предположить можно. Хоть автор постоянно и заявляет, что в борьбе с коррупцией царь проиграл, многих казнокрадов и взяточников при нём даже прикончили. И можно легко предположить, что сделали бы царские палачи с некоторыми сопартийцами гражданина Мединского.

Андрей Раев

О долготерпении, рабской покорности и загадочной русской душе

Я не могу отнести себя к политическим противникам Владимира Мединского. Более того, его стремление развенчивать мифы о воровстве, долготерпении, покорности, загадочной русской душе мне симпатичны. Но, увы, размах у Мединского такой, что вместе с грязной водой он выплескивает и ребёнка, причём раз за разом. Мифам нет места там, где всё можно объяснить рациональными причинами. А вот их-то как раз и не хватает.

Есть ли загадка у русской души?

Мединский правильно указывает, что о загадочной русской душе, например, заговорили в 1812 году в Пруссии, после того как в России погибла Великая армия Наполеона. 450-тысячная армия под предводительством величайшего полководца вторгается в Россию 23 июня. Разве эта армия не обречена на победу над русскими, которые выставляют армию, втрое меньшую? Наполеон и в меньшинстве-то всё время побеждал, а нередко и громил противников. А тут тройное превосходство. Ввиду этого превосходства русские совершенно рационально начинают отступать в глубь страны. А Наполеон, вовсе не будучи авантюристом, вынужденно оставляет гарнизоны

вдоль всего пути следования для защиты коммуникаций и снабжения армии. Когда наконец происходит генеральное сражение (Бородинская битва), численности армий почти равны: 130—135 тысяч у Наполеона и 110—130 тысяч у русских (в зависимости от того, как считать необученное и плохо вооружённое народное ополчение). Обе стороны сражаются героически, но французы выигрывают битву. И здесь всё ещё нет ничего загадочного. Понеся большие потери, русские отказываются от идеи дать ещё одно сражение и 14 сентября оставляют Москву. В тот же день наполеоновская армия вступает в Москву, покинутую жителями. И вот здесь — стоп. Жители-то почему Москву покинули? Ведь все были уверены, что её будут оборонять. Решение оставить Москву без боя было принято только накануне, 13 сентября. Значит, за 1 сутки, бросив всё нажитое добро, которое не было времени уже вывозить, жители ушли. Куда? Где и кто их ждал? Чем они питаться собирались? Наполеон ведь не сдуру ждал депутацию бояр и ключи от города. Так всегда было в Европе, приносили ключи, просили не грабить. А здесь не случилось. Жители Москвы сказали Наполеону «нет» раньше, чем это сделал Александр I. И с этого момента всё пошло наперекосяк. Армия одурела малость. Не то чтобы она так любила грабить. Но тут грабить не надо было. Дома, дворцы стояли пустыми. Подходи — бери, кто первый, тот и прав. И ещё как было, что брать, вот и брали. И прохлопали московский пожар. Неважно, кто и что там поджигал. Стотысячная армия в состоянии противостоять любым поджогам, если она занята именно этим, а не поиском трофеев. 4 дня Москва горела. Потом месяц Наполеон безуспешно пытался вступить в переговоры с Александром I. Не получилось. И 19 октября французская армия оставляет Мо-

скву по Старой Калужской дороге. Встретив армию Кутузова, французы переходят на Новую Калужскую дорогу, и 24 октября авангарды армий сталкиваются в Малоярославце. По мере того как подходят основные силы, город несколько раз переходит из рук в руки и в итоге остаётся за французами. Но 26 октября, не принимая нового сражения, французская армия уходит на разорённую Смоленскую дорогу. Теперь вопрос. Наполеон ещё не проиграл ни одного сражения русским. Он что, с его-то опытом, не смог оценить, что ждёт его армию на разорённой дороге? Слова Наполеона — *«Мы и так довольно совершили для славы. Теперь подходящее время перестать думать о чём-либо, кроме как о спасении оставшейся армии»* — трудно понимать иначе, как уверенность в том, что возможно нормальное отступление. Действительно, а почему Наполеон должен был считать Смоленскую дорогу «разорённой»? В мае и июне, когда сеяли и пахали, Наполеона там ещё не было. А в июле — августе, когда он шёл по Смоленской дороге, старый урожай был почти съеден, а новый вызревал в полях. И в октябре этот новый урожай должен был Наполеона дожидаться в закромах. Должен был. Но не дождался. И на Калужской дороге было бы то же самое, что на Смоленской. Вообще-то, расстояние от Смоленской дороги до Калужской (хоть старой, хоть новой) неизмеримо меньше, чем расстояние от Москвы до Вильно. И если бы Наполеон двигался по Центральной Европе, у него не возникло бы проблем. А он движется по крестьянской стране, и у него абсолютно нет лошадей, нет фуража, нет еды. А у крестьян-то чего не взять? А потому, что нет этих крестьян. Как за века до этого, они забрали с собой всё, что можно забрать, и ушли в глухие леса. Там, на засеках, стоят их партизанские отряды. И выкуривать их оттуда невероятно сложно.

У Наполеона на это просто не было времени. А ведь он оставил по всей дороге гарнизоны, численностью почти 300 тысяч человек. Так и они ничего сделать не смогли. К такому поведению русских крестьян французы были абсолютно не готовы. В Смоленске Наполеон приказал расстрелять французского интенданта Сиоффа, который, столкнувшись с сопротивлением крестьян, не сумел организовать сбор продовольствия. И когда Пушкин пишет:

Гроза двенадцатого года
Настала — кто тут нам помог?
Ожесточение народа,
Барклай, зима иль русский Бог? —

у него на первом месте идёт «ожесточение народа». Доблесть армии не упоминается, но подразумевается. И подразумевается, что её было для победы недостаточно. И тут перед нами небольшой выбор. Если поведение жителей Москвы и русских крестьян мы признаем рациональным, то нужно признать нерациональным поведение жителей городов и крестьян всей Центральной Европы. А если нет, то приходится признать существование «загадочной русской души». Что тогда, в 1812—1815 годах, сделали в Европе все, а вовсе не только пруссаки. Действительно, если ты не можешь объяснить, почему в общеевропейской войне (Наполеоновских войнах) одни побеждают, а другие проигрывают, то что ты вообще можешь объяснить, и кому нужны твои объяснения? И если рациональных объяснений не хватает, то не лучше ли признать существование загадки и принять её как факт? Чтобы потом локти кусать не пришлось? Пройдёт 40 лет, и англо-французская армия, взяв Севастополь, даже и не попытается двинуться в глубь России. («Ходил тут уже один. Знаем мы, чем он кончил».)

Но вот почти век прошёл, появился Гитлер. Он считал арийскую душу загадочной, а не русскую. А русскую душу он «видел насквозь». Поскольку в 30-х годах была коллективизация, за что крестьяне, естественно, благодарны не были, и голод, благодарности за который не бывает, непрочным должно быть такое государство. А люди всей душой должны были мечтать сменить его на любое другое. Поэтому планировал он разгромить армию в приграничных сражениях, после чего СССР — колосс на глиняных ногах — рассыплется. Защищать его никто не станет. Конечно, обстановка была в 1941 году несколько иной, чем в 1812-м. Вот Бешанов в книге «Танковый погром 1941 года» отмечает, что по количеству танков (25 тысяч) СССР превосходил фашистскую Германию более чем в 6 раз. И качество их было хорошим. И даже самых современных КВ-1 и Т-34 было больше, чем у фашистов современных Т-3 и Т-4. Да только из этих 25 тысяч реально едва ли половина была на ходу, а ещё их надо было уметь использовать. И вот уже в конце сентября 1941 года Вермахт перед наступлением на Москву имеет превосходство во всех видах техники над Красной Армией. То есть сгорели и танки и самолёты. Сотни тысяч солдат погибли, а миллионы сдались в плен. Т.е. правительство продемонстрировало немощь полную. Вот тут-то бы и восстать угнетённому народу. Ан нет, как раз тут-то армия начинает стоять насмерть. И мобилизуемые всё новые, новые, новые армии затыкают прорывы во фронте пушечным мясом, если больше нечем. В 1917 году в Петербурге случились 3-дневные перебои с хлебом, и тут же произошла Февральская революция. В 1941 году Ленинград (Петербург), оказавшись в блокаде, умирает от голода молча. Из 3,2 млн жителей в июне 1941-го к декабрю 1945 года

в Ленинграде останется 1,4 млн человек. И никаких волнений не будет.

Я подчёркиваю, я не собираюсь здесь разбирать многочисленные промахи Сталина со товарищи, распутицу, мороз или промахи гитлеровских генералов. Речь не о том, почему последние не взяли Москву, Ленинград или Сталинград. Речь о том, почему народ, все промахи видевший, предпочёл смерть отступлению и плену. Вермахт не дошёл 1 км до Ленинграда, 16 км до Москвы, несколько сот метров до последних зданий Сталинграда и 4 км до перевалов Кавказа. Если у Мединского или ещё кого-то есть рациональные объяснения этой фатальной неспособности Вермахта сделать последний шаг, пусть их предъявит. Я же опять вынужден признать существование «загадочной русской души». Собственно, это же сделал и сам Сталин в своём знаменитом послевоенном тосте «за русский народ». И пусть кто-то загадочно молчит, а другой загадочно курит, это их проблемы, и не интересны они никому. Но вот если кто-то загадочно выигрывает мировые войны, первоначально попадая в безнадежную ситуацию, это интересно всем. Я совершенно согласен с Мединским, что не надо пихать загадочную русскую душу во все щели. И когда мы трясёмся по разбитым дорогам Подмосковья, не стоит утешаться тем, что эти же дороги когда-то помешали Гитлеру и Наполеону. Не дороги им помешали, и из нашей души качество этих дорог никак не вытекает. Но когда Мединский пишет: «Нет в истории России решительно ничего, что вразнобой не встречалось бы у других народов», — это явный полемический перехлест. Не всем дано выигрывать мировые (общеевропейские) войны, находясь изначально в безнадежной ситуации. И нет второй страны, у которой это качество воспроизводилось бы в веках.

О рабской покорности

Но критиковать-то все горазды, «а работать некому». Поэтому я сделаю попытку найти истоки «рабской покорности, долготерпения и загадочной русской души». Так, чтобы там, в этих истоках, все эти качества были совершенно рациональны. И пойти мне придётся далековато, в 1571 год. Есть и более ранние истоки, но о них я написал уже в книге «Проклятие России. Разруха в головах?» и здесь не буду повторяться. В 1571 году на Руси царствовал Иван Васильевич IV Грозный. Он в 1530 году родился и уже через 3 года взошёл на трон, но царствовал поначалу, естественно, чисто формально. В 1547 году он был коронован, как первый царь всея Руси, и начал царствовать уже неформально. Деяния его были настолько многообразны и противоречивы, что проще всего представить, что первые 13 лет, до 1560 года, царствовал один человек — Иван IV Христианнейший, а с 1560 года до 1584-го — другой, Иван IV Свирепый.

Иван IV Христианнейший своих соратников попусту не резал, но занимался борьбой с внешними врагами и постепенными реформами. В 1552 году он присоединил к Руси Казанское ханство, а в 1556 году — Астраханское. При этом он проявил всепрощение и кроткий христианский нрав. Всем обещал забыть старое и звал к себе на службу. И не только обещал, но ещё и выполнял. Поэтому никаких восстаний в бывших ханствах не случилось, а на службу к нему десятки тысяч новых воинов пришло. А ещё он наделил купцов Строгановых большими землями в Приуралье. Впоследствии именно они сформируют дружину Ермака, которая покорит Сибирь. А ещё царь осуществил Земскую реформу, Губную реформу, в 1549 году созвал первый

Земский собор, в 1555—1556 годах отменил кормления и принял «Уложение о службе».

И всё при этом как-то обходилось без резни. И территорию Руси он удвоил, и реформы провёл, и книгопечатание ввёл.

Но вот в 1559 году жена его, Анастасия Романовна, заболела. Из-за московского пожара 1560 года царицу увезли в село Коломенское, где она вскоре и скончалась. Как и почему, не знаю, но Иван IV решил, что царицу опоили. Вообще-то, в те времена ещё не умели делать ядов, которые бы по несколько месяцев действовали (она умерла 7 августа). Т.е. яд надо было подмешивать ежедневно, в малых дозах, в течение длительного времени. Конечно, это невероятно сложно. Да и сам царь считал, что жену его «чародейством» извели священник Сильвестр и Адашев. За что они и были осуждены. В подобную глупость поверить невозможно, но дела это не меняет. Вместо Ивана IV Христианнейшего на Руси появился Иван IV Свирепый.

Иван IV Свирепый никаких побед не одержал, ханств и территорий не присоединил, зато казнил многих соратников и землю свою разорил до невозможности. И если Иван IV Христианнейший при военной неудаче начинал укреплять войско и строить новые города, то Иван IV Свирепый сразу начинал искать изменников и карать их. Естественно, это никому не нравилось, и люди от него стали бежать в Литву. Жить-то хочется. А тогда ведь не было ни контрольно-пропускных пунктов, ни контрольно-следовых полос. Более того, главным развлечением бояр в те времена была охота. Выезжай якобы на охоту в одно из своих имений поближе к границе и езжай куда хочешь, никто не догонит, нет ведь телеграфа. Это Иван IV Свирепый быстро осознал, не дурак ведь был. И хватать

стал уже за намерение сбежать в Литву, которое доказывалось путём признания подозреваемого на дыбе. На дыбе-то всякий признается, но этого Иван IV Свирепый не осознал. Конечно, у него были и взятия крепостей, и победы в сражениях, но поскольку он творцов этих побед при каждой неудаче норовил отправить на дыбу, то побед становилось всё меньше и меньше, пока совсем не стало. И успел он отметить к 1571 году и погромом Новгорода и других городов, и удушением патриарха. И видных опричников уже начал казнить. И вот настал 1571 год и размирье с Крымским ханством. 100-тысячная орда Девлет-Гирей вторглась на Русь. Девлет-Гирей и раньше ходил на Русь, только безуспешно. Но это был не тот случай. Стал Иван IV скликать рать. И тут русские и другие его подданные повели себя совершенно рационально, ну чисто европейцы. К хорошему царю идём охотно и по первому зову, а к тирану или вовсе не идём, или шлём рать малую. Земство немногих прислало, а любимая его опричина и вовсе прислала горькие слёзы. Набралось 6 тысяч. Куда ж с ними против 100-тысячного войска? Заперлись в Москве, а царь вовсе убежал в Ростов. А Девлет-Гирей Москву зажёг, и сгорело всё, включая Китай-город, дочиста, кроме каменного Кремля, и людей погибло тьма. А потом он, вдоволь поубивав народу и пограбив, ушёл назад, уводя огромный, 150-тысячный полон. Ну и что? Нет тут ни долготерпения, ни рабской покорности, ни загадочной русской души. НЕ ВСТАЛА ЗЕМЛЯ.

Но вот наступает следующий, 1572 год. Девлет-Гирей с не меньшим войском опять идёт на Русь. Требуется он отдать ему Астраханское и Казанское ханства. И остановить его можно только ценой максимального напряжения всех сил, ценой жизни. И возникают вопросы:

— Сколько ещё мы должны терпеть такого царя?

— И если он опять сбежал (теперь в Новгород), то почему мы должны умирать за него?

— А не запереться ли нам опять в Кремле от такой-то угрозы?

— А не отдать ли Девлет-Гирею, что он требует?

И возникают ответы, вполне рациональные:

— Скинем царя, начнётся смута, и станет земля наша лёгкой добычей захватчиков;

— Пусть царь — тиран и трус, но не ему стоять в Кафе на рынке рабов, и разорение земли нашей каждого из нас коснётся гораздо больше, чем царя;

— Ещё одно-другое такое разорение, и армию будет не собрать и не прокормить;

— Если от Девлет-Гирея сейчас не отбиться, то когда он Астрахань и Казань получит, его уже и вовсе остановить не удастся, и погибнет земля наша.

И ВСТАЛА ЗЕМЛЯ. Не от покорности и долготерпения, а потому что иначе нельзя было. Да и ведь это я так легко разделил одного человека на двоих. Это потому, что история мне известна от начала царствования Ивана IV и до конца. А современники его истории не знали, они её творили. И для них он был — покоритель Казани и Астрахани. И в этот раз на зов царя пошли. И земщина и опричнина (хоть слово вышло из моды). Экипировать воина, да ещё вооружённого огнестрельным оружием, — тяжёлое дело, тем более после недавнего разорения земли. У разных историков есть разные данные о том, сколько же собралось воинов. Кто 20 тысяч называет, а кто и 60 тысяч. Но я сошлюсь на данные журнала «Исторический архив», № 4, 1959. Согласно полковой росписи «берегового» полка князя Михаила Воротынского, русская армия имела в своём составе:

Анти-Мединский

Воеводский полк	Состав	Численность
Большой полк:	<ul style="list-style-type: none"> • Полк князя Михаила Воротынского • Полк Ивана Васильевича Шереметева • К полку приданы из украинских городов: ✓ Полк Андрея Палетцкого из Дедилова ✓ Полк князя Юрия Курлятева из Донкова ✓ Люди «митрополита и... владык» • Стрельцы Осипа Исупова и Михаила Ржевского • Наёмные казаки Юрия Булгакова и Ивана Фустова • Служилые немцы и казаки 	<ul style="list-style-type: none"> • 1840 • 1065 • 350 • 200 • 1430 • 1000 • 1000 • 1300
Всего:		8255 человек и казаки Михаила Черкашенина (казаки подсчитаны не были)
Полк Правой руки:	<ul style="list-style-type: none"> • Полк князя Никиты Романовича Одоевского • Полк Фёдора Васильевича Шереметева • Полк князя Григория Долгорукова • Стрельцы • Казаки 	<ul style="list-style-type: none"> • 1225 • 1015 • 350 • 500 • 500
Всего:		3590

Воеводский полк	Состав	Численность
Передовой полк:	<ul style="list-style-type: none"> • Полк князя Андрея Петровича Хованского • Полк князя Дмитрия Ивановича Хворостинина • Полк князя Михаила Лыкова • Смоленские, Рязанские и Епифанские стрельцы • Казаки • «Вятчане в струзах на реки» 	<ul style="list-style-type: none"> • 1095 • 2040 • 350 • 535 • 650 • 900
Всего:		4475
Сторожевой полк:	<ul style="list-style-type: none"> • Полк князя Ивана Петровича Шуйского • Полк Василия Ивановича Умного-Колычева • Полк князя Андрея Васильевича Репнина • Полк Петра Ивановича Хворостинина • Казаки 	<ul style="list-style-type: none"> • 956 • 1713 • 766 • 585 • 650
Всего:		4670
Всего:		20 034 человека и казаки Михаила Черкашенина при Большом полку

Много это или мало, 20 тысяч? Ну, в сравнении с прошлогодними 6 тысячами — очень много. Опять-таки, помнится, по Скрынникову, в начале царствования Ивана IV собирали войско 20 тысяч, в конце — 12 тысяч. Т.е. собрали в тяжёлую годину даже больше, чем ранее собирали в годы удачные. И состав я не

зря привёл. Кого там только нет, воины со всей земли собраны. Но в сравнении с войском Девлет-Гирея, которое насчитывало от 100 до 140 тысяч воинов, 20 тысяч — это немного.

И встали они на рубеже и, узнав, где идёт орда, бросились ей вослед. Состоялась великая битва при Молодах, значение которой для Руси вполне сравнимо со значением Куликовской или Бородинской битвы. И не постесняюсь я привести целиком описание битвы при Молодах из Википедии, настолько важна эта битва:

«Крымское войско изрядно растянулось, и в то время как его передовые части достигли реки Пахры, арьергард лишь подходил к селу Молоди, расположенному в 15 километрах от неё. Именно здесь он был настигнут передовым отрядом русских войск под руководством молодого опричного воеводы князя Дмитрия Хворостинина. Вспыхнул яростный бой, в результате которого крымский арьергард был практически уничтожен. Это произошло 29 июля.

После этого произошло то, на что надеялся Воротынский. Узнав о разгроме арьергарда и опасаясь за свой тыл, Девлет-Гирей развернул своё войско. К этому времени уже был развёрнут гуляй-город вблизи Молодей в удобном месте, расположенном на холме и прикрытом рекой Рожаей. Отряд Хворостинина оказался один на один со всей крымской армией, но, правильно оценив обстановку, молодой воевода не растерялся и мнимым отступлением заманил противника к гуляй-городу. Быстрым манёвром вправо уведя своих воинов в сторону, подвёл врага под убийственный артиллерийско-пищальный огонь — *«многих татар побили»*. В гуляй-городе находился большой полк под командованием самого Воротынского, а также подоспевшие казаки атамана Черкашенина. Началась

затяжная битва, к которой крымское войско было не готово. В одной из безуспешных атак на гуляй-город был убит Теребердей-мурза.

После ряда небольших стычек 31 июля Девлет-Гирей начал решающий штурм гуляй-города, но он был отбит. Его войско понесло большие потери, в том числе был взят в плен советник крымского хана Дивей-мурза. В результате крупных потерь крымцы отступили. На следующий день атаки прекратились, но положение осаждённых было критическим — в укреплении находилось огромное число раненых, кончалась вода.

2 августа Девлет-Гирей вновь послал своё войско на штурм. В тяжёлой борьбе погибли до 3 тысяч русских стрельцов, защищавших подножие холма у Рожайки, понесла серьёзные потери и русская конница, оборонявшая фланги. Но приступ был отбит — крымская конница не смогла взять укреплённую позицию. В бою был убит ногайский хан, погибли трое мурз. И тогда крымский хан принял неожиданное решение — он приказал коннице спешиться и атаковать гуляй-город в пешем строю совместно с янычарами. Лезущие крымцы и османцы устилали холм трупами, а хан бросал всё новые силы. Подступив к дощатым стенам гуляй-города, нападавшие рубили их саблями, расшатывали руками, сиюсь перелезть или повалить, «и тут много татар побили и руки поотсекли бесчисленно много». Уже под вечер, воспользовавшись тем, что враг сосредоточился на одной стороне холма и увлёкся атаками, Воротынский предпринял смелый манёвр. Дождавшись, когда главные силы крымцев и янычар втянутся в кровавую схватку за гуляй-город, он незаметно вывел большой полк из укрепления, провёл его ложиной и ударил в тыл крымцам. Одновременно, сопровождаемые мощными залпами пушек, из-за стен

гуляй-города сделали вылазку и воины Хворостинина. Не выдержав двойного удара, крымцы и турки побежали, бросая оружие, обозы и имущество. Потери были огромны — погибли все семь тысяч янычар, большинство крымских мурз, а также сын, внук и зять самого Девлет-Гирея. Множество высших крымских сановников попало в плен.

Во время преследования пеших крымцев до переправы через Оку было перебито большинство бежавших, а также ещё один 5-тысячный крымский арьергард, оставленный на охрану переправы. В Крым возвратилось не более 10 тысяч воинов».

А через 10 месяцев после сражения командовавший армией воевода Михаил Иванович Воротынский умер после пыток по ложному доносу. Некоторые пишут, Иван Васильевич Грозный лично подбрасывал ему угли. Неважно, правда ли это. Важно, что правдой это считали современники событий.

Есть здесь «долготерпение и рабская покорность»? Есть, хотя прилагательное «рабская» употреблено только затем, чтоб оскорбить нас посильнее. Он их резал, а они терпели и жизни своей для него не щадили. Только для него ли? Вот сколько я видел военных фотографий, но ни на одном танке надпись «За Сталина!» увидеть не довелось. Зато в послевоенных кино или на картинах эта надпись возникает тут же. Воины умирают не за Ивана Грозного и не за Сталина, не за имение Аракчеева и не за яхту Абрамовича, воины умирают за Родину. А те, которые этого не понимают, вообще никогда и ни за что умирать не будут. Поскольку нет безгрешных руководителей, и всегда есть те, кто тебя богаче. А те, кто понимал, сделали единственно правильный выбор между Иваном Грозным и Девлет-Гиреем, между Сталиным и Гитлером. Тяжек наш путь, но другого нет.

Замечу, что, занимаясь поисками истоков «загадочной русской души», я сделал невероятно сильное допущение. После битвы при Молодях набеги на внутренние области России прекратились. И мне пришлось допустить, что набеги в народной памяти сохранились на 240 лет, с 1572-го до 1812 г., поскольку в указанный период москвичи, подмосковные крестьяне и крестьяне вдоль Смоленской дороги столкнуться с ними не могли. 12 поколений, между прочим. А потом эта память вновь ожила ещё через 139 лет, в 1941 г. Но других внятных объяснений я ещё не встречал. Да и моё объяснение — не слишком радостное. Кто-то лучше всех обогащается, кто-то танцует, кто-то сказки пишет, а мы умираем лучше всех в тяжёлую годину. Тот ещё подарочек, но да другого не дано, видно. И в обыденной жизни «загадочная русская душа, терпение и покорность» не прибавляют нам ничего.

**Наша элита покорна лишь в суровую годину.
Зато злопамятна**

Однако про покорность хочется сказать ещё пару слов. Между 1572 и 1604 годами прошло 32 года, между 1937 и 1991 годами — 54 года. И в обоих случаях российское государство практически разрушилось из-за массовой измены элиты. Т.е. массовая резня своих через 2—3 поколения неминуемо приводит к гибели государства. Пока сохраняется смертельная внешняя угроза, элита покорна, а когда угроза исчезает — извините, не пора ли свести счёты? Конечно, 2 случая — это не статистика. Но это — 100% случаев, ведь только 2 случая массовой резни своих было в истории России. Измена элиты, конечно, была весьма завуалирована. Просто, имея спорный выбор, элита всегда

выбирала тот путь, который ведёт к ослаблению государства. Борис Годунов, конечно, царь, но вот при нём летом снег идёт, да и власть он в центр собирает. Не режет, а ну как начнёт? Кто его остановит? Не поискать ли другого царя, истинного? Ах, истинным царём (Лжедмитрием I) из пушки выстрелили? Теперь царь — Шуйский? Так вот теперь ещё один Дмитрий объявился. Может, он получше будет, может, лучше ему служить? И служили. А некоторые просто бежали из Москвы в Тушино, от Шуйского к Лжедмитрию II. А были ещё Лжедмитрии третий и четвёртый, но дело не в них, а в том, что всё время находились служилые люди, готовые им служить. И бежали они от одного хозяина к другому, оправдываясь тем, что истинного царя ищут. Так же и в 1980-х номенклатура сначала держит в должности Генсека тяжелобольных, умирающих людей (Брежнев, Андропов, Черненко), потом выдвигает самого демократичного, Горбачева. А потом уж решает поставить на ещё более демократичного, на Ельцина. А кто не согласен, изолируется или оказывается вдруг без власти, как оказался без власти ГКЧП. Тут любители теории заговора могут отдыхать. Элита не собирает съездов, не формулирует требований, не выдвигает своих кандидатов на престол. Она просто не делает того, что должна. А государство без поддержки элиты обречено. Это можно назвать — «кризис доверия к власти».

Причины Смутного времени, конечно, можно искать и другие. Например, по некоторым предположениям, извержение вулкана Уайнапутина в Перу 19 февраля 1600 года привело к вулканической зиме и голоду 1601—1603 годов. Вот только вулканическая зима случилась во всей Европе, а Смутное время — только в России, да и то голод уж кончился к 1604 году. А в 1991 году в СССР случился экономический

кризис. Да вот только Великая Депрессия 1929 года была страшнее, а ни одно государство при этом не разрушилось. Неважно, как называется элита, служилыми людьми или номенклатурой. Неважно, кто у власти, талантливый организатор Борис Годунов или «мечтатель» Горбачёв. Неважно, как называется могильщик, Лжедмитрий I или «либеральная революция». Лжедмитрием через год выстрелили из пушки, а «либеральную революцию» можно было одним батальоном подавить. Элита сведёт свои счёты с государством, где любого её представителя можно зарезать ни за что ни про что. Вот такая у неё покорность, и такое долготерпение.

Конечно, я понимаю, что у меня возникнет огромное количество оппонентов, которые будут утверждать, что в 1991—2000 годах у нас было не Смутное время, а либеральные реформы. Но согласиться с таким мнением я не могу. Просто, как в 1604—1612 годах Смутное время было замаскировано под поиски «правильного» царя, так и в 1991—1999 годах оно было замаскировано под либеральные реформы. Либеральную реформу в 1948 году в послевоенной Западной Германии с блеском провели Эрхард и Аденауэр. В ситуации, очень сходной с Россией 1991 года. Через 2 месяца была достигнута финансовая стабилизация, наполнились пустые до этого полки магазинов. Через 2 года реформ производство достигло довоенного, а ещё через 6 лет превзошло его в 2 раза. Это разительный контраст с реформой Гайдара—Ельцина. Начнём с того, почему для проведения реформы был выбран Гайдар? Центром либерального свободомыслия в СССР был журнал ЭКО («Экономика и организация промышленного производства»), издававшийся в Новосибирске. Вокруг него группировались либералы, начиная от знаменитой Т.И.Заславской. Клубы дру-

зей ЭКО существовали по всей стране. Я сам когда-то входил в питерский ЭКО-клуб. А ещё была команда Явлинского с их программой «500 дней», команда Нита с программой Нита. Но никто не пригодился. А реформу поручили никому не известному заведующему отделом журнала «Коммунист», Гайдару, который так и не удосужился написать хоть какую-то программу. Гайдар просто сказал то, что все хотели услышать: «Всем даём полную свободу». И обещал, что через 3 месяца свободы всем станет легче. Через 20 лет Юлия Латынина в эфире «Эха Москвы» скажет примерно следующее: «Для реформы требуется хотя бы финансовая стабилизация и реформа правоохранительной системы. А цены освободить — это не реформа. Туркменбаши цены освободил!» Да, Гайдар ликвидировал Госплан, Госснаб и Госкомцен и освободил цены. Это была вынужденная мера. Либерал Эрхард тоже освободил цены, но при этом установил ценовые ориентиры на все основные продукты и жёстко разбирался с теми, кто от них отклонялся слишком сильно. Гайдару это не потребовалось. Либерал Эрхард ввёл новую валюту — дойчемарку, причём за несколько дней. Над Гайдаром висела угроза сброса ничем не обеспеченных рублей из всех отделившихся государств СНГ. Но новой валюты он не ввёл. В мемуарах пишет, что трудно было. Ещё бы. Когда человек, который до этого только статьи писал, оказывается во главе государства, ему всё будет невероятно трудно. Был ещё «денежный навес», т.е. масса денег, не обеспеченных никакими товарами. Чтобы его ликвидировать, либерал Эрхард обменял старые рейхсмарки, лежавшие в банках, на дойчемарки по курсу 1:10. Гайдар задачу ликвидации «денежного навеса» возложил на инфляцию. Какая ж тут финансовая стабилизация? Возможно, и эта ошибка была ещё не фа-

тальной. Но Гайдар провёл немедленную валютную либерализацию и либерализацию внешней торговли. Так сказать, вчера ещё мы наших собачек на поводках водили и даже лаять им не позволяли, а сегодня открыли ворота и запустили к ним волков из леса. Перед Эрхардом в 1948 году проблема низкой конкурентоспособности промышленности и с/х не стояла, а перед Гайдаром в 1991 году ещё как стояла. Но он её проигнорировал. При либерализации цен тяжёлая промышленность первоначально проигрывает, зато сельское хозяйство и лёгкая промышленность выигрывают. После либерализации внешней торговли проиграли все, кроме нефтегазовой отрасли. Т.е. союзников у реформ почти не осталось, как не осталось и шансов на финансовую стабилизацию. В результате индекс инфляции составил 2000% в 1992 году и 10150% в 1993-м.

В любом учебнике по либеральной экономике можно прочитать, что она возможна только в условиях правового государства. Т.е. должны соблюдаться права граждан. Всеми, а не только государством. В условиях либеральной реформы функции правоохранительной системы меняются очень сильно. Если до реформы она в основном следила, чтобы граждане не обижали государство, то теперь ей надо следить, чтобы граждане не обижали друг друга. Но в 1992—1993 годах правоохранительная система в России была почти разрушена. Огромную власть обрёл криминал. Да и прочие граждане никакой сознательности в условиях гиперинфляции и обнищания населения не проявили. Ведь если человек пользуется бесплатными системами здравоохранения и образования (и хочет пользоваться дальше), а потом получает зарплату в конверте, то он нарушает права других людей, как и обычный вор. И никого это положение особен-

но не волновало. Не слышно было криков, что либерализм и криминал несовместимы. Наоборот, масло в огонь подливали. В 1992 году Гайдар в дополнение к прежним налогам ввел дополнительный 26%-ный НДС (налог на добавленную стоимость). После этого выплата налогов в России стала невозможной, и вся промышленность ушла в тень. Тот, кто пожелал остаться честным, просто обанкротился. Ну и довершила всё приватизация «по Шарикову» — всё взять и поделить поровну. Делить поровну можно землю в условиях дикого запада США в XIX веке. А предприятие поровну не делится. Но Ленин в 1917 году решил, что поделим. В работе «Государство и революция» он так и писал, что всё национализируем, а управлять этой собственностью легко смогут рабочие, знающие 4 действия арифметики. Однако уже через 2 года его точка зрения изменилась на обратную. В работе «Очередные задачи Советской власти» он пишет, что для управления собственностью нужны учёт и контроль, учёт и контроль. И управлять без них невозможно, а у нас их нет и они не предвидятся, значит, будем платить большие деньги буржуазным специалистам, и рабочие нас поймут. А при ваучерной приватизации 1993 года каждому человеку выдавали бумажки, за которыми стояла якобы собственность, но ни малейших возможностей учёта и контроля за этими бумажками не стояло. Поэтому люди в большинстве своём никакой собственности не получили, а просто отнесли бумажки в ЧИФы, где они и «сгорели». Это имеет отношение к либерализму? Ни малейшего. Это имеет прямое отношение к мощному стимулированию мошенничества. А если бы приватизация проводилась в соответствии с законами либерализма? Тогда мелкая собственность была бы продана (заодно и ликвидирован «денежный навес»), а крупная была бы привати-

зирована в пользу тех, у кого есть возможность учёта и контроля, т.е. в пользу менеджмента (а прочие получили бы компенсацию). Кстати, то же самое случилось бы, если бы 1991—1999 годы были бы следствием заговора номенклатуры. Правда, Сванидзе недавно и залоговые аукционы 1995 года, на которых поделили самые лакомые куски собственности, объявил следствием заговора номенклатуры. Только вот Березовский, Абрамович, Потанин и Ходорковский никоим образом к номенклатуре не относились. Самым «крутым» был Ходорковский, занимавший должность заместителя секретаря райкома комсомола, абсолютно не номенклатурную.

Либеральная реформа — это очень горькое лекарство, после которого, однако, экономика выздоравливает. А наши «реформы» 90-х — это очень горькое плацебо (пустышка), в процессе лечения которым больному становится всё хуже и хуже.

Так что всё-таки это было, 90-е годы?

Либеральные реформы, в процессе которых все законы либерализма были попорнены? Да, это была внешняя оболочка этого явления. Гайдар был уверен, что он проводит либеральные реформы, хотя для настоящих либеральных реформ нужны были люди совсем других сил и способностей.

Или это было Смутное время — кризис доверия к власти, когда старая государственность рухнула, а новой никто не желал подчиняться? Да, это внутреннее содержание этого явления. Те законы либерализма, что были удобны для этой вольницы, тут же брались на вооружение. Прочие игнорировались напрочь. Так что закон об ответственности за использование инсайдерской информации на бирже принят только в 2011 году, а настоящие антикоррупционные законы не приняты и до сих пор. Элита (новая и старая)

уже не хотела социализма, ещё не хотела либерализма, а реально никакой власти не хотела. Построили бандитский капитализм, не имеющий отношения ни к демократии, ни к либерализму. И только с окончанием Смутного времени он начал заменяться на государственно-монополистический (тоже не лучший вид, но бандитского лучше на порядок). В оправдание Гайдара (и Ельцина) можно сказать, что кризис доверия к власти вызвал не он, он только не сумел с ним справиться.

Но Смутное время имеет свойство кончаться, когда вырастает новая элита, и старой элите анархия осточертевает. Кто появится, Романов или Путин, неважно. Важно, что появление его неизбежно. Кому-то было тепло в 90-е? А кому-то и при Лжедмитрии было хорошо. Расслабьтесь, господа. В ближайшие пару веков Смутное время не повторится в России.

О русском воровстве. «Доподражались!»

Ещё я согласен с Мединским, что реформы Петра I привели к огромному росту воровства. Но не могу согласиться с оценкой самих реформ, с эпитетом «Доподражались». Приведу отрывок из своей книги «Проклятие России. Разруха в головах?»

«Российская империя была наследницей великой империи монголов, наверное, самой большой из когда-либо существовавших империй. Способ управления бескрайними территориями, патернализм, тоже был унаследован от монголов. И задачу удержания территорий способ этот позволял решать отлично. Однако по мере того, как границы наблюдаемого мира расширялись, как совершенствовались наука и техни-

ка, менялась и парадигма мышления европейцев. Им больше уже не казались убедительными утверждения Экклезиаста «что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться». Европейская цивилизация с двух сторон вышла к Тихому океану. Великий некогда Рим оказался маленьким. И понимала уже европейская элита, что против картечи и мушкетов у римских легионов не было бы шансов выстоять. Пока Испания, Португалия и Россия неудержимо распространялись вширь, в Центральной Европе занимались теоретическим основанием того, что в эпоху просвещения стало «прогрессивным гуманизмом». Теории «регулярного государства» («полицейского» в другом переводе) и камералистики, созданные в XVII веке, базировались на утверждении, что прогресс не только возможен, но и едва ли не безграничен. А государство этот прогресс должно организовывать и направлять. И подобно тому, как наука описывает мир на своём языке, государство должно описывать общество на языке законов. А общество не сопротивлялось, поскольку в законах видело защиту от произвола власть имущих. Камералистику уже в XVII веке преподавали в университетах, и правящая элита многих стран внедряла её в жизнь.

Так вот, задачу организации прогресса патерналистский способ управления решить не мог. Он целиком базировался на делегировании полномочий и уважении к местным традициям. Даже церковная реформа Никона нанесла тяжёлый удар по этому способу, показала его низкую эффективность для проведения реформ из центра. Пётр Великий решительно начал внедрять новые способы управления, прошедшие уже испытание в Европе. Хоть и правил он в основном указами, но к концу его жизни увидели свет и Табель о рангах, и Генеральный регламент. Далее эта работа

была подхвачена Екатериной Великой и её последователями. Конечно, принимаемые законы хорошо исполнялись лишь в пространстве от Невы до Фонтанки (впоследствии — в пределах Садового кольца). И патернализм существует и по сей день».

Действительно, патернализм сводился к трём нехитрым принципам:

- плати дань (налоги),
- не воюй с соседями,
- а дальше молись, кому хочешь, и делай, что хочешь.

Но с таким способом управления обеспечить прогресс было невозможно. А ведь судьба тех империй, которые прогресс обеспечить не сумели, Монгольской, Китайской, Османской, мы знаем теперь, была печальна. И какой был выбор у Петра? Теория Адама Смита увидела свет через полвека после его смерти. И что ещё Пётр мог найти, кроме «камералистики», которая уже успешно внедрялась в Европе? Конечно, и в Европе были проблемы. Когда Фридрих I бегал по Берлину с палкой, преследуя праздношатающихся бездельников, это вызывало скорее смех, чем уважение. Но в целом в маленькой Пруссии наладить контроль над территорией и чиновниками неизмеримо легче, чем в необъятной России. Телефона ещё нет, телеграфа нет, железных дорог нет. В условиях России чиновники были почти бесконтрольны. Именно эта ловушка и породила огромное воровство. Мединский пишет: «Русские Северную войну не проиграли и регулярное государство не создали». Нет, именно что создали. Только оказалось оно не слишком регулярным. А сам процесс был начат ещё при Иване Грозном, отменившем кормления и принявшем «Уложение о службе». Его «приказы» были прообразом будущих министерств. Пётр I нового способа правле-

ния изобрести не смог, а использовал лучший из известных. Жаль, что в наших условиях он оказался не слишком эффективен. Но он позволил России развиваться, решать все задачи внутренней и внешней политики в следующие 100 лет. Не так уж мало. Было бы ещё лучше, если бы после смерти Петра в России не разразился жестокий династический кризис. Всё-таки, если всю деятельность подчинять закону, а это главное в регулярном государстве, то начинать надо с первых лиц. С царей. Что и показал Фридрих II, когда проиграл судебный процесс мельнику и подчинился приговору. А в России после Петра Великого кто хотя бы царём-то по закону становился? Пётр II — и трёх лет не процарствовал, Пётр III — правил 186 дней, не короновался, Павел I — правил 5 лет, пока его не убили. Анна Иоанновна, Елизавета, Екатерина II приходили к власти незаконно, как и Александр I после них. Такая «нерегулярность» в государстве плохо способствовала торжеству закона.

Отмечу, что и в 1917 году Российское государство разрушилось, причём без всякой предшествующей резни своих. Так что и другие причины могут привести к разрушению государства и измене элиты. Но здесь не место для обсуждения столь сложного явления, как 1917 год, да и до меня это было сделано многократно.

Об отсталости России

Согласен с Мединским, что говорить о какой-то общей отсталости России на протяжении последних 6 веков не приходится. Перефразирую одну бельгийскую социал-демократку: «Возникнув 6 веков назад государством размером с Бельгию и непрерывно отставая, Россия к середине XX века заняла шестую

часть суши». Или Россия отставала по уровню жизни? Так нет, «земля была обильна», это видно хотя бы из прироста населения. Отставала ли Россия в начале царствования Петра I? Если в кораблестроении, то да. Не имея выхода к морям, она сильно отставала от морских держав. Если в других областях, то отставание было только от ведущих держав. И поражение под Нарвой произошло не из-за технического превосходства шведов, а оттого, что в условиях метели и видимости в 20 шагов они ударили по абсолютно не готовой к удару русской армии. Впрочем, все виды отсталости при Петре I были успешно преодолены, что в XVIII веке Россия доказала неоднократно.

Но есть одно «но». И связано оно с отставанием в законотворчестве, архаичной структурой общества и Промышленной революцией. Поражение в Крымской войне (1855) всё это выявило с жестокой очевидностью. Парусный флот не мог соперничать с паровым флотом англичан и французов. Кроме того, те прислали нарезную артиллерию и пехоту, сплошь вооружённую нарезным оружием (винтовками), а у русских почти всё оружие было гладкоствольным. Очень малая часть армии была вооружена штуцерами с продольной нарезкой. Войну наша армия с таким вооружением проиграла. И после этого уже все в Европе заговорили об отставании России. Как же это случилось?

В 1774 году к Джеймсу Уатту, сотруднику университета Глазго, обратился профессор физики того же университета Джон Андерсон с просьбой отремонтировать действующий макет паровой машины Ньюкомена. Паровая машина существовала уж давно, но была сложна, опасна, неэффективна. Уатт макет сначала отремонтировал, потом усовершенствовал. Но чтобы строить действующие макеты паровых машин,

нужны деньги. Уатт заинтересовал своим изобретением предпринимателя Мэтью Боултона. Они открыли совместную компанию Bolton & Watt, построили фабрику и стали продавать паровые двигатели. А на прибыль от продаж Уатт паровую машину всё время совершенствовал, так что в итоге она стала в 4 раза более эффективной, удобной, надёжной. Так началась Промышленная революция. Примерно в то же время некий Аркрайт, 13-й ребёнок в семье портного, изобрёл прядильный станок Аркрайта, а в металлургии (1784) сын каменщика Генри Корт изобрёл пудлингование. Аркрайт занял денег у друзей и построил фабрику, а потом на доходы стал строить всё новые и новые. Уатт, Аркрайт, Корт свои изобретения патентовали, поэтому фабрики, где их изобретения использовались, стали появляться в Англии, как грибы после дождя. К 1780 г. в Англии насчитывалось 20, а уже через 10 лет — 150 прядильных фабрик, и на многих из этих предприятий работало по 700—800 человек. И государство ничего этого не финансировало, да и банки в Промышленной революции участия не приняли. Оно как-то всё само вдруг стало расти. Теория Адама Смита как раз увидела свет с его «laissez faire» (позвольте делать). И, как бы это ни было кому-то неприятно, заработала «невидимая рука рынка». Уже к 1853 году (началу Крымской войны) фабрик этих (во всех отраслях) были тысячи, паровых машин — десятки тысяч, а производство металла возросло более чем в 3 раза только с 1830 по 1847 год. И весь этот рывок, как это практически всегда бывает, произошёл НЕ ЗА СЧЁТ ПЕРЕДЕЛА СОБСТВЕННОСТИ, А ЗА СЧЁТ СОЗДАНИЯ НОВОЙ СОБСТВЕННОСТИ. И городское население Англии в 1851 году превысило сельское, а в России и в 1913 году оно составляло только 13%. И всю эту революцию, как и перевооружение армии,

Россия проспала. А Крымская война всё это сделала очевидным.

И замечу я, что европейские государства, независимо от государственного устройства, к Промышленной революции одно за другим присоединились. К 1853 году Россия осталась, наверное, «единственным не присоединившимся» государством. Канцелярия его императорского величества и Николай I умудрились это проспать. То ли потому что значения не придали, то ли потому что военная разведка после Наполеоновских войн была ликвидирована (и так, мол, самые крутые). А структура общества не позволяла совершить такой же рывок обществу самостоятельно. Заметьте, все эти Уатты, Аркрайты, Корты, они из кого? Не из дворян, не из купцов, не из банкиров, не из чиновников. Они из технарей (учёных, ремесленников и т.д.), как и нынешние Биллы Гейтсы и Стивы Джобсы. А в России в первой половине XIX века открыть фабрику имел право только дворянин или купец первой или второй гильдии. Но русские дворяне даже в статскую службу шли неохотно, только в военную, что уж о фабриках говорить. У купцов и финансистов тоже есть проблемы, причём во все времена. Как говорил Ротшильд: «Существует три способа быстро избавиться от лишних денег. Это женщины, карты и изобретатели. При этом первые два способа хотя бы приятны». Ну не умеют купцы и финансисты отличать изобретателей от шарлатанов и мошенников.

Были ли в России исключения? Были, и очень впечатляющие. Вот Пётр I остановился проездом в Туле и отдал местному ремесленнику починить свой испорченный немецкий пистолет. На другой день тот починенный пистолет вернул, а на вопрос, как немецкая техника, ответил, что ничего особенного. Рассерженный Пётр тут же заехал ему по лицу с криком: «Ты

сначала сделай, как немцы, а потом их ругай!» В ответ обиженный Никита Демидов, а это был он, сказал: «Ты сначала отличи мой пистолет от немецкого, а потом дерись!» А потом достал второй пистолет. Оказалось, что пистолет, что был в руках у Петра I, точная копия немецкого, был сделан Демидовым, а починенный немецкий был в руках у Демидова. Такое знакомство дало Демидову многое. Вскоре он направил Петру прошение о разрешении построить в Туле оружейный завод, какое высочайшим указом было ему и дано. Завод он построил и стал производить ружья, которые были значительно дешевле заграничных и одинакового с ними качества. Царь в 1701 году приказал отмежевать в его собственность лежавшие около Тулы стрелецкие земли, а для добычи угля дать ему участок в Щегловской засеке. Также он выдал Демидову специальную грамоту, позволявшую расширить производство за счет покупки новой земли и крепостных для работы на заводах. В 1702 году Демидову были отданы казенные Верхотурские железные заводы, устроенные на реке Невье на Урале (а тульский завод у него выкупили в казну). Вдобавок к ним он построил ещё пять. Производительность уральских заводов оказалась очень высокой, а их продукция вскоре существенно превзошла общий объём производства всех заводов Европейской России. Уже в 1720 году Урал (преимущественно «демидовский») давал, по меньшей мере, две трети металла России.

Не менее впечатляет пример и Саввы Васильевича Морозова, крепостного крестьянина помещика Рюмина. Был он ткачом, но работал так успешно, что открыл свою мастерскую, а потом и выкупил себя и семью из крепостной зависимости (за 17 тысяч рублей — сумасшедшие по тем временам деньги). В 1825 году он построил первую фабрику, и пошло-поехало.

Но всё это — единичные примеры. Подобному развитию в России препятствовали и сословная структура общества, и крепостное право, и неразвитое патентное право, и неразвитость системы образования. Уатты и Аркрайты в России не добились бы ничего. У Аркрайта, например, немцы (Иоганн Готфрид Брюгельманн) украли чертежи его станка. Вдумайтесь, 13-й ребёнок в семье портного образован настолько, что знает чертежи, изобретает станок, патентует его, строит фабрику, а потом другую и становится в итоге сэром Англии. А начинал с того, что цирюльником работал. И никаких прошений на высочайшее имя писать ему не пришлось.

И таких, как Аркрайт, в Англии было очень много, а в России Демидов и Морозов — единичные примеры. Демидову посчастливилось с самим царём познакомиться, а Морозов сумел «прыгнуть выше головы». Способны были тысячи, а сумели двое. Именно поэтому за 80 лет Россия отстала очень сильно. Так что, вопреки мнению Мединского, отставание, причём очень значительное, всё-таки было. Потом сто лет пришлось догонять. Потом, увы, случился новый застой, не преодоленный до сих пор. Но это уже тема отдельного разговора.

О духовности

Никакой особой духовности у нашего народа Мединский не обнаружил. Ну, я моря разлитанного духовности, особенно в последние 20 лет, тоже не вижу. Но чтоб вообще никакой?! Разве, чтобы выигрывать мировые войны, духовность не нужна? Мединский, правда, и в победе над татарами усматривает материальный интерес. Можно было бы и с этим согласиться, если бы не то обстоятельство, что победу одерживают

одни, а последующие материальные выгоды получают всё больше другие. Вот те 3 тысячи стрельцов, которые только за один день многодневной битвы в 1572 году погибли, обороняя гуляй-город, они о какой материальной выгоде могли помышлять? Ну хорошо, они рассчитывали на царство Божие после смерти. А в атеистическом СССР на что рассчитывали солдаты? «Положить голову за други своя» — это не духовность?

Нас не надо жалеть, ведь и мы никого б не жалели.
Мы пред нашим комбатом, как пред господом богом, чисты.
На живых порыжели от крови и глины шинели,
На могилах у мертвых расцвели голубые цветы.
Расцвели и опали... Проходит четвертая осень...

(Семен Гудзенко)

Четвёртая осень. Что, солдаты, 4 года сидящие в окопах, не догадывались, что на грядущем празднике жизни их может не оказаться? И даже скорее всего не окажется?

Ну ладно, всё это — в тяжёлую военную пору. А в мирное время? Будем называть духовностью предпочтение нематериальных ценностей ценностям материальным. Мединский правильно пишет, что в 80-е годы XX века такая духовность была всем видна, а в 90-е куда-то пропала. Так есть большая разница между ситуациями «духовности нет» и «духовность не видна». Действительно, какие уж полуночные разговоры, когда нечего есть? Тут уж приходится, бросив всё, искать пропитание. И если в 90-е профессора, о чём они мне писали в Интернете, собирали бутылки по помойкам, чтобы выжить, то до духовности ли им было? Но всё возвращается на круги своя. Кончилось смутное время. И вот опять, «какую бы партию ни

строили, всё получается КПСС». Все наши партии — «Единая Россия», КПРФ, «Справедливая Россия», ЛДПР, «Яблоко», «Правое дело» — это партии вождистского типа (и «Родина» была вождистского типа). Только что «Правое дело» попыталось обрести нового вождя, но не сумело, и теперь у них горе. Что, мы больше не сидим по кухням до утра, ругая правительство? Так это потому, что 20 лет прошло, и здоровья уже нет. А молодёжь опять сидит и опять ругает правительство, причём по причинам совершенно разным, часто противоположным. Всё возвращается. Стабилизируется структура общества, структура экономики, и они очень узнаваемы. И винить в этом Путина или ЦРУ — безумие. Не лучше ли в себя всмотреться?

Вот такое явление, как «интеллигенция». Если читать С. Кара-Мурзу, то интеллигенция во всех социалистических странах устраивала революции. А вот если читать Д.Лихачёва, слово «интеллигенция» на Западе почти всегда употребляется вместе с прилагательным «русская». И многократно я читал, что на Западе есть «интеллектуалы», а «интеллигенция» — только в России. И вот от этого все и беды. Недавно один мой старый друг произнёс тост за то, что наконец-то русская интеллигенция перестала существовать. Да только у меня на этот счёт другое мнение. Интеллигенция отличается от интеллектуалов (по определению) тем, что интеллектуалы должны быть глубоко образованны, а интеллигенты плюс к тому должны иметь ещё и привычку мыслить, и благородство чувств. Вообще-то говоря, такая добавка не кажется ни лишней, ни вредной. И наличие интеллигенции в этом случае — разве не признак духовности? Но почему тогда эта интеллигенция получилась такой оппозиционно настроенной и немало поспособствовала по крайней мере двум

революциям, Февральской 1917 года и августовской 1991 года, которые в русском обществе оцениваются очень неоднозначно? Широко распространено мнение, что интеллигент просто обязан быть в оппозиции правительству.

Начнём сначала, с дворянской интеллигенции, которая в первой половине XIX века образовалась. С одной стороны, эта образовавшаяся интеллигенция видела величайшее торжество русского оружия — победу над Наполеоном в 1812—1815 годах. С другой стороны, интеллигенты эти в Западной Европе бывали и, что там происходит, знали. А там происходила Промышленная революция. Она, конечно, не сразу дала плоды. Но, по мере её развития, плоды эти ощущались всё сильнее и сильнее. А в России ничего не происходило. Когда Николай I писал Наполеону III: «Россия, я это гарантирую, покажет себя в 1854 году так же, как она сделала это в 1812-м...» Наполеон III мог лишь улыбаться. Россия осталась той же, что в 1812 году, но Франция-то была уже совсем другой. Ну и как должен был образованный, привыкший мыслить, благородный человек реагировать, наблюдая, как Россия год за годом погружается в болото отставания? Не естественно ли, что он должен критически относиться к правительству? Или лучше говорить: «Как вы прекрасны, Ваше Императорское величество! Как дивно расцвела страна под вашим управлением!» — и так до самого поражения в Крымской войне? Но ведь дворянская интеллигенция была критически настроена не только к николаевскому правительству, а и к тому, что происходит на Западе. А там происходила урбанизация, и стекающиеся в города разорённые крестьяне жили в ужасающих условиях. Такой капитализм интеллигенция не одобряла, ни дворянская, ни появившаяся затем разночинная. Плата за

прогресс была слишком высокой. Но вот только за что это была плата, за прогресс ли? Действительно, совершенно непонятно, каким образом появившийся паровой двигатель или прядильный станок могли разорить хоть одного английского крестьянина. Политика «огораживания» — насильственной ликвидации общинных земель и обычаев с XV века широко применялась в Англии. «При передаче этого участка в наследство детям, продаже или обмену он (крестьянин) был обязан испрашивать разрешение на это у лорда и вносить определённую плату. Так в условиях повышения стоимости шерсти землевладельцы стали повышать ренты и другие платежи, что приводило к слому традиционных форм наследственного держания». Капитализм, похоже, здесь вовсе ни при чём.

Есть ещё точка зрения Маркса-Энгельса, которые утверждали, что разорил-то крестьян феодализм, а капитализм воспользовался этим, получив огромный источник самой дешёвой рабочей силы. Ну, к мануфактурному капитализму это, возможно, имело отношение. Но к индустриальному? Одна прядильная машина Аркрайта сэкономила 7 рабочих мест. Для перехода к станочному производству на паровой тяге рабочая сила не требовалась. Конечно, паровой двигатель позволял создавать фабрики не только в удобных местах по рекам, но где угодно. Но все равно индустриальный капитализм можно обвинить только в том, что он не мог поглотить столько разорившихся крестьян, сколько поставлял ему феодализм. Дешёвые рабочие руки, наоборот, препятствуют переходу к станочному производству, поскольку создают ему конкуренцию. Индустриальный капитализм мог бы быть задавлен в зародыше, если бы станки не позволяли создавать товар гораздо лучшего качества, чем товар ручного производства.

Здесь, чтобы понять, почему Россия — не Западная Европа, я вынужден сделать большое отступление, посвященное мелкому единоличному (семейному) крестьянскому хозяйству. Довольно распространена точка зрения, что оно было эффективнее, чем рабовладельческая латифундия, например. Но в условиях Западной Европы это не так. Коллективный труд эффективней единоличного в общем случае. Поэтому римские крестьяне и разорялись веками, а латифундий становилось всё больше. Братья Гракхи поплавились жизнью за раздачу земли крестьянам. Землю раздали. Но не помогло, продолжали разоряться. Потом уже и армию было не набрать (а её набирали из свободных крестьян), приходилось наёмниками обходиться (часто набранными из варваров). Однако всё это правильно только в условиях мирного времени. Латифундия — сложное образование с разделением труда, ей нужны квалифицированные управляющие. Когда Западно-Римская империя вступила в период заката, по всей её территории, включая Италию, стали гулять орды завоевателей. Причём вовсе не гуманных. Но если строения сожжены, управляющий убит, рабы разбежались, восстановить латифундию очень сложно. А вот единоличное крестьянское хозяйство обладает колоссальной способностью к самовосстановлению. Землю завоеватели с собой не заберут, а крестьянин всегда будет пытаться на неё вернуться. И если получится, начнёт восстанавливать своё хозяйство, как только пыль от копыт вражеских лошадей осядет. А когда восстановит, мы с него, голубчика, стрясём налог. Много с него не взять, зато это надёжно.

А ещё единоличному хозяйству присущ парадокс свободного землепашца. Он состоит в том, что, будучи свободным, этот землепашец с необходимостью порождает в обществе большую несвободу. Латифун-

дия нуждается в обществе не меньше, чем общество нуждается в латифундии. А единоличный крестьянин без общества может обходиться годами. Пока урожая достаточно, семья его растёт неограниченно до тех пор, пока урожая станет не хватать. И своей волей он детей своих на голодный паёк не посадит. Если латифундия в обычный год производит 100 единиц продукции, из них 20 проедает, а 80 продаёт, то в неурожайный год она 80 единиц произведёт, и даже если по-прежнему 20 съест сама, то 60 всё-таки продаст. Это $3/4$ от урожайного года. Тяжело, но можно жить. А единоличный крестьянин из 100 единиц сам вместе с семьёй проедает 80. Если в неурожайный год он произведёт 80, то по доброй воле не продаст ничего, ну разве 1—2 единицы. Т.е. $1/10$ от урожайного года. Это катастрофа. Города умрут, администрация умрёт, армия умрёт, потом придёт иностранная армия и заберёт всё. В реальности этого не будет, общество будет защищаться. Придут солдаты и заберут те же 20 единиц, ну 15 минимум. Т.е. натурально ограбят нашего землепашца, который с семьёй будет вынужден жить впроголодь. Поэтому там, где этот крестьянин, тут же появляются феодалы, управляющие, солдаты, которые следят за ним, считают произведённое и забирают столько, сколько им нужно для своих нужд. И когда расцветает гуманизм и появляется интеллигенция, она тут же начинает кручиниться над судьбой земледельца, который всех кормит, а сам голодает. Однако ещё до падения Западно-Римской империи, а тем более уж после падения способность единоличного крестьянина восстанавливать из руин своё хозяйство перевешивает все его недостатки.

Но время шло, и ситуация начала меняться, причём в первую очередь в Англии, защищённой своим островным положением от сухопутных армий захват-

чиков. Защищённость, впрочем, появилась только в XI веке, с прекращением ужасных набегов викингов. Но последовали жестокие внутренние распри, и относительное спокойствие воцарилось только в XV веке, с началом правления династии Тюдоров. Примерно тогда же началось и огораживание. Но шло всё достаточно неравномерно. Защищённость удалось подтвердить победой над Непобедимой армадой в конце XVI века. Но в XVII веке начался так называемый Малый Ледниковый Период, когда климат в Европе очень сильно похолодел. В холодном суровом климате единоличное крестьянское хозяйство опять получило преимущество. В условиях обычной мягкой европейской погоды снег сходит (если был) в марте, и весенние полевые работы продолжаются месяца 3. В суровом климате снег сходит и земля оттаивает на 1,5–2 месяца позже, и весенние полевые работы продолжаются всего 1 месяц. В июне — самое жаркое солнце в году. Оно может в короткое время так высушить почву, что брошенные в почву семена успевают пустить очень небольшие корни (или вообще не успевают их пустить). Крестьянин на своей земле тянет из себя последние жилы, лишь бы успеть посадить семена вовремя («страда» и «страдание» — однокоренные слова). Ни от раба, ни от наёмного работника никаким способом не добиться такой же интенсивности труда. В таких условиях единоличное хозяйство выигрывает. К тому же в Англии в XVII веке случилась буржуазная революция и гражданская война. А в Западной Европе в XVII веке случились религиозные войны, из которых одна только Тридцатилетняя война унесла жизни почти половины населения Германии и 2/3 населения Чехии. К концу XVIII века Малый Ледниковый Период заканчивался, в Англии настала стабильность, войны в Европе стали гораздо гуманнее (Возрождение, гуманизм) по отно-

шению к мирному населению. Единоличное крестьянское хозяйство стало экономически проигрывать другим формам хозяйств на всей территории Западной и Центральной Европы. Замечая такое положение, феодалы всех стран начали сгонять крестьян с земли, освобождая крестьян от крепостной зависимости, если это требовалось. Свобода эта была не гуманным даром, а желанием очистить землю от неэффективных хозяйств для эффективных. И вот городское население Англии в 1851-м превысило сельское, а США, Германия, Франция достигли того же примерно к началу XX века.

А что же Россия? А в России и после окончания Малого Ледникового Периода сохранился суровый северный климат. Т.е. единоличное крестьянское хозяйство по-прежнему осталось самой эффективной формой с/х производства. Это если есть, кому пахать. А чтобы было кому, община перераспределяла землю между хозяйствами в соответствии с количеством пахарей. У С. Кара-Мурзы очень хорошо в книге «Столыпин — отец русской революции» всё это показано. Если бы, как в Европе, коллективные формы обработки земли были бы эффективнее, то именно они распространились бы на той земле, которую имело в собственности дворянство после освобождения крестьян во второй половине XIX века (тогда дворяне сохранили свою землю и от крестьянской отрезали себе примерно пятую часть). Но не случилось этого. Дворянство предпочло всё более и более сдавать землю в аренду единоличным крестьянским хозяйствам. Коллективные формы обработки земли стали в России более эффективны только с появлением тракторов в XX веке.

Итак, уже можно суммировать отличия европейских интеллектуалов первой половины XIX века от русских интеллигентов.

1. Европейские интеллектуалы изначально социализированы. Они могут не только сделать изобретение, но и оформить патент на него, построить фабрику, разбогатеть, они встраиваются в капитализм. Русские интеллигенты изначально образуют изолированный слой. Патентное право не работает. Построить фабрику имеет право либо дворянин, либо купец 1—2-й гильдии, но традиции этих сословий препятствуют их участию в промышленности.

2. Европейские интеллектуалы участвуют в Промышленной революции. Все её издержки они относят на счёт феодализма и землевладельцев. Значительная часть этих интеллектуалов — инженеры. Русские интеллигенты видят, что в России не происходит Промышленной революции. Но саму эту революцию они отождествляют с капитализмом и на её счёт относят обезземеливание европейских крестьян и жуткие условия жизни этих разорённых крестьян в городах. В итоге им и российский застой не нравится, и западный капитализм их отталкивает. Почти все они — из дворян.

3. Европейские интеллектуалы осознают обречённость мелкого крестьянского хозяйства. У них перед глазами — примеры лучшего хозяйствования. Для них разорение крестьян — печально, но неизбежно. Русские интеллигенты обречённость мелкого крестьянского хозяйства не осознают, поскольку в условиях России оно ещё не обречено.

Впрочем, возможно, для первой половины XIX века и это описание отличий слишком сложно. Дворянская интеллигенция впервые заявила о себе как о самостоятельной силе в декабре 1825 года, когда попыталась организовать государственный переворот. Сделала она это «по-интеллигентски». Вместо того чтобы, как водится, убить претендента на престол, она демонстрацией силы занималась, мечтая, похоже,

вовсе обойтись без крови. По поводу программы они тоже не сумели договориться меж собой, и Муравьев был категорически против программы Пестеля. Но обе программы — чисто политические. И совершенно утопические. Пестель хотя бы понимал, что без революционной диктатуры его программа осуществлена быть не может. Хотя диктатура Пестеля вряд ли была бы лучше диктатуры Робеспьера. Освободить крестьян с землей и дать им право голоса — прекрасно. Да только кто бы заставил этих крестьян платить налоги? Или хлеб сдавать в неурожайный год? Разве что революционная диктатура. И кого бы могли выбрать в Народное вече неграмотные люди, в жизни за пределы села не выезжавшие? Пошли бы они это вече защищать? Не нуждались они вовсе в этом вече. Но пошли бы после суровых мобилизаций, как стало ясно в 1918 году, 93 года спустя. А возможно, что и нет, царь им был ближе непонятной республики. А вот дворяне-то пошли бы воевать за свою утерянную собственность.

А республика, она в тот момент так ли уж была нужна России? Вот оценка Валового Внутреннего Продукта (по паритету покупательной способности) в миллиардах американских долларов по курсу 1990 года, сделанная британским экономистом Энгусом Мэдисоном («*Contours of the World Economy, 1—2003 AD*», 2997, *Angus Maddison*). Я привожу только часть таблицы за период с 1000 по 2003 год после РХ.

Год	Страна					
	Россия (СССР)	Франция	Германия	Великобритания	США	Испания
1000	2,84	2,76	1,44	0,80	0,52	1,80
1500	8,46	10,9	8,26	2,82	0,80	4,5
1600	11,4	15,6	12,7	6,00	0,60	7,03

Год	Страна					
	Россия (СССР)	Фран- ция	Герма- ния	Велико- брита- ния	США	Испа- ния
1700	16,2	19,5	13,7	10,7	0,53	7,48
1820	37,7	35,5	26,8	36,2	12,5	12,3
1870	83,6	72,1	72,15	100,2	98,4	19,6
1913	232,4	144,5	237,3	224,6	517,4	41,7
1950	510,2	220,5	265,4	347,8	1,456,	61,4
1973	1,513	684,0	944,7	675,9	3,537,	266,9
2003	1,552,2	1,315,6	1,577,4	1,280,6	8,430,7	684,5

Замечу, что императорские Россия и Германия смотрятся в 1820—1913 годах получше республиканской Франции, а кайзеровская Германия — получше уже и Великобритании. Впрочем, похоже, Пестель и Муравьев про экономику не думали. И представляли эти люди вовсе не всю дворянскую интеллигенцию, а лишь наиболее радикальную её часть. Но восстание подавили, радикальную часть сослали, прочие части замолчали. И так до тех пор, пока все накопившиеся проблемы не прорвались после поражения в Крымской войне.

Тут уже начались настоящие реформы сверху. К тому моменту появилась уже разночинная интеллигенция и интеллигенция творческая. И вся интеллигенция первоначально очень положительно отнеслась к реформам. Но расколело её полностью освобождение крестьян. Это псевдоосвобождение было результатом очень тяжёлого компромисса между дворянством и самодержавием. Не удовлетворило оно никого. Крестьяне стали не свободными, а «выкупными». А выкуп им пришлось заплатить такой, что реально они заплатили и за землю, и за волю. Да ещё часть земли

у них отобрали. Если бы их освободили без земли, им хоть за волю платить не пришлось бы. Если бы их освободили с землёй, не отбирая никакой её части, они хотя бы не думали, что их попросту ограбили (а так оно и было). Русский капитализм тоже ничего не выиграл, поскольку крестьяне остались привязанными к земле, и крестьянская община сохранилась. В результате произошла серьёзнейшая десакрализация царской власти, а заодно и церкви, которая вынуждена была реформу поддержать. Реформа была проведена в интересах одной социальной группы — дворянства, но в силу культурных особенностей эта группа не могла перерасти, скажем, в буржуазию. Заниматься производством она считала ниже своего достоинства, её историческая роль заканчивалась. Не случайно в 1905—1907 годах 1 и 2-я Государственные Думы голосовали за ликвидацию «отрезков» (отторгнутой у крестьян земли в ходе «освобождения»). Голосовали и революционеры, и «трудовики», и кадеты. Поэтому в падение монархии в 1917 году решающий вклад внесли не капиталисты (кадеты), не интеллигенты и не крестьяне, а сама монархия. Заложенная в 1861 году бомба взорвалась. До этого, правда, были «Народная воля» и убийство Александра II. Но непонятно, почему это деяние надо вешать на интеллигенцию. Интересен состав Исполнительного комитета «Народной воли». Это Желябов (родом из крестьян), Перовская (из дворян), Кибальчич (из духовенства), Михайлов (из крестьян), Рысаков (из мещан). Да, это были экстремисты, но происходили они из всех слоёв российского общества.

Нельзя, однако, сказать, что собственно интеллигенция была благожелательно настроена к правительству. При Николае I существенно выросло число чиновников, тогда и появилась разночинная интелли-

генция. Из кого она формировалась? — А в основном из детей духовенства. Если в странах католических был «целибат» — требование безбрачия священников, а в странах протестантских детей духовенства поглощала в XIX веке промышленность, то в России долгое время дети священников сами становились священниками. В связи с территориальным распространением православия они были востребованы. Но в XIX веке распространяться было уже некуда. В отсутствие антибиотиков выживаемость детей в основном определялась гигиеной и качеством питания. У духовенства с этим было заметно лучше, чем у крестьян, например. Детей выживало гораздо больше, чем появлялось для них новых приходов. И им приходилось искать новое поприще. Например, дед Белинского — священник, отец — врач, а сам он — литературный критик. Благодаря таким корням интеллигенция была очень склонна осуждать действия, идущие вразрез с христианской моралью. Социальные лифты, которые превращали бы интеллигентов в предпринимателей, не работали. Савва Морозов — из крестьян, Путилов — из дворян, Обухов — из дворян, Лис и Бромлей, Нобель и Сименс — иностранцы. А кому-то из интеллигенции в этот список затесаться не удалось. Как-то не принято это было. Вот в Англии Уатт ещё и сделать толком ничего не успел, а уже стал компаньоном Болтона. А в России Менделеев разработал технологию получения машинных масел из нефти, завод спроектировал. Масла получились прекрасные, завод дал огромную прибыль Нобелям. А Менделееву — премию и «большое спасибо». Думаете, сам не хотел? А с чего бы вдруг? В академики его не приняли, из Университета уволили. Но если уж у Менделеева не получалось, на что могли претендовать остальные? В таких условиях интеллигенция была склонна жить жизнью духовной и критически относиться к правительству.

Мединский совершенно правильно пишет, что община существовала почти у всех народов в то или иное время. Вот у немцев она была, но в XIV веке прекратила существование. И ещё в начале XIX века немцы в Европе считались мечтателями. Но вкусили прелестей капитализма (Промышленной революции) и к 1872 году (Франко-прусская война) стали очень даже практичны. Но позвольте, по-настоящему капитализм стал развиваться в Германии в 30-е годы XIX века и, стало быть, всего за 42 года сделал немцев практичными. А русские обучались капитализму 56 лет, с 1861 по 1917 год, и ничуть он их не изменил. Или русские и впрямь «духовней», или есть ещё причины такого развития событий. И тут вспомним, что «дорого яичко ко Христову дню». Крестьянская община в России ни в XIV, ни в XIX веке никуда не делась. Именно она встретилась лицом к лицу с грабительским «освобождением» и с нарождающимся капитализмом. Именно она наступлению капитализма всячески противостояла. Именно из неё выходили люди, которые шли кто в рабочие, а кто и в Исполнительный комитет «Народной воли». Когда в 1905 году после «Кровавого воскресенья» началась революция, многие ожидали, что, по примеру Запада, рабочие будут долго и трудно организовываться. Но это были другие рабочие. Они из общины вышли, и организация была у них в крови. Уже через 10 месяцев последовала Октябрьская всероссийская политическая стачка. Тот путь, на который западноевропейским рабочим потребовались десятилетия и века (в Англии чартисты — 1830 год, всеобщая стачка — 1926 год), был проделан за 10 месяцев. В феврале 1917 года реально восстание началось с того, что казаки на Знаменской площади (ныне — площади Восстания) убили жандармского офицера. Позднее восстали запасные полки, тоже явно не из интеллигентов состоящие. Позже

в нарастающем хаосе чаша весов колебалась. И всё же в решающий момент именно крестьянская община в 1917—1920 годах сделала выбор между большевиками и кадетами в пользу большевиков. А интеллигенция как раз большевиков не приняла, основная её масса в 1918—1921 годах эмигрировала. Роль духовного мотора в 1861—1920 годах выполнила крестьянская община, которой к концу указанного периода жить-то оставалось 10 лет.

Реформа 1861 года преследовала чисто фискальные цели, а именно как можно больше денег отобрать у крестьян и передать дворянам. Александру II за такую реформу трудно сказать спасибо. Но ведь и он сам пал её жертвой, будучи убит. С одной стороны, реформаторы в России, если сделают хоть что-то, сразу себе памятник требуют. Хотя за что памятник, когда всё так косо и криво в этой реформе? С другой стороны, а что вообще можно сделать в той ситуации, в какой обычно в России проходят реформы? Александр II в своих реформах на кого мог опереться? На дворянство? Так вот он на него и опёрся. На крестьянство? Организованной силы оно не представляло и никаких реформ ещё не хотело. На буржуазию? Так Промышленная революция ещё не началась, и буржуазия была слаба крайне. На разночинцев? Так их было в стране — «кот наплакал». Легко предъявлять претензии, тяжело действовать. В Западной и Центральной Европе дворяне были сами заинтересованы в освобождении крестьян. А в России — увы, это было экономически нецелесообразно для них. А именно они составляли главную часть всех управленцев. Не имея другой опоры в обществе, кроме дворянства, мог ли Александр II провести «освобождение крестьян» иначе? В общем, виноватых опять нет.

Читал я как-то лекцию Александра Аузана «Общественный договор и гражданское общество». Там

разница в скорости развития Испании и Англии в 1700—1820 годах объяснялась тем, что «просто при распределении прав между королем и парламентом так сложились силы и размены, что вопрос о налогах в Англии попал в руки парламента, а в Испании — в руки короля». Однако впоследствии, изучая историю Промышленной революции, я убедился, что это вовсе не так. Английский парламент спокойно профинансировал создание самой большой в мире колониальной империи, как сделал бы на его месте любой король. А вот Промышленная революция случилась без его непосредственного участия. Уатту и Аркрайту, Кромптону и Кортю никаких денег от парламента вовсе не досталось. И от эксплуатации колоний они не получили ничего. И даже первоначальный капитал они получили не в банке, а от друзей и знакомых. Пройдёт 2 века, и современные нам Биллы Гейтсы и Стивы Джобсы тоже получают стартовый капитал не в банке, а от друзей и родственников. Так что дело, видимо, не в том, что парламента с деньгами обращался хорошо, а король — плохо. И конфискациями в 1780 году (примерное начало Промышленной революции) не занимались ни в Англии, ни в Испании, ни в России. И невыносимыми налогами нигде промышленность не обкладывалась. Когда победа уже случилась, к ней все норовят присосаться. Но что-то всё-таки было в Англии, чего не было в России? Приведу, что реально нашёл:

- В Англии, как и в России, тоже было сословное деление общества. Но затрагивало оно только самый верх (короли — лорды). Ниже всё было совершенно демократично. Любой мог построить фабрику, у кого были деньги на постройку и покупку земли. А в России только дворянин или купец 1-й или 2-й гильдии могли фабрику построить. И Савва Васильевич Морозов сначала выкупился из крепостной зависимости,

потом стал купцом 1-й гильдии, а потом уж начал строить фабрики.

• В Англии уже существовала развитая патентная система. Благодаря этому изобретения можно было не засекречивать и не трястись над тем, что изобретённый станок кто-то скопирует. С 1623 года патентное право существует в Англии, а в России — с 1812-го.

• Не знаю я подробностей об английской системе образования в XVIII веке. Да, в 1780 году в городе Глочестер (Англия) была организована первая «воскресная школа». Но чему и насколько хорошо там учили? Во всяком случае, 13-й ребёнок в семье портного, Аркрайт, сумел изобрести прядильный станок, сделать чертежи и изобретение запатентовать. Для этого маловато читать по складам.

Видимо, английский парламент внёс свою лепту в Промышленную революцию, но не путём регулирования налогов и формирования бюджета. Регулярное государство, кстати, существовало по всей Европе, включая Россию. В регулярном государстве всё подчиняется законам. Вот только законы бывают разные.

В общем, в России конца XVIII века свой Адам Смит не появился. Образованный слой того времени — дворянство — не о Промышленной революции думал, а ужасался эксцессам Великой Французской революции. Новых социальных групп не появилось. Александр II был вынужден в своих реформах опираться на дворянство. Организованный передел собственности, осуществлённый Александром II, оказался ужасен и привёл, в конце концов, к революционному переделу собственности. Ну а сначала — к созданию духовного общества и высокодуховной интеллигенции. Можно ли было провести реформы лучше? Можно, только задним умом мы все крепки. А тогда «хотели, как лучше, а получилось, как всегда».

Далее, после Октябрьской революции 1917 года, история опять начала воспроизводиться. Уж казалось бы, сколько интеллигенции эмигрировало, сколько выслали. Ан нет, возрождается. И из знаменитых деятелей науки и культуры того времени трудно найти тех, кто рабфак заканчивал. До 1929 года шёл прямой и обратный передел старой собственности, а интеллигенция ворчала, открыто или явно. В 1929 году начались Коллективизация и Индустриализация. Тут русская интеллигенция на некоторое время оказалась в той же ситуации, что европейские интеллектуалы в XIX веке. С одной стороны, крестьян жалко. С другой стороны, понятно же, что единоличное крестьянское хозяйство обречено. С третьей стороны, появляется огромная востребованность и чувство сопричастности великим переменам. Промышленная революция ведь идёт. С четвёртой стороны, врут кругом, слушать противно. Но зато деньги платят, интеллигент тогда — уважаемый, обеспеченный человек. И большинство включились в работу, засучив рукава. Неизвестно, созданием какой интеллигенции это могло бы кончиться. Но в 1937 году, через 8 лет после начала великих перемен, когда контуры успеха уже прорисовались совершенно явно, Сталин развязал Большой террор. Вытекал он не из перемен, а из личности Сталина, но противостоять ему при той структуре общества не было никакой возможности. Затронул он добрую треть тогдашней элиты. Всей элиты, а не только интеллигенции. Это на следующие 54 года обеспечило элиту «бродильными» элементами. На несколько лет этот процесс был прерван войной. Зато в 1956 году, после XX съезда КПСС, вся элита, включая номенклатуру и интеллигенцию, оказалась расколота противоположными оценками личности Сталина. Это уже было фатально. К середине 1970-х, когда наступило бюрократ-

тическое окостенение советской системы управления и закрылись социальные лифты, вся интеллигенция и большая часть управленцев критически относились к системе. Одни хотели вернуться к методам Сталина, другие — уничтожить саму память о них. Но все хотели другой власти.

Увы, это очень характерно для русской интеллигенции — критиковать всё без разбору. Часто по причинам противоположным. И совершенно не думая о том, что и как делать после того, как удастся текущую власть скинуть. Потом ВСЕГДА начинается резня и/или голод. Но нам это не важно. Главное — «разрушим до основания». А уж каким чудом «мы новый мир построим», будем думать потом. За границей, или в бараке, или собирая бутылки на помойке. Но об этом позже.

Я уже писал выше, что такое «кризис доверия к власти», ведущий к Смутному времени. Вопрос в том, почему та часть элиты, которую не затронул Большой террор, не парализовала усилия той части элиты, которую Большой террор затронул? Ну, во-первых, часть элиты, которую не затронул Большой террор, рассматривала это как случайную удачу. Во-вторых, вся элита была недовольна властью. Сталин не слишком заморачивался с идеологическим основанием своего режима. Он построил регулярное государство, держащееся не только на страхе, но и на всеми понимаемом порядке. Как пели в 50-е годы: «Вот сидит паренёк, без пяти минут он мастер... Он на правильном пути. Хороша его дорога». Последователи Сталина, наоборот, решили воплотить в жизнь идеологические догмы, на которые Сталину было плевать. Поэтому мастер стал получать зарплату меньше рабочего, а инженер — меньше мастера. Стимулы к служебному росту исчезли. Распространилось пьянство, в том числе на рабочем месте. И пресекать это было запрещено

по тем же идеологическим соображениям. Потом, в связи с безудержным ростом дефицита, настоящими хозяевами жизни стали работники торговли. Элита постепенно осознала, что она — никакая уже не элита. И что это — не порядок, а бардак, который ей совершенно не нужен. И что для борьбы с этим бардаком никаких средств ей не дано. Остальное было предопределено. Последняя попытка спасти режим — путч ГКЧП — выглядела ещё более нелепо, чем восстание на Сенатской площади.

Ну и вернёмся к современности. Говорите, духовность пропала? Стало быть, у нас в обществе появилось уважение к богатым? Ой ли? — Что-то я не вижу этого совсем. Т.е. они, возможно, друг друга и уважают. А прочее общество разделяет одну из трёх точек зрения:

- все богатые воры, если не хуже,
- да, они воры, но это потому, что у нас не воровать невозможно,
- нет, некоторые богатые всё же разбогатели честным путём.

Причём третью точку зрения разделяет не так уж много людей. Бизнес, оказавшись под огнём, перевёл стрелки на новый жупел — бюрократов. Вот бюрократы и бизнес так друг друга и поливают во всех СМИ. А общество тихо звереет. Мысль разбогатеть самому большинство людей давно оставили. Социальные лифты закрываются. Государство с малым бизнесом работать не умеет и не хочет. Чем он лучше единоличного крестьянского хозяйства? Он же не эффективен. Ату его! А он, господа, не для эффективности нужен. Он выполняет роль социального лифта. Все эти американские Майкрософты и Эпплы, сверхгиганты, когда-то были малым бизнесом. Строить государственно-монополистический капитализм, возможно, приятнее, но может очень плохо кончиться. Как бы на берёзе не

повиснуть в одночасье! Под бурные крики одобрения высокодуховного населения. До этого далеко ещё, говорите? Согласен, далеко. Но когда воспроизводятся условия, воспроизведётся и выход из этих условий. А вот этого не хотелось бы. Ни далеко, ни близко. И вот это гораздо важнее, чем количество партий в Думе.

Ну а интеллигенция, будучи одним из самых низкооплачиваемых слоёв общества и лишённая социальных лифтов, куда она денется? Вот она, голубушка, рассаживается по кухням, по интернет-форумам, и привычно ругает всех и вся. Причём часть хочет обратно, в социализм, а другая часть обратно, в 90-е, хотя там и там нет никаких решений никаких вопросов. Она вам не нравится? А вы что сделали, чтобы создать другую интеллигенцию?

Вагим Долгов

Руси есть веселие пить!

Одним из популярнейших «мифов о России», опровержением которого занимается в своих книгах В. Мединский, является так называемый «миф о пьянстве». Идея вроде бы даже правильная: прочитает горький пьяница, что во всем виноват Пётр не-Великий, «узнает», что «исконная»-то Русь не пила, да тоже бросит пить. Дай Бог, чтобы так было. Хотя верится с трудом.

Одна беда: в результате вместо одного глупого мифа конструируется другой — ещё более нелепый. Понятно желание государственного мужа «воспитать народ» в правильном духе, понятно желание интеллектуала «сформировать новую идентичность», но зачем строить это воспитание на заведомом вранье? Или на том, что американцы называют bullshit — правда не интересует Мединского — он и не утруждает себя её выяснением. И это очень досадно, поскольку в книгах Мединского много важного, много дельного, много правильного, но вот такие ляпы портят все дело!

Впрочем, может, вранье тут ни при чем, а есть лишь недостаток специальной подготовки. Это вещь для неспециалиста простительная, но требующая коррекции. Тем более, что сусальный образ трезвеннической Руси используется теперь «сплошь и рядом» пропагандистами разных сортов. Особенно преуспел в этом

самозванный профессор Жданов, наводнивший своими видеолекциями Рунет. Лечил бы спокойно своих алкоголиков, дело благое, но зачем лезть без специальной подготовки в исторические темы — совершенно непонятно. Ведь маленькая неправда, если вскрыется, может погубить всю систему. А не вскрыться она не может — грамотных историков в России не так мало, как кажется.

В одном, пожалуй, В. Мединский прав — на Руси пили не больше, чем в Западной Европе — за утверждение этого важного факта можно и должно сказать ему спасибо. Но вот в противоположную крайность впадать все-таки не стоит.

Что пишет Мединский?

В общем, автору можно даже посочувствовать: навести тень на плетень не так-то просто. Прежде всего, конечно, ему приходится дискредитировать летописную фразу, известную любому приличному школьнику: «Руси есть веселие пить — не можем без того быть!». «Профессору» Жданову проще — он объявляет все подобного рода высказывания результатом жидомасонского заговора — и всех-то делов.

Но Мединский-то профессор настоящий, поэтому действует тоньше, оперируя полуправдой.

Он пишет в последнем издании своей книги: «Если мы ищем корни пьянства во времена Владимира Святого, как зафиксировали летописцы якобы его слова: «Веселие Руси есть питии, и нельзя без этого бытии», — то все, приехали — всеобщая алкоголизация населения и полное вырождение русского народа не за горами».

Тут не может не возникнуть вопрос: с чего это вдруг? Без малого тысячу лет фраза эта жила на страницах множества древнерусских летописей — и ничего, страна уцелела. А тут вдруг во всем оказалась летопись виновата.

Ну да ладно, читаем дальше:

«Вообще весь рассказ о выборе веры Владимиром — настоящая художественная литература. Он носит легендарный характер — в этом не сомневается никто из историков. А судя по тому, что мы знаем о Древней Руси, эпизод с «пити-быти» — более поздняя вставка какого-то остряка предка» (выделено мной. — В.Д.).

Вот уж точно — «все, приехали». Как истолкует слова профессора малосведущий в исторических тонкостях читатель? Понятно, как: летопись — выдумка и шутка, верить ей не стоит (после бредовых открытий Носовского и Фоменко среднестатистический читатель такую утку вполне уже готов скушать). Тем более что она-де противоречит тому, что «мы знаем о Древней Руси». Интересно только, откуда «знаем» — в автопарке Госдумы уже есть машина времени?

Нелепица ужасная и стыдная для добросовестного автора.

На самом деле летопись — один из основных источников знаний о Древней Руси. Написана она в самом деле была на 150 лет позже описываемых событий (в конце XI — нач. XII в.), но это НЕхудожественная литература. Блестящим советским ученым академиком Д.С. Лихачевым было доказано, что одно из основных отличий древнерусской книжности — отсутствие сознательного вымысла. В раннем Средневековье к труду летописца относились как к священнодействию. Представлять летопись собранием выдумок и шуток — заведомое искажение реальности. Какие могли быть шутки, когда летописный текст повествует о важнейшей странице истории Руси — о выборе православной веры. Мог ли монах (а именно монах Киево-Печерского монастыря был автором «Повести временных лет», о которой идет речь), посвятивший всю жизнь служению Богу, устроить балаган, когда

речь шла о столь важных для него и для страны в целом вещах? Читатель, приученный современными журналистами-борзописцами к тому, что слово — легче перышка, вполне бы мог допустить такое. Но в те времена отношение к писаному слову было совсем иным. Вот это действительно известно любому мало-мальски грамотному историку, и об этом зачем-то умалчивает Мединский.

На самом деле, употребление спиртных напитков поставлено в текст далеко не случайно, ведь речь шла о том, чтобы проложить этнокультурную грань между Русью и мусульманским миром, который в это время весьма напористо распространял своё влияние в Восточной Европе.

«В год 6494 (986). Пришли болгары магометанской веры, говоря: «Ты, князь, мудр и смыслен, а закона не знаешь, уверуй в закон наш и поклонись Магомету». И спросил Владимир: «Какова же вера ваша?» Они же ответили: «Веруем Богу, и учит нас Магомет так: совершать обрезание, не есть свинины, не пить вина, зато по смерти, говорит, можно творить блуд с женами. Даст Магомет каждому по семидесяти красивых жен, и изберет одну из них красивейшую, и возложит на неё красоту всех; та и будет ему женой. Здесь же, говорит, следует предаваться всякому блуду. Если кто беден на этом свете, то и на том», и другую всякую ложь говорили, о которой и писать стыдно. Владимир же слушал их, так как и сам любил жен и всякий блуд; потому и слушал их всласть. Но вот что было ему не любо: обрезание и воздержание от свиного мяса, а о питье, напротив, сказал он: «Руси есть веселие пить: не можем без того быть».

Читатель сам может судить: меткой фразой о питии Владимир положил предел притязаниям мусульманских проповедников, весьма заманчиво описывавших

преимущества своей религии. Так что ни шутками, ни забавными каламбурами тут и не пахнет.

Нужно сказать, что спиртные напитки изначально были частью языческих ритуалов. Это, однако, не означает, что употребляли их «умеренно». Пили досыта. Это хорошо видно в зафиксированной летописью истории о мести княгини Ольги за убийство её мужа — князя Игоря.

Виновники гибели — славянское племя древлян после свершения своего «чёрного дела» решили заслать в столичный Киев послов, чтобы просватать оставшуюся вдовицей княгиню. Судя по всему, по понятиям того времени, имущество, жена и прочие «активы» проигравшего должны достаться победителю (доказавшему победой свою «крутость»). Вот они и решили... Открыв тем самым перед Ольгой возможность весьма изощренной мести.

Мечь была весьма изобретательна. По-хорошему, читатель должен был об этом узнать ещё в 5-м классе средней школы, поэтому пересказывать всего я не буду. Обратим внимание лишь на один элемент: притворно дав согласие выйти замуж за древлянского князя Мала, княгиня, однако, предупредила, что сначала желает насыпать курган над могилой убиенного супруга и справить тризну. Древлянам было велено подготовить все необходимое. «Вот уже иду к вам, приготовьте мёды многие в городе, где убили мужа моего, да поплачусь на могиле его и сотворю тризну по своём муже», — приказала Ольга. Древляне же, услышав об этом, свезли множество мёда.

Можно возразить, что летописец, отделённый от описываемых событий более чем сотней лет, опять что-то такое «проалкогольное» навывдумывал. Однако и курганы и остатки княжеских/дружинных захоронений в них хорошо известны археологически — тут

все предельно ясно. А о том, что напитки эти были отнюдь не пепсикольной крепости, хорошо видно из дальнейшего повествования.

Итак, меды были свезены в большом количестве и делегация высоких киевских гостей тоже, наконец, прибыла. Началась тризна. В отличие от современных поминок тризна не была «формально-печальным» мероприятием. Назло духам смерти наши предки устраивали шумное веселье обильным угощением и, конечно, питием. Покойник должен был видеть, как чтут его оставшиеся на земле, а злые потусторонние силы, напротив, бежали от столь явственного проявления силы и молодецкой удали.

После того как княгиня оплакала мужа, сели древляне пить. Причём младшим дружинникам Ольги было приказано прислуживать древлянам (подливать им медов). И вот когда древляне опьянели, княгиня позволила своим воинам выпить разочек за их здоровье, после чего отошла в сторону и отдала жесткий приказ рубить древлян. Оставшиеся трезвыми дружинники Ольги, несмотря на то что отряд был небольшим, перебили по летописному счету 5000 древлян.

Такая вот вполне антиалкогольная история. И без всякой «лакировки действительности».

Случались конфузные истории и в более поздние времена. Так, в 1377 году пришло известие о том, что из Орды, от темника Мамай идет на Русь войско царевича Араб-Шаха, которого в русских летописях именуют Арапшой. Узнав об опасности, нижегородцы собрали войско и вышли на битву. Идут-идут, а Араб-Шаха все нет и нет. Пространства огромные, лето жаркое, навигаторы и спутники-шпионы ещё не изобретены... И вдруг нижегородское войско натывается на речку с замечательным названием: Пьяна! Войском командовал юный княжич Иван — сын

суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича. Опыта и авторитета у молодого полководца не было. И войско распоясалось — всей душой откликнулось на намек, который дало ему название реки.

Летопись гласит: *«Они же повели себя беспечно, не помышляя об опасности: одни — доспехи свои на телеги сложили, а другие — держали их во вьюках, у иных сулицы оставались не насаженными на древко, а щиты и копья не приготовлены к бою были. А ездили все, расстегнув застежки и одежды с плеч спустив, разопрев от жары, ибо стояло знойное время. А если находили по зажитьям мёд или пиво, то пили без меры, и напивались допьяна, и ездили пьяными. Поистине — за Пьяною пьяные! А старейшины, и князья их, и бояре старшие, и вельможи, и воеводы, те все разъехались, чтобы поохотиться, утеху себе устроили, словно они дома у себя были».*

В самый разгар «вечеринки» пожаловал и Араб-Шах...

Кончилось все плохо. И в следующий раз войско возглавил уже другой князь.

Ещё одно примечательное алкогольное приключение случилось с самим московским великим князем Василием II Васильевичем Тёмным. Середина XV в., на Руси в разгаре феодальная война. А тут ещё с набегом пожаловал первый казанский хан Улу-Мухаммед. Положение, мягко говоря, довольно серьёзное. И вот Василий (тогда ещё вполне зрячий), возглавляя русские полки, выходит биться с грозным противником. Остановиться перед битвой решено было у Спасо-Евфимьева монастыря. Ну а чем скоротать вечер? Понятно чем: князь, по словам летописца, «ужинал у себя со всею братию и з боляры, и пиша долго ночи».

Утречком, когда князюшка решил все-таки с перепою поспать («опочинуть»), пришла весть, что татары переходят через р. Нерль. Непроспавшийся князь надевает доспехи и выступает на битву.

И каков результат?

А результат вполне закономерен: единственный раз в отечественной истории фактический глава государства русского попадает в плен к врагу. В. Мединский укоряет в пьянстве Петра I — небеспочвенно. Но тот хотя бы в плен к Карлу XII с глубокого бодуна не попадал.

Расплачиваться за княжескую невоздержанность пришлось всей стране. В плену Василия решили убить, но потом все-таки отпустили с условием выплатить громадный выкуп в 20 000 руб. и испоместить у себя в княжестве татарского царевича Касима с отрядом. Царевичу был отдан город Городец Мещерский (нынешний Касимов). Появилась новая этнографическая группа татар — касимовские татары. Вот такие-то последствия одной небольшой пьянки. Так что, уважаемый читатель, когда наутро после весёлого корпоратива вы недосчитаетесь денег в кошельке, пуговиц на пиджаке и зубов во рту — не печальтесь: вспомните Василия II, и вам полегчает.

Пирьы были значительным событием в жизни древнерусского общества даже в том случае, если не имели столь разрушительных последствий. Случаи масштабных пиров фиксировались в летописях. Княжеские, монастырские, купеческие... Пир — это, конечно, не только питиё, но и еда. Вот как описан богатый пир в «Слове о богаче и Лазаре», популярном на Руси в XII в.: «На обеде его прислуживают многие; сосуды златом скованы и серебром; яств множество различных — тетерева, гуси, журавли и рябчики, голуби, куры, зайцы и олени, вепри, дичина, пироги, пече-

ние, птицы. Множество поваров работают и трудятся в поту, многие бегают, носят блюда на перстах, обмахивают с боязнью. Иные же серебряные умывальники держат, иные склянки с вином носят, чаши огромные позолоченные, кубки и котлы, питье же многое — мёд и квас, вино, мёд чистый, мёд перцовый... и т.д.»

Надеюсь, читатель способен оценить величественную гармонию настоящего средневекового пира, запечатленного в этих строках. Так зачем же (пусть даже для благой цели) кастрировать нашу историю? Прошлое нужно ценить таким, какое есть.

Ценить и знать. Возможно, В. Мединский ценит. Но знает далеко не все. Читаем дальше:

«Обратим внимание ещё вот на какую деталь: в русском законодательстве нет никаких ограничений пьянства и наказаний для пьяниц. Нет осуждения пьянства, рассказов для детей о вреде пьянства. Этого нет ни в «Поучениях» Мономаха, ни в святоотеческой религиозной литературе, ни в других книгах Древней Руси. Нет упоминаний о пагубных последствиях пьянства, по сути, нигде».

Набор нелепиц. В «Поучении» Владимира Мономаха про пьянство, в самом деле, слова нет. А вот все остальное — чистейшее недоразумение. И в религиозной, и в учительной древнерусской литературе рассказов про пьянство предостаточно. И в законодательстве нормы, карающие «употребление» в неподобающих случаях, — есть!

Одно из самых первых по времени возникновения «наставление пьющим» содержится в Изборнике 1076 г. Изборник — книга чрезвычайно интересная. Иногда его ошибочно именуют Изборником Святослава, но это неверно. Изборник Святослава — это Изборник 1073 г., написанный в самом деле для князя — на дорогом материале лучшими писцами, ук-

рашенный богатой росписью. А Изборник 1076 г. — книга совсем иного рода. Она небольшая, написана на не особо качественном и поэтому недорогом пергаменте обычным почерком того времени. Такая книга вряд ли хранилась в ларе у князя, скорее, её мог купить или заказать обычный состоятельный горожанин. Уровень грамотности в домонгольской Руси был весьма высок, книгу на Руси уважали. Особенно такую, как Изборник — в нем содержатся «душеполезные» советы на каждый день, выдержки из Святого писания, афоризмы и другие «мудрые мысли». В ней человек мог найти наставления о супружеской жизни, об отношении с родителями и детьми, о том, как лучше вести себя с вышестоящими и друзьями. И вот как раз после поучений о выборе круга общения в Изборнике 1076 г. помещена глава о поведении на пиру, озаглавленная «О мёде».

Советы на этот счет обнаруживают основательное знакомство автора текста с предметом. Кстати, советы тысячелетней давности можно смело использовать и теперь. Распечатать и раздавать посетителям в ресторанах. Если перевести с древнеславянского на современный язык, то советы бы выглядели примерно так:

1. Прежде всего, отведав мёду, не следует мешать веселиться другим. Сам веселись — другим не мешай.

2. «Не възносия, буди въ нихъ яко един от нихъ», или, говоря современным языком «не выпендривайся».

3. Если завяжется беседа — не умничай («без ума в пире не мудри ся»), а веди себя так, будто ты все знаешь, но молчишь. Да и к выбору темы разговора следует подходить осторожно — избегать острых тем: не говорить с трусом о битве, с купцом о

прибыли, с покупающим о покупке, с завистливым о похвалах, с немилосердным о помиловании, с ленивым рабом (очевидно, и с ним мог завести беседу читатель Изборника) о бурной деятельности. Лучше всего побеседовать о чём-нибудь с хорошим, «благоверным» человеком.

Ну не прелесть ли? Понимали люди в этом деле толк.

Понятно, что жизнь часто не укладывается даже в самые прекрасные правила. Из дальнейшего повествования увидим, что действительность была далека от предложенного Изборником теоретического идеала. Воплощение книжного образа скорее можно было найти в элегантных дружеских застольях византийской знати, а не в буйных пирах варварской Руси.

Пирь и народные празднества имели глубокие корни в языческой эпохе и были важным общественным институтом, выполняющим функции социально регламентированного *со-бытия*, местом социально значимого общения, а не просто пустого времяпрепровождения. Эти представления нашли отражение в эпосе. Умение пировать с размахом — одно из качеств истинного богатыря.

В. Мединский пишет по этому поводу так:

«Вообще единственный случай упоминания пьяниц и пьянства на Древней Руси — это история про Садко и голь перекадную. Но, во-первых, это эпос Новгорода — самого европейского города Руси, члена Ганзы. Во-вторых, бесконечные приключения Садко содержат только один «пьяный» эпизод. Остальные примеры гульбы — не пьянка, а скорее безудержное, разудалое веселье, такое, как пляски морского царя под гусли Садко».

Во-первых, Новгород — нормальный древнерусский город, делать из него некое исключение вряд ли

есть основания. Во-вторых, Мединский здесь сильно напутал: главным героем былины о голи кабацкой (перекатной) был не новгородец Садко, а старший русский богатырь Илья Муромец. Да и действие происходило не в Новгороде, а в Киеве.

То есть все вышло как в старом анекдоте: «Правда ли, что Рабинович выиграл «Волгу» в лотерею? Конечно, чистейшая правда! Только не «Волгу», а 100 рублей, не в лотерею, а в преферанс, и не выиграл, а проиграл».

На самом деле — былина очень известная, и найти текст её при желании читатель сможет легко.

Кратко суть её в том, что «старый казак» Илья Муромец обиделся на князя стольнекиевского Владимира Красно Солнышко за то, что князь обошёл его приглашением на «почестен пир». Многих богатырей и бояр позвал, а Илью — нет. И тогда Илья решил устроить свой собственный пир во всю силу своей богатырской мощи: он посшибал с церковей золотые маковки и созвал весь малоимущий (пьющий, надо заметить) народ:

Да кричал Илья он во всю голову,
Во всю голову кричал он громким голосом:
«Ай же, пьяници вы, голюшки кабацкии!
Да и выходите с кабаков, домов питейных
И обирайте-тко вы маковки да золочены,
То несите в кабаки, в дома питейные,
Да вы пейте-тко да вина досыта...»

В итоге народный пир, устроенный Ильей, приобретает столь грандиозные масштабы, что возникает угроза целостности стольного города и самого княжеского семейства. Князь пугается и начинает судорожно соображать, как бы ему исправить ошибку. Илья страшен не только в бою, но и в пиру. Если пригласить его теперь — может только хуже оказаться. От-

ветственное задание пригласить старшего богатыря поручают следующему по старшинству — Добрыне Никитичу, который считался богатырём не только сильным и смелым, но ещё воспитанным и дипломатичным.

Выходил Добрыня он на Киев-град,
 Ён пошёл-то как по городу по Киеву,
 Пришёл к старому казаку к Илье Муромцу
 Да в его палаты белокаменны.
 Ён пришел как во столовую во горенку,
 На пяду-то он дверь да порозмахивал,
 Да он крест-от клал да по-писаному,
 Да й поклоны вёл да по-ученому,
 А ещё бил-то он челом да низко кланялся
 А й до тых полов и до кирпичных,
 Да й до самой матушки сырой земли.
 Говорил-то ён Илье да таковы слова:
 «Ай же, братец ты мой да крестовый,
 Старья казак да Илья Муромец!
 Я к тебе послан от князя от Владимира,
 От Опраксы королевичной,
 А й позвать тебя да й на почестен пир».

Илья не стал поминать старую обиду и пошёл на княжеский пир. Таким образом, город был спасён от неминуемого разрушения. Понятно, что в этой былине стихия необузданного народного пира противопоставлена произволу властей, несправедливых, трусливых и мелкодушных.

Эта былина дает повод задуматься, отчего в России народ пьёт? Только ли от «неверно сформированной идентичности»? Может быть, дело не в летописной фразе «Руси есть веселие питие», а в явлениях социально-экономического порядка? Политику, члену Государственной Думы В.Р. Мединскому стоило бы, наверно, больше думать об этом. Поскольку сюжет с былинами в его книге вышел довольно неудачно.

Но мы «на прежнее возвратимся», как писали древнерусские книжники. «Умение пить» долгое время было одним из богатырских качеств, человек, способный много выпить и не потерять контроль над собой, пользовался всеобщим уважением. Снова обратимся к эпосу. Теперь действительно былина новгородского цикла об удалце Василии Буслаеве. В одном из сюжетов Василий попадает на казачью заставу. Его для знакомства приглашают за пиршественный стол.

И тут Василий их удивил...

Садится с ними за единой стол.

Наливали ему чару зелена вина в полтора ведра,

Поднимает Василий единой рукой

И выпил чару единым духом,

И только атаманы тому дивуются,

А сами не могут и по полуведру пить.

Вот таков он — народный герой: пьёт и не шатаётся, хочется кому-то или нет...

Вообще, сведения о праздниках и пирах содержатся во многих источниках. Однако лучше всего видно, как все происходило, в «Поучении философа, епископа Белгородского», автором которого предположительно является епископ Григорий (XII в.). Епископ вовсе не ставил себе целью опорочить своих современников и дать дополнительные козыри в руки идеологическим противникам России. Он хотел, по сути, того же, чего добивается В. Мединский, — наставить людей на путь истинный. Отвратить их от пьянства и призвать к трезвости.

Для того чтобы быть убедительным, он стремится показать пастве, как кошмарно (с его точки зрения) она выглядит. В его произведении открывается нам панорама всеобщего повального пьянства. Масштабы этого явления епископ сравнивает с пожаром, кото-

Свадебный пир. Гравюра из книги Адама Олеария

рым охвачен не только вверенный его пастырскому попечению город, но и окрестности. У высокоинтеллектуального епископа ни одно слово не случайно. В том числе и сравнение хмеля с огнём. Далее он развивает эту аналогию: «таков родом хмель — он согревает и распяляет внутренности, сжигая душу, как в пламени».

Чувствуя на себе ответственность бороться с этим злом, проповедник уподобляет хмельной внутренний огонь адскому пламени и заявляет: «Пьянице царствия Божия не получить. Не ясно ли, что всяк пьяница погибает, и от Бога отлучается, и в негосимый вечный (адский) огонь посылаемы бывают».

Будучи осведомлён, что в Библии ничего не сказано о греховности пьянства, Григорий увязывает божественный гнев не с употреблением спиртных напитков как таковым, а с безобразным поведением, ко-

торое свойственно перепившим людям. «Горе мне! горе мне! — сокрушается епископ. — Как допустил все это Господь Бог в дни, в какие не ждал я, что увижу людей, чтящих деяния беса — и совсем того не стыдящихся, но даже гордящихся!» Вот люди: пьют, ещё и гордятся этим!

Очень колоритны картины народных праздников, нарисованные в «Поучении». В изображении епископа в вверенной ему пастве тот лишь праздник считается удавшимся, после которого все лежат «яко мертвые от пьянства, с раззявленными как у идолов ртами и не ходяще» — такая вот вполне узнаваемая «конечная стадия».

А в самом «процессе» все происходит так: «Когда вы упьётесь, тогда вы блудите и скачете, кричите, поёте и пляшете, и в дудки дудите, завидуετε, пьёте чуть свет, объедаетесь и упиваетесь, блюёте и льстите, злопамятствуете, гневитесь, бранитесь, хулите и сердитесь, лжёте, возносите, срамословите и кощунствуете, вопите и ссоритесь, море вам по колено, смеёте, крадёте, бьёте, дерётесь и празднословите, о смерти не помните, спите много, обвиняете и порицаете, божитесь и укоряете, поносите, — ну как же святому крещенью не тужить из-за вашего пьянства? Да и плясунья женщина — сатанина невеста, супруга дьяволу: когда любой мужчина глядит на такую жену, для мужа её непристойно то и бесстыдно; образ Божий нося на груди, с женою своею в пляске сойтись! — и вы ещё входите в церкви!»

Рыгающего смрадом пьяницы Бог так же гнушается, как мы — мертвого смердящего пса. Пьянство изгоняет из человека Святой Дух, как дым отгоняет пчёл. Пьяница — весь плоть, духа в нём нет, он поклоняется выпивке, как «некому богу». Аналогичные представления отмечены Б.А.Романовым в другом

Попойка. Гравюра из книги Адама Олеария

древнерусском тексте — инструкции действующим священникам «Вопрошании Кирика»: «Пьяный человек — все равно, что получеловек». За проступки, им совершённые, назначается половинная епитимья, но и за нечаянное убийство нетрезвого человека вменяется лишь «полдушегубства». В принципе, епископ Григорий не против употребления спиртного: «на веселие нам Бог питие дал, и только в положенное время, а не для пьянства».

Кстати и о законах против пьяниц. В. Мединский о них не знает, но они были.

Пьянство во взаимосвязи с нормами древнерусской покаянной дисциплины было рассмотрено известным ленинградским историком Б.А. Романовым, считавшим, кстати сказать, что пьянство в Древней Руси «было универсальным бытовым явлением». Страдало несдержанностью и духовенство. Б.А. Романов об-

ращает внимание на то, что «Заповеди митрополита Георгия» предусматривают и такой случай: «аще епископ упиется» — за это ему наказание — десятидневный пост. Зная эту всеобщую для древнерусского общества слабость, церковные иерархи проявляли особую заботу о том, чтобы по крайней мере духовенство ввело потребление спиртного в определенные рамки. Заботилась об этом и светская власть. Не являясь преступлением для мирянина, пьянство попов, чернецов и черниц согласно Уставу Ярослава подлежало митрополичьему суду (ст. 46). Однако церковные власти не ограничивались карательными мерами. Канонические ответы митрополита Иоанна II вполне допускают присутствие священника на мирском пиру, там он может свободно угощаться, однако в увеселениях — «игранье и плясанье и гуденье» участия не принимать, а встать и уйти, если остановить «безобразия» он не в силах, — то есть в «Ответах» давались определённые инструкции, как себя вести в щекотливых ситуациях.

Весь этот древнерусский материал оказался В. Мединскому неизвестен, и он «заткнул прореху» общим утверждением об отсутствии на Руси древних питейных традиций.

Материал XIV—XVII вв. известен автору разбираемого нами произведения лучше. Правда, в основном он читал свидетельства иностранцев о России. Наши собственные летописные источники остались для него по-прежнему малоизвестны. Но то, что есть, уже неплохо.

Общая мысль автора «Мифов о России» по поводу прочитанных им текстов заключается в том, что это все вранье. То есть, с точки зрения Мединского, эти-то свидетельства как раз и формировали мифы о России, которые он развенчивает.

Если б так, как говорится. Правда в том, что многие иностранцы и впрямь относились к России и русским не лучшим образом. Многие — прямо недоброжелательно (например, Джильс Флетчер). Однако не все. Кроме того, европейцы все-таки старались сохранять по мере сил и возможностей объективный взгляд, ведь целью их было — доставить соотечественникам достоверные сведения об отдалённой и неизвестной стране.

Они смотрели на российскую действительность взглядом натуралиста, изучающего насекомых. Без особой симпатии, с чисто научным интересом. Чувствовать себя насекомым под микроскопом неприятно, слов нет. Однако объявлять все их тексты злонамеренной выдумкой — ошибка. Иностранцы много не понимали, во многом их восприятие было обусловлено ошибочными стереотипами, но в целом в их сочинениях огромное количество ценной информации.

Не нужно думать, что специалисты-историки слепо верят (или не верят) каждому слову Сигизмунда Герберштейна или Адама Олеария. На это есть увлекающиеся дилетанты.

В. Мединский пишет: «Выясняя, правду или неправду писали о нас иноземцы, полезно посмотреть: а откуда, из каких стран они сами-то происходили. Странно, что русские исследователи не догадались этого сделать — ведь тогда очень многие вопросы снялись бы сами собой»

Странно, что сам Мединский не посмотрел работ историков — он бы увидел, что и происхождение, и политические пристрастия изучены и учтены. Посмотрел бы — *очень многие вопросы снялись бы сами собой.*

Дело историка как раз и заключается в том, чтобы каждое слово проверять. Вообще, работа историка

сродни работе следователя: «показания» источников сопоставляются, выявляются совпадения и противоречия, проверяется подлинность каждого документа, проверяется достоверность. С сочинениями иностранцев все «следственные действия» проводились с особой тщательностью. Немудрено — это знающие свидетели. И, дорогой читатель, доказано — достаточно правдивые.

Будем разбираться. В. Мединский считает наиболее доброжелательным наблюдателем английского моряка Ричарда Ченслора:

«Характерно, что один из самых «положительных» отзывов оставил моряк Ченслор. Он попал на Русь случайно, совершив великое и рискованное плавание по совершенно неизвестным морям. Это ведь совершенно не то, что ехать по дорогам Германии и Польши с пачкой дипломатических писем, поднося к носу надушенный платочек на постоянных дворах».

И что же читаем мы у доброжелательного англичанина?

Для начала вот: «...я думаю, что ни в одной стране не бывает такого пьянства». Ченслор замечает это между делом, не акцентируя. В целом его отзыв о нашей стране действительно восхищенный. Чем восхищается англичанин? Восхищение его на думающего человека производит ещё более тяжёлое впечатление, чем злобные выпады других иностранцев, того же Флетчера.

Ченслор восхищается тем, что русский народ удивительно, нечеловечески терпелив. Государь не снабжает свои войска провиантом? Ничего — воины едят овсяную муку, размешанную в холодной воде. Государь не позаботился о палатках, необходимых в походных условия? Ничего — русский воин разгребает снег и спит прямо так — прикрывшись войлоком у ко-

стра. Государь не платит никакого жалованья? Ничего — служат за свой счёт, поскольку это честь служить стране и государю. Не то английские ленивцы — норвоят улизнуть от службы. В России, если царь посылает на войну — это считается особым отличием.

Да если бы этих людей выучить «цивилизованным» методам войны, то не было бы сильнее державы в мире, — рассуждает английский капитан. Но никто пока не «растолковал» русскому царю, какие в его народе сокрыты возможности. Нет на то Божьей воли, — деликатно замечает Ченслор. Зато царь во время обеда три раза меняет короны: *«Перед обедом великий князь переменял корону, а во время обеда менял короны ещё два раза, так что в один день я видел три разные короны на его голове»*. Вот это шик, ничего не скажешь! Вот это державное величие! Солдаты зимой на снегу спят, зато у царя две специальные обеденные короны. Узнаваемая ситуация, правда?

«Я могу сравнить русских с молодым конем, который не знает своей силы и позволяет малому ребёнку управлять собою и вести себя на уздечке, несмотря на всю свою великую силу; а ведь если бы этот конь сознавал её, то с ним не справился бы ни ребёнок, ни взрослый человек» — таков вывод капитана Ричарда Ченслора.

По сравнению с наивными благожелательными восторгами Ченслора, желчные выпады другого англичанина, побывавшего в России чуть позже, Джильса Флетчера, выглядят даже как-то вяловато:

«Стол у них более нежели странен. Приступая к еде, они обыкновенно выпивают чарку, или небольшую чашку, водки (называемой русским вином), потом ничего не пьют до конца стола, но тут уже напиваются вдоволь и все вместе, целуя друг друга при каждом глотке, так что после обеда с ними нельзя

ни о чём говорить, и все отправляются на скамьи, чтобы соснуть, имея обыкновение отдыхать после обеда, так точно, как и ночью. Если наготовлено много разного кушанья, то подают сперва печенья (ибо жареного они употребляют мало), а потом похлебки. Напиваться допьяна каждый день в неделю у них дело весьма обыкновенное. Главный напиток их мёд, а люди победней пьют воду и жидкий напиток, называемый квасом, который (как мы сказали) есть не что иное, как вода, заквашенная с небольшою примесью солода».

В общем, все понятно: люди ели, пили, спали. С Джильсом общаться не хотели — он обижался. Да и в целом его дипломатическая миссия окончилась жестоким провалом — как тут не обидеться.

Труд Флетчера был тщательно изучен ещё в XIX в. проф. С.М. Середониным. Середонин отметил массу смешных несообразностей в его книге. Многое там англичанин передаёт с чужих слов, часто неверно понятых. Так, например, пишет, что лютой зимой на русские деревни нападают полчища медведей. Не знал, видимо, что медведи зимой спят. Середонин указывает и источник этой весёлой истории. Подобный случай описан у Герберштейна (о нем ещё будет речь). Но там речь идет о сбежавшем зимой цирковом медведе. Флетчер, читавший Герберштейна, видимо, «сильно по диагонали», этого не понял. И, в принципе, можно было бы наплюнуть на его произведение и забыть. Но Середонин отмечает, что в описании бытовых подробностей Флетчер довольно точен. Скажем, его описание русского костюма (детальное, с воспроизведением латинскими буквами русских названий предметов гардероба) полностью подтверждается сравнением с русскими документами (описями имущества). Более подробных описаний ни один иностранец не оставил.

Видимо, интересовался человек вопросами моды не шутя.

Вообще Флетчеру местные обычаи откровенно противны, но описывает он их вполне адекватно: и как питаются, как в бане парятся.

«Они ходят два или три раза в неделю в баню, которая служит им вместо всяких лекарств. <...> Вы нередко увидите, как они (для подкрепления тела) выбегают из бань в мыле и, дымясь от жару, как поросенок на вертеле, кидаются нагие в реку или окачиваются холодной водой, даже в самый сильный мороз». Забавно, что к частому мытью в банях гламурный англичанин относился тоже весьма неодобрительно: считал, что от этого портится цвет лица и сморщивается кожа. Относился неодобрительно, но описывал-то, в общем, как может видеть читатель, вполне точно. Все-таки выпускник Кембриджа, доктор права.

Но довольно об англичанах. Хотя их, побывавших в России, ещё немало осталось. Возьмемся за немцев. Отношение к ним В. Мединского несколько противоречиво. С одной стороны, он признает, что многие из них были вполне добросовестными писателями. С другой стороны, они тоже отнесены им к числу творцов «черного мифа». Как так?

Однако не будем отклоняться от темы. Пьянство.

В. Мединский пишет:

«О пьянстве русских байку пустили не немцы, — хотя бы потому, что пили столько же, если не больше, и примерно такие же напитки».

Все правильно — баек они не пускали. Не осуждали особенно, поскольку и сами с русскими угощались. Но, угостившись, с немецкой аккуратностью фиксировали это в своих путевых заметках, отдавая русским должное...

Среди немцев сам Мединский совершенно справедливо выделяет особенно основательных. Например, Адама Олеария, посетившего Россию в 30—40-х гг. XVII в., при первом Романове — Михаиле Федоровиче.

«Он обладал качествами, которыми не могли похвастаться иные творцы черных мифов: наблюдательностью, осторожностью, критичностью, тактом».

И что же пишет наблюдательный и тактичный немец о русских?

«Пьянству они преданы более, чем какой-либо народ в мире». И еще много чего «весёлого». Всё, что написал посол шлезвиг-голлштинского герцога, пересказывать не хочется — слишком ужасен его рассказ. Выдержка из него помещена в приложении к настоящей главе — ознакомьтесь сами.

Понятно, что иностранные послы вращались в специфическом обществе. Возможно, крестьянские массы жили по-другому и пили только по праздникам. Именно об этом свидетельствует один из первых авторов заметок о России XVI в. — немецкий дипломат Сигизмунд фон Герберштейн.

Но послы жили в городах, общались с представителями знати и высшего чиновничества. Атмосфера, которая царила среди этой публики, казалась им настоящим алкогольным адом. Особенно забавными выглядят жалобы шведского посла, посетившего Россию с дипломатической миссией в начале XVII в. Посла звали Пётр Петрей де Ерзелунда.

Для начала послов тщательно угощали за царским обедом. Причём специально прикомандированные приставы, говоря современным алкогольным жаргоном, «гнали» — часто пили за здоровье послов и заставляли есть и пить их самих. Видимо, «вместимость»

приставов существенно превосходила «вместимость» послов, поскольку им это угощение в конце концов переставало приносить радость, но отказаться было нельзя. Приставы не только поили, они ещё и следили за тем, чтобы послы «казались весёлыми», раз их жалуется сам Государь.

Поили послов мёдом. Пётр Петрей ценил качество этого напитка. Он писал, что мёд этот *«такой светлый и чистый, как лучшее рейнское вино и прозрачный хрусталь»*.

Однако угнаться в питии за русскими ему было не под силу.

Обед заканчивался около полуночи, но не заканчивался мёд.

В качестве прощального приветствия царь приказывал налить каждому послу по большому кубку самого крепкого мёда, который только находился в погребах. Каждый должен был выпить до дна. Причём царь за этим пристально следил. Приходилось пить.

Затем делегацию препровождают «с банкета в отель». Можно бы отдохнуть, но не тут-то было. Приставы сопровождают послов к месту их проживания. И не с пустыми руками! Специальный служитель доставляет приличный запас мёда и вина, и «банкет» продолжается далее.

Повествуя об этой гастрономической пытке, Петрей писал:

«Они считают для себя большою славою и честью, если могут напоить допьяна иностранцев: кто не пьёт лихо, тому нет места у русских. От того у них в употреблении и поговорка, когда кто на их пиру не хочет ни есть, ни пить, они говорят тогда: «Ты не ешь, не пьешь, не жалуешь меня» (вспомним sacramентальное «Ты меня уважаешь?» — В.Д.), — и очень недовольны теми, которые пьют не так много, как им хочется.

А если кто пьёт по их желанию, тому и они доброжелатели, и он их лучший приятель. Они не пьют за здоровье друг друга, но ставят перед каждым две или три чаши вдруг, и когда одна будет выпита, наливают её до полна опять и ставят перед тем, кто её выпил. То же соблюдается и со всеми гостями до тех пор, пока они не опьянеют».

Узнаваемая ситуация?

И это, как водится, тоже не конец.

Когда послы напивались окончательно и начинали недвусмысленно просить русских о пощаде, начиналось самое главное.

Вносится мёд, и иностранцам предлагают выпить за здоровье русского царя...

Серьёзная постановка вопроса: как ни муторно уже дипломатам — деваться некуда, как не выпить за царя? Пьют.

Потом им предлагают выпить за их собственного государя короля — тоже никак нельзя отказаться: пьют.

Послы в изнеможении, а русские довольны: *«Это делается с особенною торжественностью и обрядами, а именно: русские первые станут пить это здравие, выйдут на средину комнаты с чашами в руках, налитыми по края вином и мёдом, снимут шапки, пьют и желают своим обоюдным государям здравия и счастья, также победы и одоления их недругов, у которых чтобы не осталось во всем теле и столько крови, сколько капель остается в этих чашах, и опрокидывают чаши на головы. То же должны делать и послы и притом повторять слова русских, со всеми своими приставами и служителями».*

И вот иностранцы уже почти в коме, а русские, наконец, насытились. Могут и уйти. А могут и остаться. И тут иностранцам уже ничего не жалко: они одарива-

ют дьяка — распорядителя рейхсталерами, червонцами — лишь бы ушел.

Такая вот непростая штука — работа дипломатом в России по впечатлениям Петра Петрея. Заметьте, нигде не говорится, что русские напились до безобразного состояния. Но пьют много — и угощают щедро (чуть не до смерти). А на следующий день бояре (ехидные люди!) интересуются здоровьем послов.

На дорожку отбывающей дипломатической делегации дают в подарок несколько бочек мёду, пива и водки, и те *«берут всё это с собою в дорогу, потому что в городах и деревнях им нельзя будет достать никаких напитков такого качества, чтобы можно было их пить»*. Вот так-то: не хотели — не хотели, а гостинец-то с собой прихватили — понравилось.

Со времен Ивана Грозного государство начинает наживаться на страсти русского человека к выпивке. Появляются кабаки — питейные заведения, доход с которых так или иначе шёл государству.

Да и в более поздние времена государство не брезговало хмельными доходами. Частичка «пьяных» денег есть и в прекрасной архитектуре имперского Петербурга, и в великих стройках социализма, и в космических ракетах, бороздящих, как говорится, космические просторы. В кабаках пьянство приобретало уже прямо кошмарные формы. В них подавали не только мёд и вино, но и водку. Пьяницы пропивали в кабаке всё имущество — до последней одежды и нательного креста. Живописные зарисовки кабацкого быта можно найти у Олеария, но мы к нему возвращаться не будем (можно почитать самостоятельно).

Обратимся к русским источникам. А то в самом деле, может, оговаривали нас иностранцы. Придумывали, чего не было. Но есть, уважаемый читатель, и наши, русские источники на эту деликатную тему. И есть в изобилии.

В древнерусской литературе XVII в., в отличие от литературы более раннего времени, существенно больше внимания уделялось жизни простых людей. И если раньше описание повседневности обычного человека лишь изредка проникало на книжные страницы (вспомним «Поучение» епископа белгородского), то теперь материала становится в разы больше. Проблемы, связанные с пьянством, заняли в этой литературе подобающее место.

Только, конечно, характер этих текстов кардинально отличается от того, что писали иностранцы. Впрочем, основная разница, конечно, не в том, что описывается, а как описывается. Иностранные путешественники описывали, как на Руси пьют, или с нейтральной скрупулёзностью любопытствующего путешественника, или с высокомерным раздражением представителя «цивилизованной» нации. Для них это всё «местная экзотика».

В русских произведениях настрой совсем иной: горькая самоирония, самоубийственная удаль и, конечно же, некоторая доля самооправдания.

Обречённость и самоуничижительная ирония читается в знаменитой «Службе кабаку» — сатирическом произведении XVII в. Текст этого памятника пародирует церковную службу, обряд которой был хорошо знаком современникам. Тем смешнее было видеть в канве знакомых высоких церковных оборотов неприглядную жизнь горького пьяницы.

Как начинается, согласно «Службе», карьера пьяницы, «пития наука» в XVII в.? Да, в общем, так же, как сейчас. Сначала неволей принуждают родители или близкие человека выпить. Потом, на следующий день, так же неволей вынуждают опохмелиться, а там, глядишь — и вошёл во вкус. Уже и уговаривать не нужно. Раньше, бывало, в гости звали, а он не

шёл — на него сердились. А теперь и не зовут — всё равно идёт, и даже если оговорят — будто и не слышит: лишь бы выпить.

Далее следуют горестные «зарисовки» жизни пьяницы: днём он спит, как нетопырь (летучая мышь), или как пёс, свернувшись за печкой, а как ночь, ищет, где бы и на какие деньги выпить. И бьют его, и презирают — но не может пьяница от обычая своего пагубного отречься. Сам как крапива — кто не подружится с пьяницей, тот охнет. И как бы ни страдал пьяница от побоев («поушников»), ни от презрения, ни от нищеты — всё равно готов ради выпивки на всё — и на грабёж, и на убийство, готов лебезить перед тем, кто может напоить.

Дом пьяницы пустеет. Жена встречает бранью: «И я, и дети целый день не ели, а ты всё пьёшь...» Но пьянице всё равно — он последнее в кабаке тащит, а потом ещё и хвастает: «Нынче так пьян был, что не помню, как из кабака меня увели, в кошельке денег было десять алтын — а посмотрел — нет ничего — всё вычистили. И рассказывали ещё, что в пьяном виде со многими ругался, а с некоторыми даже дрался. А я этого не помню ничего».

Другой пьяница ему хвастливо отвечает: «А я ещё пьянее тебя был! Весь в кале перемазался да и уснул, не дойдя до выхода. Потом проснулся, пошёл в полночь на речку мыться».

Тут и третий подключается: «Нет, это я был вас всех пьянее: пришел домой, жену побил, детей разогнал, чашки все перебил — и теперь ни пить не из чего, ни есть, а новые купить не на что...»

И много там ещё всего грустного.

Но были повеселее тексты. В плане самооправдания самое, пожалуй, забавное произведение — это «Повесть о Бражнике», датируемая серединой XVII в.

Главный герой, понятное дело, бражник — то есть пьяница. Но не совсем обычный. Пил он каждый день (в этом смысле ничего необычного в нём не было), но каждую выпитую чашу сопровождал прославлением Бога. Кроме того, бывало, и ночью молился.

И вот настал его смертный час. Бог послал за его душой ангела, который выполнил свою задачу несколько халтурно — донёс бражника до ворот рая, оставил там и исчез.

Ну, чего ж делать. Начал наш пьяница стучаться в ворота рая. На стук к нему, как полагается, вышел апостол Пётр и спросил, кто там стучится. Бражник отрекомендовался предельно просто: «Азь есмь грешный человек бражник, хочу с вами в раю быть». — «Пьяницам вход воспрещён», — тут же ответил Пётр.

Думаете, наш пьяница грустно побрёл прочь после столь решительного отказа? А вот и нет. Он поинтересовался, кто с ним говорит, и когда узнал, что с ним говорит апостол Пётр, заметил, что Пётр-то, когда Христа взяли на распятие, три раза от него отрёкся. А он, пьяница, никогда от Христа не отрекался: «Так почему ты, Пётр, в раю живёшь, а мне нельзя?» Пётр не нашёлся что ответить и, пристыженный, отошёл. Но дверей не открыл.

Нахальный пьяница принялся долбиться в ворота дальше.

К воротам подошел апостол Павел и спросил: «Кто там у ворот толкается (стучится)?» Пьяница снова предельно ясно изложил свои намерения: «Азь есмь бражник, хочу с вами в раю жить!» И получил снова тот же самый ответ: «Бражникам вход воспрещён».

И опять пьяница не смутился и поинтересовался, с кем он сейчас разговаривает. Апостол Павел представился. Тут наш герой опять блеснул богословской

подготовкой: укорил Павла в том, что тот участвовал в казни первосвященника Стефана. «А я, пьяница, никого не убил!» — с чувством собственного достоинства возгласил бражник. Апостолу Павлу крыть было нечем, и он удалился.

А пьяница снова начал колотить в дверь...

Подошёл царь Давид и после диалога, аналогичного уже пересказанным, был укорён в убийстве своего слуги Урия и сожительстве с его женой. Ушёл, конечно, посрамлённый.

Затем последовал диалог с другим библейским царём — Соломоном. У того список грехов оказался ещё более внушительным: и идолам поклонялся, и по женской части был слаб. А бражник-то пить пил, но Бога Единого всю жизнь славил, идолам не поклонялся. Так почему же Соломон его в рай не пускает? Отпал и Соломон.

Бражник продолжил колотить в дверь.

Вышел святитель Николай Мирликийский (особо почитаемый на Руси как Никола Угодник, а на Западе как Санта Клаус). Понятно, что и Николай оказался не безгрешен: на вселенском Никейском соборе в 325 г. дал по морде александрийскому священнику Арию, которого считал еретиком. Прилично ли Санта Клаусу драться? Ушел, стыдись...

И вот, наконец, вышел к настырному бражнику сам апостол Иоанн, любимый ученик Христа, автор одного из Евангелий и Апокалипсиса, и ещё раз внятно объяснил, что «ПЬЯНИЦАМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН!!!»

Его бражник «поймал» элегантней всего. «А ведь вы с Лукой (другим евангелистом) написали в Евангелии: «друг друга нужно любить, Бог всех любит», а я вот пришёл, а вы меня не любите — не пускаете. Либо давай пускай, либо Евангелие переписывай!»

Ну что тут поделаешь, в самом деле не переписывать же Евангелие ради одного пьяницы.

И сказал апостол Иоанн: «Наш ты человек, бражник! Заходи!» И открыл ворота.

Думаете, обрадованный пьяница скромно вошёл и сел в уголочке? Нет, он гордо прошествовал к лучшему месту и там уселся. Святые отцы подивились такой наглости: «Чего это, — спрашивают, — бражник, ты не только в рай вошёл, но и на лучшем месте устроился? Мы сами к этому месту подступить не смели!» «Эх, святые отцы, — ответил бражник, — да вы же с пьяницей нормально поговорить не смогли, не то что с трезвым». Святые отцы и в этот раз не смогли не признать его правоту и оставили сидеть на почётном месте.

На этой позитивной ноте, пожалуй, стоит закончить.

Роль и место алкоголя в русской повседневности всегда были велики. И неоднозначны. Немало горя принёс алкоголь, но и веселья немало. Главное правило, которым руководствовались наши предки для сохранения морального и физического здоровья, вполне относится и к алкоголю. Наиболее четко оно сформулировано в «Поучении Моисея о безвременном пьянстве»:

«Бог вложил человеку любое желанье духовных и плотских поступков: сну своё время и мера, желанию пищи и время, и мера, и питью свой срок и умеренность, потребности в женщине время и мера, — стоит ли дальше слова продолжать? Любому желанию время и мера назначены живущему в вере одной, в христианстве. Но если же все те желанья исполнить кто хочет без меры и времени — грех будет в душе, а в теле недуг». Всё хорошо в меру!

Адам Олеарий

«ОПИСАНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ГОЛШТИНСКОГО
ПОСОЛЬСТВА В МОСКОВИЮ И ПЕРСИЮ»

(фрагмент)

«Они сняли с себя всякий стыд и всякое стеснение», — говорит многократно уже называвшийся нами датский дворянин Иаков. Мы сами несколько раз видели в Москве, как мужчины и женщины выходили прохладиться из простых бань, и голые, как их Бог создал, подходили к нам и обращались к нашей молодёжи на ломаном немецком языке с безнравственными речами. К подобной распутной наглости побуждает их сильно и праздность; ежедневно многие сотни их можно видеть стоящими праздно или гуляющими на рынке или в Кремле. Ведь и пьянству они преданы более, чем какой-либо народ в мире. «Брюхо, налитое вином, быстро устремляется на вожделение», — сказал Иероним. Напившись вина паче меры, они, как необузданные животные, устремляются туда, куда их увлекает распутная страсть. Я припоминаю по этому поводу, что рассказывал мне великокняжеский переводчик в Великом Новгороде: «Ежегодно в Новгороде устраивается паломничество. В это время кабатчик, основываясь на полученном им за деньги разрешении митрополита, устраивает перед кабаком несколько палаток, к которым немедленно же, с самого рассвета, собираются чужие паломники и паломницы, а также и местные жители, чтобы до богослужения перехватить несколько чарок водки. Многие из них остаются и в течение всего дня и топят в вине своё паломническое благочестивое настроение. В один из подобных дней случилось, что пьяная женщина вышла из кабака, упала на улицу и заснула. Другой пьяный русский,

проходя мимо и увидя женщину, которая лежала оголённая, распалился распутною страстью и прилёг к ней, не глядя на то, что это было среди бела дня и на людной улице. Он и остался лежать с нею и тут же заснул. Много молодёжи собралось в кружок у этой пары животных и долгое время смеялись и забавлялись по поводу их, пока не подошёл старик, накинувший на них кафтан и прикрывший этим их срам».

Порок пьянства так распространён у этого народа во всех сословиях, как у духовных, так и у светских лиц, у высоких и низких, мужчин и женщин, молодых и старых, что, если на улицах видишь лежащих там и валяющихся в грязи пьяных, то не обращаешь внимания; до того всё это обыденно. Если какой-либо возчик встречает подобных пьяных свиней, ему лично известных, то он их кидает в свою повозку и везёт домой, где получает плату за проезд. Никто из них никогда не упустит случая, чтобы выпить или хорошенько напиться, когда бы, где бы и при каких обстоятельствах это ни было; пьют при этом чаще всего водку. Поэтому и при приходе в гости и при свиданиях первым знаком почёта, который кому-либо оказывается, является то, что ему подносят одну или несколько «чарок вина», т. е. водки; при этом простой народ, рабы и крестьяне до того твёрдо соблюдают обычай, что если такой человек получит из рук знатного чарку и в третий, в четвёртый раз и ещё чаще, он продолжает выпивать их в твёрдой уверенности, что он не смеет отказаться, — пока не упадёт на землю и — в иных случаях — не испустит душу вместе с выпивкою; подобного рода случаи встречались и в наше время, так как наши люди очень уже щедры были с русскими и их усиленно потчевали. Не только простонародье, говорю я, но и знатные вельможи, даже царские великие послы, которые должны бы были соблюдать высокую честь сво-

его государя в чужих странах, не знают меры, когда перед ними ставятся крепкие напитки; напротив, если напиток хоть сколько-нибудь им нравится, они льют его в себя как воду до тех пор, пока не начнут вести себя подобно лишённому разума и пока их не поднимешь порою уже мёртвыми. Подобного рода случай произошёл в 1608 г. с великим послом, который отправлен был к его величеству королю шведскому Карлу IX. Он так напился самой крепкой водки — несмотря на то, что его предупреждали о её огненной силе, — что в тот день, когда его нужно было вести к аудиенции, оказался мёртвым в постели.

В наше время повсеместно находились открытые кабаки и шинки, в которые каждый, кто бы ни захотел, мог зайти и пить за свои деньги. Тогда простонародье несло в кабаки всё, что у него было, и сидело в них до тех пор, пока, после опорожнения кошелька, и одежда и даже сорочки снимались и отдавались хозяину; после этого голые, в чём мать родила, отправлялись домой. Когда я в 1643 г. в Новгороде остановился в любекском дворе, недалеко от кабака, я видел, как подобная спившаяся и голая братия выходила из кабака: иные без шапок, иные без сапог и чулок, иные в одних сорочках. Между прочим, вышел из кабака и мужчина, который раньше пропил кафтан и выходил в сорочке; когда ему повстречался приятель, направлявшийся в тот же кабак, он опять вернулся обратно. Через несколько часов он вышел без сорочки, с одной лишь парой подштанников на теле. Я велел ему крикнуть: «Куда же делась его сорочка? Кто его так обобрал?», на это он, с обычным их: «б т... м.ть», отвечал: «Это сделал кабатчик; ну, а где остались кафтан и сорочка, туда пусть идут и штаны». При этих словах он вернулся в кабак, вышел потом оттуда совершенно голый, взял горсть собачьей ромашки, росшей ря-

дом с кабаком, и, держа её перед срамными частями, весело и с песнями направился домой. Правда, в последнее время такие простонародные кабаки, принадлежавшие частью царю, частью боярам, упразднены, потому что они отвлекали людей от работы и давали только возможность пропивать заработанные деньги; теперь никто уже не может получить за 2 или 3 копейки, шиллинга или гроша — водки. Вместо этого его царское величество велел устроить в каждом городе лишь один кружечный двор или дом, откуда вино выдается только кружками или целыми кувшинами, для заведывания дворами поставлены лица, принесшие особую присягу и ежегодно доставляющие невероятную сумму денег в казну его царского величества. Ежедневного пьянства, однако, эта мера почти не прекратила, так как несколько соседей складываются, посылают за кувшином или более и расходятся не раньше, как выпьют всё до дна; при этом часто они падают один рядом с другим. Некоторые также закупают в больших количествах, а от себя тайно продают в чарках. Поэтому, правда, уже не видно такого количества голых, но бродят и валяются немногим меньше пьяных.

Женщины не считают для себя стыдом напиваться и падать рядом с мужчинами. В Нарве я из моего места остановки у Нигоффского дома видел много забавного в этом отношении. Несколько русских женщин как-то пришли на пиршество к своим мужьям, присели вместе с ними и здорово вместе выпивали. Когда, достаточно напившись, мужчины захотели идти домой, женщины воспротивились этому, и хотя им и были за это даны пощечины, все-таки не удалось их побудить встать. Когда теперь, наконец, мужчины упали на землю и заснули, то женщины сели верхом на мужчин и до тех пор угощали друг друга водкою, пока и сами не напились мертвецки.

Наш хозяин в Нарве Иаков фон Кёллен рассказывал: «Подобная же комедия разыгралась на его свадьбе: пьяные мужчины сначала отколотили своих жён безо всякой причины, но потом перепились вместе с ними. Наконец, женщины, сидя на своих заснувших мужьях, так долго ещё угощались одна перед другою, что, в конце концов, свалились рядом с мужчинами и вместе заснули». Какая опасность и какое крушение при подобных обстоятельствах жизни претерпеваются честью и целомудрием, легко себе представить.

Я сказал, что духовные лица не стремятся к тому, чтобы быть свободными от этого порока. Так же легко встретить пьяного попа и монаха, как и пьяного мужика. Хотя ни в одном монастыре не пьют ни вина, ни водки, ни мёда, ни крепкого пива, а пьют лишь квас, т. е. слабое пиво, или кофент, тем не менее монахи, выходя из монастырей и находясь в гостях у добрых друзей, считают себя вправе не только не отказываться от хорошей выпивки, но даже и сами требуют таковой и жадно пьют, наслаждаясь этим до того, что их только по одежде можно отличить от пьяниц мирян.

Когда мы, в составе второго посольства, проезжали через Великий Новгород, я однажды видел, как священник в одном кафтане или нижнем платье (верхнее, вероятно, им было заложено в кабаке) шатался по улицам. Когда он подошёл к моему помещению, он, по русскому обычаю, думал благословить стрельцов, стоявших на страже. Когда он протянул руку и захотел несколько наклониться, голова его отяжелела и он упал в грязь. Так как стрельцы опять подняли его, то он их все-таки благословил выпачканными в грязи пальцами. Подобные зрелища можно наблюдать ежедневно, и поэтому никто из русских им не удивляется.

«СЛУЖБА» КАБАКУ»

(фрагмент)

З а п е в. Да уповает пропоица на корчме испити лохом, а иное и своему достанетца.

В три дня очистился еси до нага, якоже есть написано: пьяницы царствия Божия не наследят. Без воды на суше тонет; был со всем, а стал ни с чем. Перстни, человекче, на руке мешают, ногавицы тяжело носить. портки на пиво меняешь; пьёшь с красой, а проспишься с позором, воротишь в густую, всякому велишь пйтии, а завтреи и самому будет просити, проспишься —хватишься.

С т и х. И той избавит тя до нага от всего платья, пропил на кабаке с увечьем.

Три дни испил еси, безо всего имения стал еси, доспе мя еси похмельныя болезни и похмелья. На три дни купил еси, рукоделие заложил еси и около кабака часто ходил извыкл еси, и гледети прилежно ис чужих рук извыкл еси. Гледение лихое пуще прошения бывает.

С т и х. Хвалят пропоицу, как у него в руках видят.

Бубенная стукота созывает пьющих на шалное дуровство, велит нам нищеты ярем восприятии, глаголе винопицам: придите, возвеселимся, вмале сотворим с плечь возношение платью нашему, на вине пропивание, се бо нам свет приносит наготы, а гладу время приближается.

С т и х. Яко утвердися на кабаке птючи, голым г... сажу с полатей мести во веки.

Кто ли, пропився до нага, не помянет тебя, кабатче непотребнее? Како ли кто не воздохнёт: во многия времена собираемо богатство, а в един час всё погибе?

Каеты много, а воротить нельзя. Кто ли про тебя не молвит, кабаче непотребнее, да лишитца не мочи?

Слава и ныне сипавая с позоры.

Список литературы:

- Адам Олеарий*. Описание путешествия в Московию. М.: Русич, 2003. (<http://www.vostlit.info>)
- Алмазов А.* Тайная исповедь в православной восточной церкви. Опыт внешней истории. Т. III. Приложения. Одесса: Типолитография Одесского военного округа. 1894. IV—VIII; 296; 89; I—XVI с.
- Былины / Сост., вступ. ст. вводные тексты В.И. Калугина. М.: Современник, 1991. 767 с.
- Былины Севера. Т. II. Прионежье, Пинега и Поморье / Подготовка текста и комментарии А.М. Астаховой. М.; Л., 1951. 846 с.
- Герберштейн Сигизмунд*. Записки о Московии. М.: МГУ, 1988. (<http://www.vostlit.info>)
- Изборник 1076 года / Под ред. С.И. Коткова. М.: Наука, 1965. 1091 с.
- Канонические ответы митрополита Иоанна II (Иоана, митрополита руськаго, нариченнаго пророкомъ Христовымъ, написавшаго правила церковныя отъ святыхъ книгъ въ кратце Якову черноризьцю) // РИБ. Памятники древнерусского канонического права. (Памятники XI — XV вв.) СПб., 1906. Т. 6. Ч. 1. С. 1—20.
- О начале войн и смут в Московии. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. (<http://www.vostlit.info>)
- ПВЛ (Подготовка текста, перевод и комментарии О.В. Творогова) // БЛДР. Т. 1. XI — XII века. СПб.: Наука, 1997. С. 62—315.
- Повесть о бражнике // Памятники литературы Древней Руси. XVII в. Кн. 2. М.: Художественная литература, 1989. С. 222 — 225.
- Поучение Владимира Мономаха // БЛДР. Т. 1. XI — XII века. СПб.: Наука, 1997. С. 456—475.

- Поучение епископа Ильи (1155 г. марта 13. Поучение новгородского архиепископа Ильи (Иоанна) // РИБ. Памятники древнерусского канонического права. (Памятники XI — XV вв.) СПб., 1906. Т. 6. Ч. 1. Приложения. С. 348—374.
- Поучение Моисея о безвременьем пьянстве // БЛДР. Т. 4. XII век. СПб.: Наука, 1997. С. 284—285.
- Поучение философа, епископа белгородского. Поучения к простой чади // БЛДР. Т. 4. XII век. СПб.: Наука, 1997. С. 286 — 291.
- Романов Б.А.* Люди и нравы Древней Руси // От Корсуня до Калки. М., 1990.
- Середонин С.М.* Сочинение Джильса Флетчера «Of The Russe Common Wealth» как исторический источник. СПб., 1891. 395 с.
- «Служба» кабаку // Памятники литературы Древней Руси. XVII в. Кн. 2. М.: Художественная литература, 1989. С. 196—211.
- Устав новгородского князя Всеволода Мстиславича купеческой организации церкви Ивана на Опоках // Древнерусские княжеские уставы XI — XV вв. М., 1976. С. 158 — 165.
- Устав Ярослава // Древнерусские княжеские уставы XI — XV вв. М., 1976. С. 86—91.

Андрей Буровский

Розовые мифы Владимира Мединского

Мы русские! Какой восторг!

Граф А.Н. Суворов

*Идут славянофилы и нигилисты,
У тех и других ногти нечисты.*

И хотя они расходятся в теории

вероятности,

Но зато сходятся в неопрятности.

И потому нет ничего слюнявее

и плюгавее

Русского безбожия и православия.

Граф А.К. Толстой

По нашим временам тиражи в сто пятьдесят тысяч экземпляров — редкая и ценная удача. Трехтомник Владимира Ростиславовича Мединского ухитрился превзойти эти цифры. Причём книга ведь не о приключениях гламурных красоток. Она даже не о том, как миллионер спёр миллиард и в одночасье сделался миллиардером. Книга об исторических мифах. За какой-то год — три книги, потом переиздававшиеся много раз, в разных обложках:

1) *Мединский В.Р.* Миф о русском пьянстве, лени и жестокости. М.: Олма-пресс, 2008;

2) *Мединский В.Р.* О русском рабстве, грязи и тюрьме народов. М.: Олма-пресс, 2008;

3) *Мединский В.Р.* О русском воровстве, особом пути и долготерпении. М.: Олма-пресс, 2008.

Стоило им выйти — и вокруг книг завертелся самый настоящий смерч! Возник скандал, в самом хорошем смысле слова. Такой скандал очень любят все: и читатели, и писатели, и издатели. Благодаря таким «скандалам» и выходят книги миллионными тиражами, после чего держатся на рынке по нескольку лет.

Так скандален Виктор Суворов. Так скандален Александр Бушков. Молодцы!

Писать об этих книгах мне и легко, потому что я был их научным редактором, а многие факты извлечены непосредственно из моих книг. И трудно ...по той же причине.

Начну с того, что книги очень хорошо написаны. Вот чему завидую белой завистью — так это слогу Мединского. Любые факты он умеет представить ИНТЕРЕСНО, легко и весело. Любым событиям умеет найти современные аналогии. Видимо, сказывается профессиональная подготовка журналиста.

Слог и стиль — это первая составляющая успеха. И главная. Вторая составляющая — это сама тема. Мифы о России — тема книг и Александра Горянина¹, и одной из моих книг². Но вот тех тиражей у нас нет... Да и куда там! Мединский оказался лучшим писателем. О том же самом он пишет лучше, вот и всё.

Но и тема важна. Писать о мифах о России своевременно по крайней мере по двум причинам:

1) Эти мифы смертельно надоели всем россиянам, не пропивших мозгов и не потерявших способности мыслить в идеологических баталиях. Действительно, ну сколько можно твердить, что Россия — мрачное исключение из правила, что в ней всё и всегда было плохо, что русские — сборище агрессивных тупых дикарей?

¹ Горянин А. Дух нации и мифы о России. М., 2003.

² Буровский А.М. Россия будущего. М., 2009.

Критическое отношение к самим себе — очень привлекательное качество, но разумную меру самокритики мы превзошли давным-давно, регулярно впадая в самый натуральный мазохизм. Ну сколько можно?! Надоело уже...

2) Эти мифы невероятно мешают, буквально выбивая из рук и мастеров строителя, и штурвал самолета. По гениальной формуле Мединского, «попробуйте построить дорогу, если вы точно знаете, что в России не бывает и не может быть хороших дорог?».

Действительно — как?!

Я совершенно согласен с Владимиром Мединским в том, что

1) Историческое сознание людей мифологично по определению.

2) Исторические мифы живут собственной жизнью, определяя отношение людей к их истории, в конечном счете — и к самим себе. Они — самостоятельный фактор истории и политики.

3) Чёрные мифы о России изначально созданы нашими врагами в политических целях. И Стефан Баторий, при всём своём рыцарстве, таскал за собой целую типографию: писать о скотстве москвитов, преувеличивать свои подвиги и широко сообщать в Европе и о том, и о другом. И Наполеон не только использовал уже существующие мифы о России, но и сам творил легенды в невероятном количестве. Одна история про «Завещание Петра Великого» чего стоит! Легенда о «Завещании...» призывающем завоевать всю Европу, была сочинена польскими эмигрантами...

4) Внутри самой России черные мифы о ней подхвачены малочисленным, в основном столичным, но притом очень горластым слоем так называемой интеллигенции.

В отношении к этой публике мы с Владимиром Ростиславовичем расходимся мало. Но положение

публичного политика накладывает ограничения... Приходится всех понимать и всех любить, оставаться всегда приличным, стараться никого не обижать. В результате В. Мединский не сказал многого, на что имел все основания.

Мне проще! Я не связан правилами публичности, я могу называть кошку кошкой, а дурака — дураком.

А кроме того, есть у нас с Владимиром Ростиславовичем и две точки несоприкосновения... Мединский конечно, даже не пытается спрашивать: а может, для черных мифов о России есть хоть какие-то основания? И зря...

А кроме того:

1) Он ничего не писал о мифах, которые сочинялись в России о других странах и народах. Мог и не писать, поскольку книга «Мифы о России»? Формально — мог, но в результате получается в духе «оборонного сознания», о котором хорошо пишет Д. Верхотуров¹: все русских обидеть норовят, сами же русские необычайно милы. Всегда хотели другим только хорошего. Ну, и храбрые очень, конечно.

Вопрос же совсем простой — а «вдруг» в России циркулируют мифы о других государствах? А вдруг их сочинили из какой-то политической потребности?! А «вдруг» внутри этих стран есть своя «пятая колонна», которой выгодны такого рода мифы о самих себе?

Словом — а что, если у других народов и в других странах — всё как у нас? Или почти всё? А мы сами выступаем в точно такой же роли вралей и клеветников, как все остальные?

А то ведь ходят по России не только байки про запойных русских бездельников, но и про тупых высо-

¹ *Верхотуров Д.Н.* Идея сибирской самостоятельности вчера и сегодня. М.: АСТ; Красноярск АБУ; Владимир: ВКТ, 2009.

комерных британцев, про французов-лягушатников, про злобную татарву и немцев-садистов. Как с ними быть?

2) Мединский считает, что всякий «положительный миф» о России — это хорошо. Такой миф укрепляет волю к жизни, помогает противопоставить себя врагам, утверждает в позитивном мировоззрении...

Но как быть с мифами сиропно-розовыми? С мифами, несущими о самих себе идиотически-восторженное представление? Как быть со сказками о милейших и добрейших русских, которые всегда несли всем окружающим только хорошее?

Такие мифы неизбежно циркулируют по всем народам и странам — с той же неотвратимостью стихии, что и чёрные мифы разрушения.

Но давайте последовательно: и о том, в чём же глубоко прав Мединский, и что он от нас утаил.

Среди исторических мифов

Исторические факты волнуют людей меньше, чем исторические мифы. Факты ведь вообще дело скучное, для абсолютного большинства людей история осмысливается как миф. И не только история, а вообще все на свете. Даже само устройство мироздания осмысливается как миф.

Птолемей полагал, что в центре Вселенной находится Земля, вокруг которой вращается Солнце. Коперник считал, что в центре Вселенной находится Солнце, а Земля вращается вокруг Солнца. А Фридман показал, что и Солнце и Земля — части вечной бесконечной Вселенной, которая расширяется уже 18 миллиардов лет.

Но всё это — вовсе не мифы, а научные модели. Модель Птолемея позволяла понимать устройство

Вселенной хуже, чем модель Коперника, но обе они сами по себе не несли в себе эмоции. Мир устроен вот так-то — и всё. Ну, и что должен делать школьник с такими моделями? Хоть с моделью Земли-лепешки, стоящей на спинах слонов, хоть с моделью вечной и бесконечной Вселенной?

А ничего. С фактами ничего делать нельзя, кроме как учить их, исследовать и запоминать.

«Зато» эти скучные факты можно превращать в мифы — и вот тогда-то всё становится совершенно замечательно. Можно, например, рассказать, что беднягу Коперника чуть не спалили живьем инквизиторы, потому что якобы католическая Церковь требовала верить в плоскую Землю, и убивала за веру в шарообразность Земли. Само по себе это полная ахиня, которую и вслух произнести не всякому позволит совесть.

И не была никогда шарообразность Земли какой-то запретной идеей.

И не было в Польше инквизиции — никакой, никогда.

И был Коперник католическим священником.

И покровительствовал ему сам Папа римский.

И вообще был Коперник очень практичным, приспособленным к жизни человеком.

Но «зато» расскажешь сказку про милого нескладного ученого чудака-Коперника, расскажешь, как его преследуют злые попы, — и возникает миф! Тёплый, уютный миф, в котором есть «свои» и «чужие», есть за кого переживать и на кого негодовать.

Конечно, Коперник не особенно удачный персонаж для мифологии... Но где-то рядом стоит Галилео Галилей. Модно ведь и «не знать», что пострадал он вовсе не из-за шарообразности Земли, а из-за интриг в Ватикане — в каких интригах с упоением участ-

вовал, да проиграл. Главное — пострадал... Публично отрекался от своего еретического учения — было дело?! Если верить легенде, встав с колен, крикнул: «А всё-таки она вертится!» Вот это миф! Вот это легендища! В таком мифе появляется уже всё необходимое, чтобы использовать его и для строительства своей собственной жизни, и для политических целей. Причём использовать совершенно независимо от того, кто или что, зачем и почему и вокруг кого или чего вертится. Тут трагедия ученого, затравленного серыми умами, понимаешь!

Вот и стихотворение Евгения Евтушенко:

Учёный, сверстник Галилея,
Был Галилея не глупее.
Он знал, что вертится Земля,
Но у него была семья.

А?! Каково?! С помощью такой формулы можно ведь и собственную мелкотравчатую подловатость на сто рядов оправдать. Солженицын призывает «жить не по лжи»... Идти на «открытое партийное собрание» смерть как не хочется — да и попросту лень... А тут ему, занюханному младшему научному сотруднику, подкидывают замечательную идею, с опорой на миф про Галилея...

...«Но у него была семья...» — бормочет стёртый жизнью человечиска и покорно топает на «открытое партийное». Как Галилей. Присоединяясь к великану науки...

Вот это — да! Вот это — астрономия! Вот это — «историческое знание»!

А то что — какие-то скучные светила... Какие-то математические формулы... Какие то тоскливые, совершенно не назидательные знания, что никто Галилея и не думал преследовать...

Научное знание — безличностно.

Миф заставляет лично «присоединяться» к чему-то.

Миф включает в себя и эмоции.

К счастью для народных масс, устройство мироздания давно осмыслено в виде мифов.

Например, в Книге Бытия, которой начинается Библия, не только описано, как именно Бог создал мир, но и сказано вполне определенно: «И увидел Бог, что это хорошо»¹. Вот это уже миф!

Миф — это и объяснение мира, и отношение к миру. Это и знание, и эмоция вместе. Мифы нужны даже для создания образа Вселенной: а ведь движения космических объектов предельно далеки от интересов людей. Казалось бы — ну на кой бес нам эмоции по этому поводу?

В отличие от вращения Галактики, история стран и народов имеет самое прямое отношение к жизни отдельных людей. Особенно история стран и народов, которые существуют сейчас. Историю Рима и то трудно писать «чисто научно», но это хоть в какой-то степени возможно. «Чисто научную» историю Германии, Британии и России написать практически невозможно.

Историческое сознание человека мифологично. Всегда и везде, при всех социально-экономических формациях, люди нуждаются не только в описании истории и в её понимании. Я бы даже сказал — люди меньше всего нуждаются в строго научном понимании. Научное знание и объективное понимание много чего может показать такого, что народным массам знать совершенно не хочется: ни о себе, ни о соседях.

¹ Библия. Книги Священного Писания и Ветхого Завета. Канонические. М.: Российское библейское общество, 1997. С.7.

Напомни большинству вчерашних советских людей о геноциде финнов на Карельском перешейке в 1941 году — и он вам тут же выкатит кучу дичайших предрассудков, вроде бы «исторических», а по сути — нелепо искаженных фактов, вполне бредовых оценок, даже расистского свойства. Цель этого бреда — любой ценой оправдать если не лично товарища Сталина, то уж точно — Красную Армию и весь советский народ.

Нет-нет!!! Красная Армия никогда не совершала военных преступлений!

Что? Скелеты в болотах? Бутылочки из-под молока и детские скелетики? Снесенные артиллерией хутора, а в их развалинах — фрагменты человеческих костей?

Так ведь неизвестно ещё, чьи это скелеты в болотах, какого времени... Бутылочки для молока? Их подбросили! А чьи осколки снарядов? Точно советские? Может, это сами же буйнопомешанные финны лупили по собственным хуторам?! Причём из пушек советских калибров и снарядами советского производства?! А то народ-то эти финны такой... сомнительный народец, жестокий...

И вообще финны напали первыми! Вот! И вообще — за ними же ещё стояла Германия! Раз Германия, то не могли же мы... И дальше человек выплёскивает ещё поток бреда на пять страниц.

Откуда бред? От того, что произносится короткое слово «мы». Произнеся его, человек, во-первых, присоединяется к одной из исторических сил. Само присоединение к сталинской Красной Армии бородатенького московского интеллигента с нательным крестом и локонами до плеч радует необычайно. Приятно думать, что, появившись он в расположении Красной Армии 1940 года, не сносить бы головы этому «мыкающему» чуду в перьях.

Во-вторых, произнеся «мы», человек обретает «своих» и «чужих» в любом нужном историческом периоде.

Найти нужные силы «своих» и «чужих» в природе сложно, но если постараться — получается. Животные и даже геологические процессы могут быть «вредными» и «полезными», а значит, можно быть «за них» или «против них».

Изучение наук тем более можно представить как борьбу «своих» и «чужих», «хороших» с «плохими». Как в случае с Коперником и Галилеем.

Люди не хотят знать историю. Факты им глубоко безразличны. Но люди нуждаются в совместном эмоциональном переживании истории. В общем чувстве, общей оценке того, что хорошо и что плохо.

«Человек не в силах вынести, что он предоставлен собственным силам, что он должен сам придать смысл жизни, а не получить его от какой-то высшей силы, поэтому людям нужны идолы и мифы», — писал Эрик Фромм.

Вот! Законы эволюции Вселенной — сила безличная. Смысла жизни ни в их познании, ни в следовании им не проистекает ни малейшего. А вот борьба за то, что «она все равно вертится!» Тут возможностей хоть отбавляй.

...И сказал интеллигент с московской кухни, что это хорошо.

Ещё короче и жёстче определил ситуацию современный социальный психолог Серж Московичи: «Массы не могут жить под открытым небом»¹.

Миф что делает? Он использует факты и вроде бы с их помощью включает одинокого человека в историческую общность «своих». Миф делает тёплой и

¹ *Московичи С. Век толп. М., 1996. С. 419.*

душевной жизнь — без мифов беспощадно-холодную. Миф включает человека в мир высших предначертаний и тем придает смысл исходно бессмысленному существованию.

Никакая научная истина в истории сама по себе никогда не станет широко известной «народным массам», не ляжет в основу поведения государственных деятелей, не войдет в учебные пособия.

Это произойдет, если научная истина хоть немного, но превратится в миф. То есть будет изгажена, искажена, полупридумана, но «зато» красиво ляжет на общественное и личное сознание. Скажу даже больше — научная истина для массового сознания может быть вообще не нужна. Факты чуть ли не вредны, а миф живет своей жизнью, и если факты противоречат мифу — тем хуже для фактов.

Мединский совершенно прав в том, что **ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ** людей мифологично по определению.

Миф вовсе не отрицает фактов... он их «нужным» образом «поправляет». Миф не мешает изучать частные истины, он на них опирается. И потому миф всегда очень похож на правду. В том числе похожи на правду прямо противоположные мифы.

Сталин умер не в древние времена, а почти на наших глазах, в 1953 году 35% жителей современной Российской Федерации жили в это время. Собственно говоря, и о самом Сталине, и об обстоятельствах его смерти мы знаем до обидного мало. Возникает множество вопросов... Действительно, а как умер Сталин? Сам или «помогли» ближайшие сподвижники? Или убили, как утверждает Мухин?¹

Возникают, сталкиваются версии, защищаются диссертации, идет словесная война. Знаний это не

¹ Мухин Ю. Если бы Сталина не убили... М.: Яуза, 2011.

очень прибавляет, «зато» возникает множество мифов.

Факты одни и те же — а мифы разные.

Фактов много, всегда можно выбрать «работающие» на миф.

Сталин был жестокий тиран с патологическими чертами характера? А разве нет? Он действительно таким и был.

Сталин был великий государственный деятель? А он и был великим государственным деятелем.

Зачем сразу после смерти Сталина сожгли его личный архив? Зачем уничтожили его личную библиотеку?

Эти факты можно трактовать решительно как угодно.

Какие тайны унес с собой Берия? Не осталось ли и по сей день в частных архивах книг, на полях которых делал пометки Сталин?

Это вообще можно придумывать, как угодно.

Опираясь на факты и делая домыслы, можно в меру своего удовольствия строить любой удобный миф. И про Сталина-негодяя, и про Сталина-гения. Нужно только взять «подходящие» факты и отбросить «не нужные».

Таким образом создается 80% всего того, что называют «знанием истории». Причём каждый миф докажем. Каждый миф логичен и рационален. С каждым мифом можно работать в политике.

Мединский прав: исторические мифы не изучаются и даже не осознаются. Грубо говоря, все охотно разоблачают «чужие» мифы. Но «свои» всегда считают непререкаемой истиной. Что, говоря откровенно, Мединский и делает. Он неоднократно предупреждает, что занимается не историей, а мифами об истории — что далеко не одно и то же.

Мифы истории — совершенно необъятная тема. Я рад, что её наконец-то начали обсуждать. Мединский стал тем человеком, который первым прошёл в эту дверь. Но понимает ли сам Мединский, какой муравейник разворошил и на какой пласт истории покусился? Не уверен даже после того, как В.Р. Мединский совершил покушение на мифы о революции 1917 года и Гражданской войне. Эта часть его работы, требования вернуть исторические названия улицам Москвы, названные именами коммунистических разбойников — яркий пример гражданского мужества и честности¹.

Теперь хочешь — не хочешь, благодаря В.Р. Мединскому нам придётся пересматривать многое в русской истории.

Миф и отношения народов

Правда и то, что исторические и политические мифы рождаются из бытовых, из литературных. Ничего нового! Невозможно отрицать, что мифы о России создавались начиная с XVI—XVII веков — в огромной степени усилиями путешественников в Россию или перебежчиков.

Эти мифы необязательно были чёрными, враждебными. Но они всегда были мифами — то есть большими или меньшими искажениями реальности.

От Барберини и Герберштейна в XVI веке до туристов XX века о России писали не то, чтобы уж полное враньё... Всё сложнее и тоньше. Писали удобную полуправду — то есть миф. Миф сочинялся даже не из каких-то негативных чувств. Просто каждый как понял — так и писал. Нормальнейшие записки путеше-

¹ Мединский В.Р. Революция. Мифы и реальность // Известия. 06.11.2009.

ственника, который в чужой стране редко так уж и всё понимает.

В результате что получается? Немцы в XVI—XVIII веках жили в лоскутной Священной Римской империи, состоявшей из сотен полунезависимых и независимых княжеств. Им централизованная Москва, потом Российская империя представлялась царством бюрократии и невероятного, нечеловеческого усиления всяческой власти.

Примерно так же виделась Россия полякам — у них шляхта жила в условиях анархии, которой позавидовал бы даже «батька» Махно. В конце концов, Махно мог сколько угодно называть себя анархистом, но создал-то он свирепое террористическое государство, в котором вольнодумие, говоря мягко, не поощрялось. А польский шляхтич РЕАЛЬНО имел право «вето» — то есть запрещения любого изданного королём закона, который лично ему не нравился. И имел право «рокоша» — то есть объявления войны своему собственному правительству. И между прочим, случаи рокошей бывали совершенно реально!

Ни один боец Махно ни права вето, ни права на рокош, то есть объявления войны «батьке» Махно, не имел. А дворянская сверхмахновщина в Речи Посполитой — имела! Потому и Россия казалась польским шляхтичам какой-то нечеловеческой и жуткой государственной машиной, подавляющей человеческую личность.

А французам и англичанам Российская империя такой вовсе не казалась: они приезжали из государств, которые по уровню централизации вполне могли поспорить и с Россией. И в которых бюрократия, кстати, была побольше и посильнее русской. Королевская Франция XVIII века, «демократическая» Франция XIX века — это буквально десятки тысяч

чиновников, целая армия, в сравнении с которой русское «царство столоначальников» кажется просто убогим.

Но французы и англичане нервно относились к тому, что права человека в России не гарантированы писаным законом. Что они гарантированы неписанным обычаем — просто не замечали, потому что у них ничего подобного не было. А вот что в законах что-то не прописано — видели очень хорошо, и возмущались по этому поводу.

Англичанина Флетчера ещё возмущала нерациональность русской культуры, отсутствие того, что он готов был считать просвещением. Для него то самого рациональное отношение к жизни было так же очевидно, как солнечный свет. Столкнувшись с совсем другой культурой, Флетчер весьма огорчился и вовсе не из политической необходимости и не из ненависти к русским сочинял откровенный миф. Он так видел и, в конце концов, имел полное право так видеть.

Сами по себе бытовые и литературные мифы — это не хорошо и не плохо... Это как жара летом и холод зимой — то есть если даже и неудобно, то нейтрально. И вообще мало ли кто и что пишет.

В том, что рассказывает Мединский, есть только три не очень удобные для него истины:

Во-первых, у него получается, что мифы о России сочинялись исключительно по злобе и с целью напасть. А это глубоко неверно.

Во-вторых, получается так, что злобные иностранцы клеветали на белую и пушистую, необычайно милую Россию — безо всяких на то оснований.

А в-третьих, литературные и бытовые мифы сочиняли не только о русских. Русские тоже сочиняли мифы о соседних народах. Да ещё какие!

Правда в сочинениях иностранцев

Мединский не обращает на это внимание — но Московия была для живших там русских священной страной святого народа, а её царь — своего рода наместником Бога на земле и земным божеством.

Начиная с конца XIV века москвиты начинают называть себя эдак скромненько: «христиане». Так называют всех, о ком нельзя сказать, что он — дворянин, боярин, священник. Это название «чёрного» народа в целом, простонародья. Лишь много позже, с XVI—XVII веков, слово это начинают относить в основном к сословию земледельцев.

Всякое самоназвание народа — противопоставление себя всем остальным. Если мы — русские, то все остальные кто угодно, но не русские. Если мы китайцы... немцы... голландцы... то и остальные кто угодно, не китайцы, не немцы, не голландцы.

А если мы христиане, что тогда? Всё правильно, тогда все остальные — никакие не христиане. «Они думают, что она Россия есть государство христианское; что в других странах обитают люди поганные, некрещёные, не верующие в истинного Бога; что их дети навсегда погубят свою душу, если умрут на чужбине вместе с неверными, и только тот идет прямо в рай, кто скончает свою жизнь на родине», — свидетельствует Конрад Буссов в своей «Летописи Московской»¹.

«Если бы в России нашёлся кто-то, имеющий охоту посетить чужие страны, то ему бы этого не позволили, а, пожалуй, ещё бы пригрозили кнутом, если бы он настаивал на выезде, желая немного осмотреть мир. Есть даже примеры, что получали кнута и были со-

¹ *Конрад Буссов. Московская хроника: 1564—1613. М.; Л., 1961, С. 133.*

сланы в Сибирь люди, которые настаивали на выезде и не хотели отказаться от своего намерения. Они полагают, что того человека совратили, и он стал предателем, или хочет отойти от их религии... А тех, кто не принадлежит к их церкви, они и не считают истинным христианином», — поддерживает его А. Шлейзингер, написавший это в 1584 году.

До Петра Первого существовал обычай, по которому послы иных держав целовали руку царя во время приёма, и царь, «поговорив с послами любого государсва, он моет руки в серебряном тазу, как бы избавляясь от чего-то нечистого и показывая этим, что остальные христиане — грязь»¹.

Напомню, что в те века был ещё обычай умываться после похорон или после встречи погребальной процессии. Так что же, царь считает послов пришельцами с того света?!

В определённой степени, да, считает именно что пришельцами с того света. Первобытный человек очень долго считал только существ своего народа — людьми. Все остальные человеческие существа вовсе и не были для него людьми. Соответственно, только свою страну, страну своего народа, он считает местом, где обитает человек. Те, кто населяет другие страны, — это или такие двуногие животные, лишь похожие на человека, или... покойники. Считали же папуасы Миклухо-Маклая «человеком с Луны», то есть человеком, пришедшим из царства мертвых.

Самоназвание «славяне» говорит о многом... Так называли сами себя люди, думающие, что только они умеют говорить. А кто все остальные? Они — «немцы» — то есть немые, лишённые членораздельной речи. По свидетельству Гоголя, слово «немец» в Ма-

¹ *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 63.

лороссии дожило до XIX века не как название конкретного народа, а именно в своём первоначальном значении: «Немцем называют у нас всякого, кто только из чужой земли, хоть будь он француз, или цесарец, или швед — всё немец»¹.

Древнерусское «гость» в значении — «купец» прямо производится от названия пришельца из потустороннего мира. Первоначально «гостем» называли покойника, пришедшего домой с погоста, с кладбища. Так что ещё древнерусские купцы до крещения Руси, которых описывает Ибн-Фадлан или Аахенские анналы, бывало, побаивались есть пищу, предложенную «гостями». Ведь живые люди не могут есть пищу мертвецов.

С принятием христианства вроде бы что-то меняется, но многое ли? Своя земля, Русь, начинает рассматриваться как святая земля. Земля, где живут христиане. Любая иная земля — как неправедная, грешная, населённая то ли чудищами, то ли страшными грешниками.

«Это восприятие, вероятно, имеет глубокие корни и, возможно, восходит к архаическим, дохристианским представлениям, которые затем переосмыслены в христианской перспективе. С принятием христианства святость Руси определяется её вероисповеданием, и замечательно, что жители этой страны — и прежде всего простой народ, поселяне — именуется «керестьянами», то есть «христианами»: обозначение простонародья христианами едва ли не столь же беспрецедентно, как и наименование «Святая Русь»², —

¹ Гоголь Н.В. Ночь перед рождеством // Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород. Повести. М., 1970. С. 94.

² Успенский Б.А. Дуалистический характер русской средневековой культуры // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. I. М., 1996. С. 349.

свидетельствует такой крупный ученый, как Борис Андреевич Успенский.

В Московии первобытное ритуальное разделение на «свою» и «чужую» землю прорастает в отношения внутри христианского мира.

Духовник в средневековой Руси спрашивал у прихожанина на исповеди: «В татарех или в латынях вполону или своею волею не бывал ли еси?» Или даже: «В чюжую землю отъехать не мыслил ли еси?» И накладывал епитимью на того, кто был в чужой стране или даже собирался туда поехать.

Другим интереснейшим следствием стали многие особенности «Хождения за три моря» Афанасия Никитина.

«...Грешное своё хождение за три моря»... — так называет автор своё сочинение. Почему грешное? А потому, что путешествие совершено в неправедную землю: это антипаломничество, паломничество чуть ли не к сатане. Афанасий Никитин, получается, путешествует как бы на тот свет. В землю, обладающую свойствами ада.

В таком месте нельзя писать и говорить на «святых», «праведных» языках — русском, церковнославянском. И Афанасий Никитин писал на татарском, персидском, арабском языках. В нечистом, нехристианском пространстве надо пользоваться нечистым, «басурманским» языком. И к Богу ему «приходится» обращаться то как к «олло» (по арабски), то по-персидски («худо»), то по-татарски (таньгры). Он использует и мусульманскую молитву, но рядом вставляет «Иса рухолло, ааликсолом» — то есть «Иисус, дух Божий, мир тебе».

Плохо ему без поминания имени Христа, но и называть его должно на «бесерменском» языке.

Эти представления важны и в политике.

При обсуждении брака Ксении Годуновой с герцогом Иоганном Датским «Семен Никитич Годунов [дядя царя] говорил, что царь верно обезумел, что выдает свою дочь за латина, и оказывает такую честь тому, кто недостойн быть в святой земле — так они, русские, называют свою землю»¹.

Сохранилась повесть XVII века о человеке, который попал в плен в Персию. Родные поминали его как покойника, и это помогло ему чудесно вернуться из плена. Персия — это тот свет. Поминать попавшего туда — вполне правильно, и такое поведение родственников помогает вернуть человека.

Даже при Петре, когда юношей отправили в западную Европу учиться, их матери и жены оделись в траур. А когда Пётр сам собрался путешествовать, Патриарх на коленях умолял Петра не ездить на запад, ограничиться рассмотрением географических карт. Путешествие царя за границу?! Это как желание при жизни сделаться покойником и продолжать править страной.

И в XIX веке все иностранное настолько несправедливо для многих русских людей, что стал возможен такой текст знатока народных обычаев и поверий, Н.В. Гоголя: «...вдруг стало видимо далеко во все концы света. Вдали засинел Лиман, за Лиманом разливалось Чёрное море. ...по левую руку видна была земля Галичская»².

Прошу вас, читатель: возьмите карту, и мысленно встаньте на Украине, лицом на юг, — чтобы перед вами «засинел Лиман», а «за Лиманом разливалось Чёрное море». Ну, и с какой стороны окажется у вас «земля Галичская? Ну конечно, по правую руку! Но

¹ Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988.

² Гоголь Н.В. Страшная месь // Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород. Повести. М., 1970. С. 163.

правая сторона в народных представлениях — это «правильная» сторона. И Гоголь уверенно поместил «неправильные» страны с «неправедной» стороны. Естественно, он вряд ли думал об этом специально, и написал, как написалось. Но тем ценнее свидетельство. Отметим и что «земля Галичская», Галиция, для него — земля неправедная, земля иностранная. Любопытно....

В царстве живого божества

Неудивительно, что иностранцы были удивлены, а то и возмущены такими представлениями москвитов. Когда перед посольством Олеария разбегаются целые деревни, как от восставших из гроба вампиров, а царь моет после него руки, естественно несколько напрячься. Нет в их негативизме ни малейшей неадекватности.

Да и к обожествлению монарха на Западе привыкли намного меньше, чем в Московии. Подчеркну — не в России, потому что ни в Киеве, ни в Новгороде, ни в Великом княжестве Литовском и Русском ничего подобного не было.

А вот в Московии, начиная с Ивана III, московские монархи становятся объектами вполне натурального поклонения, о чём и свидетельствуют решительно все иностранцы, побывавшие в Московии в конце XVI — начале XVII века.

Исаак Масса полагал, что москвиты «считают своего царя за высшее божество»¹. С ним согласен Г.Седерберг: москвиты «считают царя почти за бога»².

¹ *Исаак Масса*. Краткое известие о Московии в начале XVII века. М., 1937. С. 68.

² *Седерберг Г.* О религии и нравах русского народа. М., 1873. С. 37.

И Иоганн Георг Корб: «Московиты повиновались своему государю не столько как подданные, сколько как рабы, считая его скорее за бога, чем за государя»¹.

Иван Грозный вполне серьезно считает себя Богом, спрашивая у Курбского: «Кто убо ты постави судию или владетеля надо мною?.. Про что не изволил еси от мене, строптиваго владыки, страдати и венец жизни наследити?»

Переведем? Царь вполне серьезно считает, что его подданный (раб? Слуга? Холоп? Холуй? Не знаю, как точнее передать, что имеет в виду Иван Грозный) должен страдать и принять смерть по воле царя. Так же, как должен принять судьбу, даваемую ему Богом. Для подданного он, Иван IV, — то же самое, что Бог.

Сам способ изображения царя, способ писать о царе в Московии свидетельствует об обожествлении — и совсем не в каком-то переносном смысле.

Изображения царя в настенных росписях, на фресках производятся по тем же правилам, что и изображения святых.

На Московской Руси писание титула Царь в официальных текстах производится по тем же правилам, что и Бог. Писец не различает Царя Небесного и земного царя — человеческую личность, сидящую на престоле. По-видимому, для всего общества эти две личности перестают сколько-нибудь различаться.

По крайней мере в эпоху Московской Руси, вплоть до Петра I, умерших в «государевой опале» хоронили вне кладбища — так же, как казнённых преступников, опившихся, самоубийц, утопленников. То есть как людей, умерших не христианской смертью. «Отлучая» от своей особы и от службы себе, царь тем са-

¹ Корб И.Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб., 1906. С. 217.

мым отлучает от церкви и ввергает преступника в ад (то есть проявляет власть, равную власти Бога).

А «отлучаемый» от службы впадает в смертный грех, сравнимый с грехом самоубийства.

На царя даже переносятся самые натуральные литургические тексты. Феофан Прокопович встречает появившегося на вечеринке Петра I словами тропаря: «Се жених грядет во полунощи», — относимыми к Христу. И никто не выражает возмущения, не оставливает Феофана — в том числе и сам Пётр. Видимо, согласен отождествить себя с Христом.

В «Службе благодарственной... о великой Богом дарованной... победе под Полтавою», написанной в 1709 году по заданию Петра Феоктилаком Лопатинским и отредактированной лично царем Петром, Пётр прямо называется Христом, его сподвижники — апостолами, а Мазепа — Иудой¹.

Самый яркий, самый наглый памятник царебожия отлично известен каждому из моих читателей... Он прославлен в культуре, он стал своего рода символом Петербурга... Этот памятник стоит посреди Санкт-Петербурга, без него просто немыслимо представить себе ансамбль набережной Невы, Сенатской площади, окрестностей Адмиралтейства и Исаакиевского собора. О нём писали стихи, рассказы, поэмы, причём добрая половина из них так и называется: «Медный всадник».

Огромный Медный всадник, дар «Петру I от Екатерины II», изображает русского царя в облики Георгия Победоносца — то есть святого русской православной Церкви. Вы можете вообразить себе, читатель, более наглое и циничное кощунство? Я — не в силах.

¹ Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. II, с. 202.

Сама же Екатерина II о своём путешествии по России писала воспитателю Павла Петровича, Никите Панину: «В одном месте по дороге мужики свечи давали, чтобы предо мною их поставить, с чем их прогнали»¹. Видимо, для крестьян императрица была своего рода живой иконой, а может быть, и живым божеством. Зря их прогнали: не стоило обижать этих добрых людей, их так воспитывали.

После Екатерины II, особенно после Наполеоновских войн, многое изменяется в русской культуре. Но и тогда русскому царю и императору после благословения священник целовал руку... Вообще-то православные, получив благословение от священника, целуют руку священнику, как благословляющему. Византийский император тоже целовал руку священнику. А в Российской империи набожный Александр I поцеловал руку священника в селе Дубровском, поднесшем ему крест.

Всё общество восприняло поступок царя как нечто совершенно особенное и экстраординарное. Священник так изумился «поступком благочестивого христианского царя, что он до самой смерти своей ни о ком более не говорил, кроме Александра, целовал руку свою, которой коснулись царственные уста»².

Так кто же кого благословил? Священник царя, или вовсе даже царь — священника?!

Архимандриту Фотию Александр тоже поцеловал руку.

Но когда Фотий, благословив уже другого императора, протянул свою руку для поцелуя Николаю I, тот велел вытребовать его в Петербург, «чтобы научить

¹ Соловьёв С.М. История России с древнейших времен в пятнадцати книгах. Т XIV. М., 1966. С. 52.

² Мельников И.И. (Андрей Печерский), Полное собрание сочинений, XII, СПб., 1898, с. 365—366.

его приличию»¹. То есть поцелуй руки священника — все же некая блажь Александра... А приличие в том, что благословляет император.

И в XX веке М.Н. Катков прямо заявлял, что «Русский Царь есть не просто глава государства, но страж и радетель восточной Апостольской Церкви, которая отреклась от всякой мирской власти и вверила себя хранению и заботам Помазанника Божия»².

Павел Флоренский прямо заявлял, что «в сознании русского народа самодержавие есть не юридическое право, а проявленный самим Богом факт, — милость Божия; а не человеческая условность»³.

«Истина самодержавия царей православных... возводится некоторым образом на степень догмата веры», — говорится в брошюре «Власть самодержавия по учению слова Божия и Православной Русской церкви», вышедшей в 1906 г. в Москве.

Интересное суждение высказал Всероссийский поместный собор 1917—1918 годов для императорского периода: «Надо говорить уже не о православии, а цареславии».

Ну и в чём же так уж неправы иностранцы? Мифы они распространяли или говорили о довольно-таки диких обычаях московитов?

Русские национальные мифы

Если же о русских мифах... Простите, а о ком из соседних народов этих мифов у нас не сочиняли? Не будем даже о «лукавых» печенеггах и «происках под-

¹ Шильдер Н.К., Император Николай I. Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. II, с. 700.

² Катков М.Н. О самодержавии и конституции. М., 1905. С. 14.

³ Флоренский П. Около Хомякова (Критические заметки). Сергиев Посад, 1916. С. 19.

лых византийцев». Будем считать, дело давнее, что политическая пропаганда и национальные стереотипы Древней Руси к нам не имеют отношения.

Но вот тема «злых татаровей» — важнейший клубок и народных мифов, и основанных на них политических мифов. Клубок как завязался в XIII веке, при нашествии монголов на Русь, так и тянулся до конца Российской империи, в какой-то степени и до сих пор катится этот клубок — эдакий подарочек Ивану-царевичу от Бабы-яги (раз уж мы о мифах, почему бы и не использовать именно такой образ?).

Мифологично уже само название «монголо-татары». Только историки XIX века, после Карамзина, стали говорить о «монголо-татарах». Источники-то того времени говорили о завоевателях, называя их и так и так... Потому что монголы и татары — народы совершенно разного происхождения. Они говорят на языках, которые отличаются друг от друга не меньше, чем русский от финского.

Когда-то Чингисхан велел называть татарами всю тюркоязычную часть своего войска. Он сам велел истребить тюркоязычное племя татар, но всех других людей, говорящих по-тюркски, называл тоже татарами. Такой чёрный юмор — в духе называния рабов «живые убитые».

В войсках монголов большая часть воинов говорила по-тюркски.

В Великой Степи все завоеванные всегда начинали называть себя по имени завоевателей. Так и завоеванные тюрками-огузами подданные Византии стали называть самих себя турками.

После завоеваний Чингисхана появилось множество народов, называвших себя татарами. У них мало общего. Крымские татары, сибирские татары и казанские (поволжские) татары имеют разных предков,

разную историю. Они сильно отличаются по характеру и поведению.

В любом случае, они не имеют ничего общего с теми завоевателями, которые принесли Руси столько горя и крови. Более того, казанские татары — это наши соотечественники по несчастью, пострадавшие от монголов ещё больше нас.

Правильнее называть их булгарами — потому что Булгария на Волге родилась из завоевания местных финно-угорских народов тюркоязычным племенем болгар.

Болгары считали, что их предки пришли в Причерноморье вместе с гуннами. После 630 г. они захватили почти все Причерноморье. Разрушенную гуннами Фанагорию на Таманском полуострове болгары отстроили и сделали столицей своего государства.

По легенде, хан Кубрат брал клятву со своих пяти сыновей — быть вместе, не ссориться. Конечно же, сыновья не сдержали своих клятв. Уже в 650-е годы Великая Болгария развалилась.

Один из сыновей хана Кубрата, Аспарух, увел свою орду на берега Дуная. Здесь, покорив славянские племена, в 681 г. Аспарух создал новое государство — Дунайскую Болгарию. Созданное Аспарухом государство существует до сих пор — Болгария. Южная граница Болгарии проходит почти по линии 716 г. Славяне ассимилировали тюркоязычных болгар довольно быстро — примерно к X в.

В Поволжье болгары покорялись хазарам или уходили на север, проникая до слияния Волги и Камы. В результате всех переселений болгары оказывались в северной, холодной для них лесостепи. Переселенцы переходили к оседлому образу жизни. Скотоводство по-прежнему играло в хозяйстве большую роль, но земледелие становилось всё важнее.

На территории же Татарстана к земледелию переходили уже носители археологической волосовской культуры медно-каменного века, в III — начале II тысячелетия до Р.Х.

Носители приказанской археологической культуры бронзового века XVI—VIII вв. до Р.Х. уже определенно были земледельцами.

По Волге и Каме шли водные торговые пути. Путь «из варяг в арабы» вел через Москву-реку по Оке и Волге до Каспия. Слияние Камы и Волги не менее важное место для торговли, чем Древний Киев или Смоленск.

Тюрки-болгары смешивались с местным финно-угорским, а может быть, и славянским населением. Они заложили основу новой народности — болгар или болгар. Самые развитые и культурные люди в этих местах, они дали название и язык новому этносу.

Если видеть реальность...

Новый народ во многом обогнал восточных славян. У славян племенное деление сказывалось до XIV в. У болгар оно исчезло ко второй половине X в. Названия племен: суваров, барсилов, эсегелов, баранджиров — навсегда исчезают из летописей.

На Руси языческие имена были даже у внуков крестителя страны. В Булгаре языческое имя носил только первый эмир Алмуш — до времени, когда принял ислам. Первый эмир (эльтебер) Великого Булгара Алмуш стал называться мусульманским именем Джафар ибн Абдулла. В 920 г. он направил посла Абдаллаха в Багдад, к калифу Муктадиру.

В 922 г. калиф прислал ответное посольство. Ислам официально стал государственной религией Булгара.

На Руси князья очень поздно стали чеканить монету. До XIV в. в качестве платежного средства ходили шкурки куниц и белок. А само слово «рубль» прямо происходит от слова «рубить». Отрубленный кусок медной или серебряной проволоки.

В русском языке есть названия монет, прямо восходящих к тюркскому «алтын» — золотой. Ещё в середине XX в. вполне можно было назвать пятнадцатикопеечную монету старинным словом «пятиалтынный». И все понимали, что это такое.

В Булгаре раньше перешли от подсечно-огневого земледелия к пашенному, применяли много железных орудий. При раскопках сошники, серпы, лемехи для плуга, жернова — самый массовый материал. И создали систему навозного удобрения уже к XII столетию.

В «Повести временных лет» под 1024 г. записано, что во время отчаянного голода в Суздальской земле «булгары и привезоша жито и тако ожиша». Такого же рода записи есть под 1229 г. Но нет ни единого упоминания о том, что из русских земель привозят жито в Булгар.

В 1235 г. венгерский монах записал: «Булгария — великое и могучее государство с богатыми городами». Известно больше 170 булгарских городов. Многие из них: Биляр, Сувар, Джукетау, Болгар — стали известны далеко за пределами страны.

Биляр в древнерусских летописях называют «Великим городом». Его площадь превышает 700 га. Тогда как площадь Киева и Чернигова в XIII в. не превышала и 100 га. А площадь Парижа, Лондона, Кёльна, Милана — от 200 до 400 га.

Соборная мечеть Биляра имеет площадь внутреннего пространства в 2300 м². Она была построена из белого камня в X в., за сто лет до Софии Киевской.

Площадь Софии Киевской не больше, а Софии Новгородской — даже меньше Соборной мечети Биляра.

В Новгороде XI в. известно 24 ремесленные специализации, в Биляре — 27.

Во многих странах, вплоть до Польши на западе и Самарканда на Востоке, ценили особый сорт тонко обработанной кожи. Он назывался «булгари». Секрет его производства погиб под кривыми саблями монголов.

Через Булгарию везли янтарь из Прибалтики, русское и византийское стекло, посуду из арабских стран, металл, рабов, кожу, ювелирные изделия, оружие. В Булгаре находят китайские, скандинавские, иранские, индийские изделия. Известны находки среднеазиатских, китайских, чешских монет. Со всех ввозимых товаров взималась пошлина — одна десятая стоимости груза.

Книги табиба (врача) и фармаколога Таджеддина ибн Йунуса аль-Булгари «Лучшие лекарства от отравления», богословские сочинения Бурханеддина ал-Булгари, Ходжи Ахмед ал-Булгари, Абу-л-Аля Хамида ибн Идриса ал-Булгари широко ходили по Востоку XII в.

Ни один русский ученый X—XIII вв. не стал так же знаменит в Византии, как эти болгары на Востоке.

Вот этих самых болгар или булгар и именуют до сих пор татарами и делают вид, будто они-то и разнесли вдребезги Русь в XIII веке.

Все народы, которые называют себя татарами, все мусульмане Кавказа и Средней Азии, вообще вся «нерусь» до самого недавнего времени считалась потомками завоевателей — «монголо-татар» XIII—XIV вв. Московия XV—XVI вв. и Российская империя XVIII—XIX вв. воевали со всеми «татарами», как с наследниками Золотой Орды. И войско Ивана Грозно-

го, в XVI в. вступавшее в Казань, и русские войска, шедшие через Сибирь в XVII в., и армия Российской империи, в XVIII в. покончившая с независимостью Крыма, в представлении русского общества делали одно и то же дело. Все они как бы продолжали начатое на Куликовом поле.

Если это не народный миф — то что это?

В царской России татарами называли вообще всех мусульман, особенно говорящих на тюркских языках. В своих рассказах о войнах на Кавказе Лев Николаевич Толстой называет «татарами» даже чеченцев. Хаджи-Мурат у него тоже татарин, а Хасавюрт — татарское село. Русские старики ещё в 1970-е годы по привычке называли татарами азербайджанцев и узбеков.

Мифы? Или строгое следование фактам?

Некоторое добавление к мифу о Китеж-граде

Мединский уделяет большое место мифам о Китеж-граде, ушедшем под воду озера Светлояр. Патриотический, полезный миф. Кстати, и правда полезный. Кстати, и правда патриотический.

Рассказывают, что в тихую погоду можно слышать колокольный звон и пение людей из-под вод Светлояра. По легенде, чистые душой и искренне верующие люди могут сквозь толщу вод видеть на дне озера огни религиозных процессий и даже церкви с крестами.

Есть, правда, и ещё один миф, Мединским никак не освещенный... Это миф о том, что после битвы на реке Сити сам Бату-хан лично объехал поле боя с головой князя Юрия Всеволодовича в руках (на самом деле Бату-хан никогда не появлялся на реке Сити).

И что когда найденные на поле битвы тело и голова князя были совмещены, «глава святая прильнула к святому телу, так что и следа не было отсечения на его шее; правая рука поднята была как бы у живого, показывая на подвиг».

Миф о Руси-спасительнице

Но эти мифы — сущая мелочь в сравнении с главным! В Российской империи принято было считать, что Русь грудью защитила Европу от монголов. «России определено было высокое предназначение... её необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощённую Россию и возвратились на степи своего Востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией», — писал Александр Сергеевич Пушкин.

«Какой могла бы быть Россия, если бы не проклятые монголы!» — восклицал граф Алексей Константинович Толстой.

Русь действительно заслонила собой Европу — удар монголов сначала пришёлся по ней. По мнению А.С.Пушкина, ценой гибели Руси Европа смогла уцелеть.

Это был исключительно удобный миф. Им можно было объяснить и оправдать очень многое:

- 1) Деспотизм власти и Московии и Российской империи.
- 2) Экономическую и политическую отсталость.
- 3) Любые, даже самые идиотские эксперименты властей.
- 4) Подавление любого недовольства.

Миф «подавался» вместе с двумя сопутствующими: мифом о непобедимости монголов (никто-то с ними справиться не мог) и о том, что европейцы их очень боялись и ничего с ними сделать не могли.

Миф, конечно же, не принимал во внимание то, что и в разных частях Руси, и в Европе монголы вели себя очень по-разному. После Киева и Галича они становятся все слабее, нерешительнее. Из Чехии быстро ушли, в Болгарии тоже были разбиты. В Венгрии и в Хорватии они чувствуют себя хозяевами, а в Германию и Австрию не пошли...

Христианский мир — погубитель монголов

На Руси монголов начали побеждать и окончательно разбили в Европе.

Ни разу за время их войн в Азии — в Китае, в Средней Азии, Южной Сибири, Центральной Азии, Великой Степи — нигде и никогда не погиб ни один из чингизидов, родственников и потомков Чингисхана. Но стоило монголам войти в Рязанское княжество — и погиб хан Пайдар.

Никогда не было такого, чтобы монголы брали и не могли взять вражеской крепости. Первыми такими крепостями в истории их завоеваний стали не колоссальные Хорезм и Бухара, не многотысячные города громадного Китая, а маленькие города Галицкой Руси — Кременец и Холм. За ними были Легница и пять городов Чехии.

Никогда не было так, чтобы монголы брали и не могли ограбить захваченный город. Первым таким городом стал Киев, потом были ещё Краков и Сандомир, Буда и Пешт.

В Азии никогда не бывало так, чтобы защитники города сами расточали и сжигали своё имущество, не отдавая захватчикам. На Руси примеров тому очень много.

Ни разу ни в одной азиатской стране защитники города не гибли до последнего человека, сознательно предпочитая смерть подчинению.

Воины Европы

Чтобы объяснить причину побед монголов, часто пишут, что у них были лучшее вооружение и лучшая тактика, чем у русских и европейцев.

1. Монголы — всадники, а значит — элитное войско того времени.

2. У монголов лошади скакали неутомимее, чем европейские.

3. Легкие монгольские всадники легко расстреливали европейцев из луков.

Все это сказки потому, что в Европе кавалерия была элитным видом войска благодаря отбору самых могучих лошадей и долгой подготовке рыцаря.

Монгольские лошади весили 300—350 кг, а рыцарские — 600—800. Монгольская лошадь жила на подножном корму, европейскую надо было кормить овсом. Но при столкновении монгольская лошадь кубарем летела вместе со всадником — потому монголы и не принимали прямого боя.

Большинство монголов были не профессиональными воинами, а пастухами-ополченцами, очень плохо подготовленными.

С коня стреляют из маленького лука — длинный лук всаднику неудобен. Стрела из такого лука не пробивает доспехов.

А главное — европейский рыцарь был по-другому воспитан. Он лично отвечал пред Богом за своё поведение. Закон «Ясы» пугал монголов круговой порукой — бежит один, казнят весь десяток. И всё же монголы на Руси и в Европе часто бежали.

Монголы не случайно не пошли ни в Австрию, ни в Германию — у германцев была особенно хорошая рыцарская конница.

Монголы всегда побеждали только при большом численном перевесе. Не известно ни одно сражение, в котором монголы победили бы меньшим или равным числом.

Их победы объясняются тем, что монголы всегда могли выставить намного больше воинов, чем противник.

Женщины Европы

В христианском мире и женщины вели себя иначе. Нам известны имена многих тибетских, китайских, персидских принцесс, «украшавших» собой гаремы потомков Чингисхана — чингизидов. Но ни разу знатная женщина не предпочла смерть союзу с кривоногим степняком... Рязанская княгиня Евпраксия была первой.

Европа, как видно, формировала и другой женский тип, которого не было в Азии — такой же непостижимый для азиатов, как тип горожанина, жгущего собственный дом.

Монголы, не решавшиеся завоевывать

В Азии никогда не было так, чтобы монголы не решались ворваться в какую-то страну. Первой такой страной стал Господин Великий Новгород. Обычно

пишется, что Новгород спасли болота. Но ведь монголы и не пытались войти ни в Господин Псков, ни в Полоцкое и в Пинское княжества. Болот там не было, а монголы туда не пошли.

Кроме того, они не пошли в Австрию, в Германию, в Византию. Италия — только последняя страна, в которую они не решились пойти. Там тоже не было ни одного болота.

Невыгодная Европа

В Азии — в Китае, в Хрезме и в Персии — монголы теряли мало людей, а имущества приобретали много. В Европе потери монголов громадны, а захваченная добыча невелика: города горели, народ разбежался, даже женщины кончали с собой. Грабёж и насилие становились бессмысленными, не давали ожидаемых результатов. Европу оказалось невыгодно завоёвывать.

Миф об иге

Термин «иго», означающий жестокую и унижительную власть Золотой Орды над Русью, в русских летописях не встречается. Первыми его употребили польский историк из Львова Ян Длугош в 1479 г. и профессор Краковского университета Матвей Меховский в 1517 г. Они говорили о «варварском иге» монголов.

В России термин «иго» использовал в XVIII в. историк и писатель Николай Михайлович Карамзин (1776—1826) — он хотел доказать, что русские, природные европейцы, были жестоко завоёваны татарами и потому у них установилась азиатская деспотическая власть.

Но во-первых, это мнение людей гораздо более позднего времени. Современники относились к монгольскому завоеванию как-то иначе и своё подчинение «игом» не называли.

Во-вторых, вовсе не на всей Руси было «иго».

Чтобы удерживать в повиновении Русь, в течение второй половины XIII в. монголы предприняли четырнадцать карательных походов на Северо-Восточную Русь и два — на Юго-Западную.

Семьдесят два князя до 1400 г. ездили в Орду. Семеро из них были в Орде убиты. Но только два князя Запада и Юго-Запада Руси ездили в Орду, и только в середине XIII в.

Из 74 городов Северо-Востока, подвергшихся нападению, уничтожено 49, не возродились 14, превратились в села 19. Монголы угоняли в Золотую Орду и Каракорум ремесленников. В результате исчезли целые ювелирные специальности (скань, зернь, чернь) и стеклоделие. Были нарушены торговые связи с Европой, т.к. просто стало нечем торговать. Северо-Восток оказался в экономической изоляции.

Но ни один город Северо-Запада и Запада Руси не был захвачен монголами. Ни один. Никогда.

Галицкие и Черниговские князья признали власть Золотой Орды, но больше никогда в Орду не ездили и ярлыков не получали. Князья Пинские, Минские, Полоцкие тоже никогда не получали ярлыков, они даже и не ездили в Орду.

70% населения Древней Руси жило в землях, где ни один монгол не появлялся, а если бы появился — жизнь ему предстояла очень короткая и бурная.

Мифы? Ещё какие мифы! И про «иго над Русью», и про то, что с монголами никто не мог воевать, и про то, что все до единого земли платили дань, и что все до единого князья были добровольными холоуями монголов...

А почему возникли эти мифы? Почему они стали фактором политики? Почему они даже до сих пор остаются частью этой самой политики? Да потому, что на престоле Московии, потом и Российской империи, действительно сидели холуи и коллаборационисты. И их потомки, разумеется.

Наследники Орды

Причём даже понятно, почему князя Северо-Востока Руси так полюбили монголов. Всё просто! Прислуживая монголам, они осуществляли свою старую мечту о неограниченной власти.

Ещё прадеды Александра Невского, Андрей Боголюбский и Всеволод Большое Гнездо, за полвека до монголов попытались утвердить на Северо-Востоке Руси деспотизм восточного типа. Может быть, монголы и помогли становлению такой власти их правнука, но вовсе не потому, что принесли его с собой. А потому, что умный и хитрый Александр Невский сумел использовать монголов для достижения давней княжеской мечты.

Этим князьям монголы были выгодны — они помогали бороться со властью веча. Источником власти становилась не Земля, а иноземный владыка. Ярлыки доставались унижением, но власть владельца ярлыка становилась абсолютной, опираясь на иноземную силу. Как же не объявить такую полезную силу необоримой?

А всякого, кто успешно боролся с монголами, официальная мифология объявляла или неудачником, или романтическим безумцем. Как старшего брата Александра Невского, Андрея Ярославича. Как Даниила Галицкого.

Москальские историки утверждали, будто титул царей, аналогичный королевскому, первыми получили московские великие князья в XV—XVI вв. На самом деле первым из русских князей получил такой титул Даниил Галицкий.

Кстати, за москалями такого титула никто и никогда не признавал до XVII века. Романовы были царями... А Рюриковичи — не были. Никогда и ни один. Они себя так называли? Ну и что... Если я себя назову «маркизой» — то от этого не стану придворной дамой Людовиков.

Иван III и его внучек Иван IV — чистой воды самозванцы.

А вот Даниил Галицкий — вполне законный король. В 1254 г. галицкий князь принял от папы Александра IV королевский титул. Королевские регалии — корону и скипетр — доставили в Дрогочин, где папский легат Ониза свершил венчание.

Даниил Галицкий, первый русский король, бил монголов много раз и без пощады.

Монголов пугало усиление Галицкого княжества. В 1249 г. они устроили очередной погром Галицкой Руси. Под угрозой набега и разорения Юго-Запад оказался вынужден платить дань и признать главенство монгольского хана. В 1250 г. Даниил Галицкий тоже съездил в Орду, и Батыга Джучиевич «принял его с честью». Вот слова летописца: «О, злее зла честь татарская! Даниил Романович князь был великий, обладал вместе с братом Русскою землёю <...> а теперь сидит на коленях и холопом называется <...> О, злая честь татарская!»

Даниил Галицкий построил 14 городов — в том числе такой значительный, как Львов. Все эти города были мощными крепостями, «непобедимые» монголы не брали их ни разу.

В 1252 г. Даниил Романович разгромил шестидесятитысячное войско хана Хуррумши (Куремсы), управлявшего русскими землями в Приднепровье. Два дня по Днепру плыли трупы кривоногих степняков.

В 1253 г. Иннокентий IV объявил крестовый поход против Орды. Он призвал к участию в нем сначала христиан Богемии, Моравии, Сербии и Померании, а затем и католиков Прибалтики — ведь в 1251 г. и литовский князь Миндовг принял католичество.

Король Даниил действовал один, немногочисленные добровольцы — венгерские и польские рыцари — вливались в его войско. Он изгнал ордынских баскаков из галицко-волынских городов, освободил от монголов Волынь и пошёл на Киев, принадлежавший тогда другу монголов, Александру Невскому.

Даниил считал, что Рим помогает ему мало, а потому не спешил с латинизацией своих земель и прервал отношения с папой. Это не устраивало престол святого Петра, и в 1255 г. новый папа, Александр IV, разрешил литовскому кунигасу Миндовгу завоевать Русскую землю.

...Ну, и много ли известно на современной Руси о подвигах русского рыцаря, первого русского короля?! Почти ничего не известно. Почему? А потому, что пробравшиеся к власти крысы оболгали великого человека, а ещё больше — замолчали его подвиги. И никакой иностранной разведки, никаких происков гниющего уже две тыщи лет Запада не нужно, чтобы на Руси сложился принижающий её, издевательский миф о непобедимых кривоногих плоскорожих уродах, которых волей-неволей приходилось целовать в заднее место.

А миф этот был нужен князьям Северо-Восточной Руси — монгольским лизоблюдам и холуям. Началось ещё с Александра, прозванного «Невским».

Вот судьбы двух братьев, сыновей князя Ярослава. В 1247—1249 гг. Александр и Андрей находились в Орде. Александр стал побратимом сына Батыги, Сартака, и приёмным сыном Батыги. Бесподобный биосоциальный феномен! Папочка старше сына на 12 лет...

Андрей с монголами пил мало, получил ярлык на княжение во второстепенном тогда Владимире, Александр же — в основных городах Древней Руси, Новгороде и Киеве. В Киев Александр не поехал, остался в Новгороде.

В 1250 г. во Владимире митрополит Кирилл, сподвижник Даниила Галицкого, обвенчал Андрея Ярославича с дочерью Даниила Галицкого, Устиньей (Аглаей) Даниловной. В 1252 г. вместе с братом Ярославом Тверским он поднимает восстание против монголов. Монголы двинули на Северо-Восточную Русь две орды — ханов Куремсы и Неврюя. Андрей разбил Куремсу, и его орда ушла на Юго-Запад Руси. Многие историки считают, что Александр участвовал в организации похода монголов против брата Андрея.

Естественно, с такой-то поддержкой Неврюй разбил Андрея, и «Неврюева рать» вошла в песни, сказки, предания. Масштаб разорения, количество непогребённых, число уведённых в рабство сравнимы с масштабом нашествия 1238 г.

Андрей через Новгород бежал в Скандинавию, а ярлык на Владимирское княжение монголы отдали Александру.

И позже русские князья вместе с монголами громили и восставшие русские княжества, и других мятежников по всей Монгольской империи. Монголы учитывали интересы русских князей и не скрывали от них своих планов.

Когда Монгольская империя распалась, а потом собралась снова, русских князей собрали на специальном съезде в 1304 г. в Переяславле, и посланники хана Тохты рассказали им, что делается в Орде.

Дочь Сартака, внучка Батыги Джучиевича, была отдана замуж за Глеба Васильковича, предка князей Белозерских. Дочь внука Батыги Менгу-Тимура — за предка князей Ярославских, Фёдора Чёрного.

Почти всё русское столбовое дворянство происходит по женской линии от Батыги Джучиевича и его деда Чингисхана.

Как же тут не врать и не клеветать на тех, кто не лизал копыта монгольских коней? Как не замалчивать подвиги русских рыцарей?

Погибители веча

Очень во многих книгах и учебниках пишут, будто вечевой строй на Руси уничтожили монголы. На Северо-Востоке Руси много раз горожане восставали против татар под звуки вечевых колоколов. Во Владимиро-Суздальском княжестве восстания прошли в 1262 г., в Ростове — в 1289 и 1320 гг., в Твери — в 1293 и 1327 гг.

Все эти восстания были подавлены, но не монголами, а монголами вместе с князьями Владимирского, потом Московского княжества. Подавлены с невероятной, просто пугающей жестокостью. Московиты, точно так же, как татары, отрезали пальцы, уши и носы, секли кнутом пленных, жгли дома и города. Словом, проявляли «азиатскую жестокость», якобы занесенную на Русь злыми татарами.

За эти годы политический строй на Северо-Востоке Руси стал сильно отличаться от политического строя

остальной Руси — тут были уничтожены вече. С этого времени вечевой строй кончился для тех 15% русских людей, которые жили на Северо-Востоке. Во всей остальной Руси вечевой строй продолжал жить и развиваться. И в XIV, и в XV вв. вече существовали в Киеве, Львове, Минске, Турове, Пскове — во всей Западной Руси.

Но каков масштаб мифотворчества, а если по-простому — то вранья?! «Не мы... не мы... Это всё они... это монголы...»

Погубители конкурентов

В 1317 г. московский князь Юрий Данилович женился в Орде на сестре хана Узбека, правнучке Чингисхана Кончаке. Женщину окрестили по православному обряду под именем Агафьи. Тут же Юрий вместе с ордынским темником Кавдыгаем вторгся в пределы конкурента Москвы, Тверского княжества: зятю хана — можно!

Михаил Тверской разгромил москвитов у села Бортенево, захватил в плен брата Юрия, Бориса, и Кончаку-Агафью. В 1318 г. Кончака скончалась в тверском плену. Причина её смерти до сих пор не известна; вроде бы ей не «помогали».

Хан Узбек тут же потребовал от Михаила явиться в Орду: как он смел победить ханского зятя?! Юрий Данилович примчался в Орду ещё раньше и всячески очернял Михаила как убийцу Кончаки. Хан сомневался в виновности Михаила... видимо, знал цену родственнику и его болтовне, но Михаила все же забили в колодки и всячески издевались над ним. Ведь как-никак, дружбанов монгольских обидел.

В конце концов люди Юрия Даниловича Московского зверски убили князя Михаила: резали его ножа-

ми, топтали ногами. Только через год сын Михаила, князь Александр, смог выкупить гроб с телом отца и похоронить в Спасо-Преображенском соборе Твери на берегу Волги.

В 1321 г. Дмитрий Тверской Грозные Очи признаёт великим князем Юрия Даниловича Московского и передает ему ордынскую дань со всего Тверского княжества. Однако Юрий не спешит с данью в Орду, а везёт её в Новгород и пускает в оборот, надеясь нажить проценты. В общем, и монголов обокрал.

Разгневанный хан Узбек отдаёт ярлык на великое княжение тверскому князю Дмитрию Грозные Очи. Он пытается поймать Юрия Даниловича по пути в Орду, но тот скрывается во Пскове, потом в Новгороде.

В 1325 г. в Орде оказались оба князя. В канун убийства своего отца, 21 ноября 1325 г., Дмитрий Грозные Очи встретил Юрия Даниловича и собственноручно зарубил саблей. Туда поганцу и дорога, сын и должен отомстить за отца — тут нет слов.

Но и дальше москали из-за спины монголов, под их «крышей» боролись с конкурентами в лице Твери.

За двадцать три года, с 1304-го по 1327-й, тверские князья владели ярлыком на великое княжение двадцать лет.

С 1326 г. Тверским княжеством правил Александр Михайлович (1301—1339) — великий князь тверской в 1326—1327 гг. и 1328—1339 гг., и великий князь владимирский в 1326—1327 гг.

При нем в Тверь в 1327 г. приехал ханский посол Шевкал, которого на Руси называли Чолкан или Щелкан, — двоюродный братец хана Узбека. Посол выгнал князя Александра из собственного дворца и поселился там. Золотоордынцы «сотворили великое гонение на христиан — насилие, грабёж, избиение и поругание». Пошёл даже слух, будто Щелкан собирался перебить

князей и самому сесть на тверском престоле, а русский народ обратить в ислам. Говорили, что избиение христиан и обращение их в ислам должно начаться на праздник Успения, 15 августа.

Тверичи не раз просили Александра возглавить их расправу с «басурманами», но тот уговаривал их «терпеть».

15 августа 1327 г. люди из свиты Щелкана попытались отнять «кобылу добру» у некоего дьякона Дудко. Дьякон завопил так, что народ сбежался и стал защищать священника. Золотоордынцы зарубили несколько человек, но и сами не ушли целыми. Ударили вечерые колокола. Тверь поднялась, как один человек, истребляя супостатов.

Щелкан попытался защищаться в захваченном им княжеском дворце. И его, и всех его присных сожгли заживо — вместе со дворцом. Бегущих из огня убивали, пленных не брали.

Под звон вечерых колоколов Русь истребляла врагов. Тут бы и ударить на супостатов, и не было бы никакого «ига» вообще! Но разъярённому хану Узбеку было на кого опереться: он призвал московского князя Ивана Калиту, вверил ему пятидесятитысячное войско и велел идти на Тверь. Главнокомандующим был назначен золотоордынец — христианин Федорчук (вероятно, русский). Это нашествие вошло в историю как «федорчукова рать».

Опять же о мифах: многие ли слышали, что русские во главе монгольского войска громили Русь? А почему не слышали? Неужто так мифология работает?!

Александр Михайлович Тверской уехал во Псков, а его братья Константин и Василий — в Ладогу. Русская земля осталась без защиты. Ордынцы и москвичи разгромили Тверь, Кашин, Торжок, их жители были истреблены огнём и мечом или отведены в неволю.

Новгородцы откупились, дав золотоордынцам тысячу рублей и щедро одарив всех воевод хана Узбека, начиная с явного предателя Федорчука.

Хан Узбек сделал Ивана Калиту великим князем, а тверским князем — брата Александра, Константина Михайловича.

Это была последняя силовая смена великого князя Ордой. Хан дал Ивану Калите в 1332 г. ярлык и поручил собирать дань со всех северо-восточных русских княжеств и Новгорода. В XIV в. «московский выход» составлял пять-семь тысяч рублей серебром, а «новгородский выход» — полторы тысячи рублей.

С этих пор Золотая Орда больше не посылала на Русь баскаков. Зачем? Баскаков на Руси не любили и всё время норовили обидеть. Зачем рисковать жизнью верных людей? Московские холуи и так всё соберут. Ещё и подарочков привезут сверх полагающейся дани.

Великая тишина?!

Достойный внучек Александра Невского, Иван I Калита, получил прозвище по имени большого кошелька-калиты, который неизменно носил на поясе. Из своей калиты Иван Данилович всегда щедро одарял нищих. Год рождения князя Ивана неизвестен, умер он в 1340 г. в возрасте примерно 60 лет.

Иван Калита умел расположить к себе ханов Орды и их приближённых. Он никогда не вступался за своего брата и не участвовал в его спорах с Тверью. Отсиделся, как всякой гниде и полагается. Именно ему поручили собирать дань на всей Северо-Восточной Руси.

И раньше русские князья разоряли Русь — они должны были получить ярлык в Орде, а он доставался тому, кто больше привезёт драгоценностей, дорогого сукна, ценных подарков. Монголы использовали это, разжигая между русскими князьями соперничество.

Князья обдирали до нитки свой же народ, увозили всё, что можно, в Орду. Размер дани был таким, что увеличивать производительность труда не имело смысла, все излишки забирали князья. Но их тоже нужно понять — если князь пожалеет народ и снизит дань, монголы тут же выжгут всё княжество.

Теперь Калита собирал дань и на этом сказочно обогатился. Русь, кроме земель Пскова и Новгорода, оставалась нищей — урожайность за 400 лет, вплоть до XVII в., так и не выросла. Труд — источник благосостояния и жизненной необходимости — превратился в бремя, в наказание, хотя вместе с тем — в долг, который надо обязательно выполнить. Такое отношение к труду стало частью психологии русских, и это, возможно, самое ужасное последствие господства Золотой Орды

А на фоне русской нищеты Иван Калита купил города Углич, Галич Мерьский (в современной Костромской области) и Белоозеро, покупал и выменивал села в разных местах — около Костромы, Владимира, Ростова, вдоль рек Мста и Киржач. Он покупал землю даже в Новгороде — вопреки законам, запрещавшим князьям покупать там земли. Он заводил в Новгородской земле слободы, населял их своими людьми и таким образом также обретал возможность внедрять свою власть.

Одну из дочерей Иван отдал за Василия Ярославского, а другую — за Константина Ростовского, для того, чтобы распоряжаться уделами своих зятьёв.

В московских летописях писали: «и была тишина великая на 40 лет». «Тишина» состояла в том, что с 1328 по 1368 г. на московское княжество не нападали монголы.

Но в эти же годы московские войска вместе с монголами вторгались в Новгородскую землю в 1333 г., в Смоленскую землю — в 1334-м и 1340 гг. (тамошний князь отказался платить дань Орде).

В 1340 г. рязанский князь Иван Иванович Короткопол (или Короткополый) был в Орде, а на пути из Орды встретил двоюродного брата, Александра Михайловича Пронского. Тот вёз в Орду дань. Короткопол ограбил брата, привёз в Переяславль и там убил. В 1342 г. сын Александра, Ярослав (во крещении Дмитрий), пришел из Орды с татарским войском (москвичи присоединились к нему) и осадил Переяславль. Иван Иванович целый день отбивался от осаждавших, «а на ночь побежал вон», и Ярослав-Дмитрий занял «освободившийся» великокняжеский рязанский престол.

Но все эти войны не мешали летописцам говорить о «великой тишине». Мифология? Ещё какая! А ведь этот нахальный миф повторяли на тысячу рядов — и сейчас, в XXI веке, тоже продолжают повторять. И никакого Наполеона не надо.

Ещё порция вранья

Монголы охотно принимали в своё войско побеждённых. Ведь число пришедших из степей убывало, на их место приходили новые воины из покорённых народов. В том числе и с Руси.

Первым из князей, которые стали служить монголам, был рязанский князь Олег Ингваревич Красный. Его ранили и взяли в плен в декабре 1237 г.

В романе Яна «Батый»¹ князь Олег прибегает к монголам по своему желанию, монголы используют его, а потом выгоняют прочь, презирая предателя. Типичный литературный миф. В действительности Олег Красный в 1252 г. вернулся на княжение в Рязань и скончался в 1258 г., оставив престол своему сыну Роману.

После Олега Рязанского монголам служили десятки русских князей и тысячи бояр и дружинников. Русские воины много раз подавляли восстания против монголов на Северном Кавказе, в Средней Азии и среди степных племен.

В XIII—XIV вв. из таких сукиных детей и вырастали главы новых династий, в том числе и великокняжеских. Но раз они у власти не в Монголии, а на Руси, «пришлось» сочинить ещё один миф. «Пришлось» вывести в истории «отрицательных» князей-предателей — тех, чьи влиятельные потомки не сидят на престолах более поздних времен.

А вот что предки этих влиятельных быстрее Олега Красного бежали на службу монголам — это «необходимо» было скрыть.

Пример и закономерность

А теперь я чуть-чуть покаюсь перед читателем: я специально стал писать о временах и делах отдаленных. О событиях XIII—XIV веков... Ровно потому, что любое разоблачение мифов хотя бы чуть более близких вызвало бы ещё большее возмущение читателя. Тем более, такую тему мне ещё придется затронуть, никуда я не денусь.

¹ Ян В.В. Батый. М., 1966.

Главное — вон какой вал мифологии, а?! С XIII века до сих пор тянется. И не надо рассказывать сказок про «русофобию» и про «чёрные мифы о России», сочиненные Западом. Официальная история Руси, в которой нет русских королей XIII века, но есть «цари» XVI века, — фальсификат. История, в которой чтут и канонизируют как святого братоубийцу, собутыльника монголов и побратима сына Батыги Джучиевича, но полузамечают тех, кто воевал с монголами, — это злостный фальсификат.

Если мы о русофобии — то уж история, в которой игнорируется Русь, бывшая монголов, свободная от монголов, — так ведь вот она и русофобия.

А уж история, в которой коренных земледельцев — болгар, строителей городов и называют кочевниками-монголами, в которой жертв монгольского завоевания считают потомками завоевателей, с которыми воюют, как с ордой немытого дикого Батыги... Это просто сюрреализм чистейшей воды.

Миф и политика

Уже в клубке мифов о монголах, татарах хорошо видно, как бытовые и исторические мифы становятся политическими. А ведь Мединский прав — такого же рода мифы много раз использовались и против России. Владимир Ростиславович умалчивает, что они использовались и Россией и с той же целью — для политической пропаганды. Но что и против нас — факт, использовались.

Факт, что во время войн с Наполеоном сей великий завоеватель в 1810 году заботливо извлёк из «нафталина» «Завещание Петра Великого». Ещё в 1797 году о «Завещании» и о враждебности России к Европе писал польский эмигрант М. Сокольниковский. Он ут-

верждал, что Пётр завещал ссорить государства Германии между собой, предполагал разделить Польшу, а потом по частям включить в Российскую империю всю континентальную Европу.

Тогда на его брошюру мало кто обратил внимание. Но в 1807—1811 годах, готовясь вторгнуться в Россию, Наполеон начал готовить общественное мнение Европы к этому походу. И опубликовал большими для тех времен тиражами сразу две версии брошюры Сокольницкого!

А потом, по прямому заданию Наполеона, французский чиновник Мишель Лезюр, историк по образованию, написал книгу «Возрастание русского могущества с самого начала его и до XIX века».

В книге, помимо прочего, было сказано: «Уверяют, что в частных архивах русских императоров хранятся секретные мемуары, написанные собственноручно Петром Великим, где откровенно изложены планы этого государя».

При этом текст «Завещания» Лезюр не опубликовал, он опирался на сплетни, слухи, домыслы, анекдоты. Главная цель — убедить европейскую публику в наличии агрессивных устремлений российской внешней политики, её готовности и желания завоевать всю Европу.

Было дело? Очень даже было.

Но это — только одна сторона дела.

Была и русская пропаганда. Например, когда Наполеона представляли жалким корсиканцем «Буанпарте», узурпатором, не имеющим права на престол. В тогдашней монархической Европе это был сильный пропагандистский ход!

Наполеон говорил, что хочет воевать с гадкими русскими, которые унизили и обидели Польшу. Врал, что собирается восстановить Речь Посполитую. Даже поход 1812 года вовсе не назывался Русским. Перво-

начально Наполеон не собирался вообще идти на Москву. Он намеревался остановиться в Вильно или в Витебске, провозгласить новую Речь Посполитую, а потом объявить о раскрепощении русского крестьянства.

Тогда в Российской империи начнётся смута и гражданская война, и останется только пожинать плоды своей политики.

Но сработал русско-прусский план — заманить Наполеона в Россию, измотать и разбить, не давая генерального сражения. Немцам же много раз объясняли — только Россия может восстановить их независимость, Наполеон — враг Германии. И эта пропаганда сработала!

В самой же России элементы смуты очень даже имели место быть. Было много партизан, которые били французов, поддерживая правительство Российской империи.

А одновременно на оккупированной территории существовали районы, где не было ни французской, ни русской администрации, и которые жили крестьянским самоуправлением, под контролем партизанских отрядов: Борисовский уезд в Минской губернии, Гжатский и Сычёвский уезды в Смоленской, Вохонская волость и окрестности Колоцкого монастыря в Московской.

Мы мало знаем обо всех простолюдинах-партизанах. А тем более не знаем ничего о своего рода «зелёных XIX века». Мало сведений у нас о Герасиме Курине — крестьянине одного из подмосковных сёл. Несомненно, он был выдающимся руководителем партизан. Отряд Г. М. Курина, насчитывающий 5 тысяч пеших и 500 конных партизан, взял в плен большое число вражеских солдат, захватил 3 пушки и много другого оружия.

В Боронницком уезде действиями 2 тысяч партизан из разных сёл и деревень руководили — староста села Константинова Семен Тихонов, староста деревни Сельвачевой Егор Васильев, староста села Починок Яков Петров и несколько крестьян из села Дурнихи. 22 сентября крестьяне — партизаны Боронницкого уезда стремительно начали и разгромили отряд французов, который был на подходе к селу Мяскову. Но и русских помещиков долго к себе не пускали.

Это потом формировался миф о «всенародной поддержке» народом царя и прежнего правительства. Историки же порой говорили о «втором издании пугачёвщины»: как только рухнула власть Российской империи, так крестьяне начинают войну и с французами, и с русскими войсками. Они жгут помещичьи имения, не пускают на свою территорию никаких вооруженных людей — обеих армий.

Говорить, писать, даже упоминать о таких действиях считалось глубоко непатриотичным, даже неприличным. Есть туманные упоминания о крестьянской войне в «Войне и мире» Льва Толстого: история бунта в имении князей Болконских, в Богучарове. Мужики этого села всё время руководствуются какими-то неясными слухами (потому что дикие); толкуют про то, что ещё в 1797 году воля выходила, да господа отняли. То они пытаются переселяться на «тёплые реки», то придумывают ещё какую-нибудь несусветную глупость. Слух о приближении Наполеона соединяется для них «с такими же неясными представлениями об антихристе, конце света и чистой воле»¹.

Этот пересказ «неясных слухов» не так уж трудно понять, причём без всяких ссылок на непостижи-

¹ Толстой Л.Н. Война и мир // Толстой Л.Н. Собрание сочинений в четырнадцати томах. Том шестой. М., 1951. С. 147.

мость народного инстинкта... Крестьяне Богучарова хотели свободы, бежали на Кубань и ничего не имели против прихода Наполеона. Помещику же своему от души желали провалиться под землю, быть унесённым вихрями враждебными или погибнуть в войне с французами. А могли и помочь ему не вернуться с войны — без помещиков жить как-то лучше и вообще веселее.

В истории, которую рассказывает Л. Толстой, всё «правильно»: и мужики дикие, и поступки их нелепые; сами не понимая, зачем это нужно, мужики пытаются удержать княжну Марью... и мгновенно приходят в себя, стоит Николаю Ростову дать главному зачинщику по морде и заорать классическое:

— Шапки долой!¹

Но современники описанных событий (и современники Льва Толстого, поколением младше) могли читать эту историю совсем по-другому. Так сказать, могли прочитать между строк.

В XX же веке о крестьянском сопротивлении того времени написана даже специальная книга Василия Ивановича Бабкина... Но её — уже в советское время, в 1970—1980-е годы, никто не хотел печатать, несмотря на лояльнейшее название: «Специфика классовый борьбы в эпоху 1812 года»². Ведь «как известно», крестьяне были невероятными патриотами!

Многие стороны Отечественной войны 1812 года почти что скрываются до сих пор. Читатель! В каком учебнике России упоминается Русский легион армии Наполеона? Замечу — военнопленных никто не при-

¹ Толстой Л.Н. Война и мир // Толстой Л.Н. Собрание сочинений в четырнадцати томах. Том шестой. М., 1951. С. 166—167.

² Автор смог ознакомиться с этой потрясающей работой благодаря сотрудничеству Е.Н. Сметанина. Огромное вам спасибо, Евгений Николаевич!

нуждал воевать со своим Отечеством. Они преспокойно жили во Франции или в германских городах, получая довольствие от властей и не подвергаясь никаким репрессиям. Даже к труду их никто и не думал принуждать. Участие военнопленных в войне на стороне Наполеона было совершенно добровольным.

Что до крепостных... Большинство из них происходили из Западной Украины, Западной Белоруссии, Прибалтики — оттуда ближе до Польши и Германии. Но порой на Запад бежали и крестьяне из Великороссии. Шли ночами, прибивались к шайкам воров, приставали к гуртовщикам и мелким торговцам...

Эти люди шли в армию Наполеона из идейных соображений — ведь сами-то они уже бежали, они-то уже не крепостные! Эти спасшиеся из рабства хотят освободить уже весь народ, для этого и идут к Наполеону.

Наполеон не рискнул издать Манифест об отмене крепостного права в России. Но тут и без призывов Наполеона к гражданской свободе — Русский легион и второе издание пугачёвщины. Право же, у русских европейцев и их правительства были причины бояться русских туземцев и не особенно доверять им. А то ведь только война — а они помещиков режут!

Начиная с эпохи Николая I историю лакировали и выглаживали, строили соборы и памятники (включая Храм Христа Спасителя и Бородинскую панораму), превращали реальную историю в пропагандистскую схему — ту, которая устраивала правительство и русских европейцев. Схему, в которой не было никакого Русского легиона, не было никакой пугачёвщины, а если даже дикие мужики, по своей туземной тупости, чего-то не поняли, то сразу же попадали на колени при первом рыке дворянина: «Запорю!» То есть, пардон, этот рык тоже неправильный, надо было «Шапки

долгой». А то что про нас подумает Европа? До наших дней дожила схема, в которой старостица Кожина есть, а Русского легиона нет.

Но современники-то ведь помнили, как было дело. Даже в эпоху Николая I, в 1830 или в 1840 году, живы были многие участники событий. Тем более они были живёхоньки сразу после окончания событий, и уж тогда-то их воспоминания были очень свежими. Не этим ли объясняются многие странные события, которые трудно объяснить иначе?

Будущего декабриста Якушкина поразила такой эпизод: во время смотра возвратившейся из Франции гвардии какой-то мужик, оттесненный толпой, перебежал дорогу перед самым конём императора Александра. «Император дал шпоры своей лошади и бросился на бегущего с обнажённой шпагой. Полиция принялась бить мужика палками. Мы не верили собственным глазам и отвернулись, стыдясь за любимого царя. Это было во мне первое разочарование на его счет»¹.

Это была, наверное, очень символическая картина: перепуганный до смерти мужик, на которого тяжело скачет всадник в расшитом, сияющем золотом мундире, в высоком, тоже сияющем на солнце кивере² — русский царь.

Сцена, конечно, мрачная и тяжелая. Деятели «освободительного движения», начиная с декабристов, делали свои выводы — про несчастный забитый народ, царских сатрапов и вред самодержавия.

Но ведь получается — у царя были основания видеть в мужике эдакого «внутреннего француза», сим-

¹ Якушкин И.Д. Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина. М.; Л., 1951.

² Кивер — высокий медный головной убор у военных всадников, закрывающий голову и лоб.

волически одолеть которого — тоже доблесть. И современники событий могли читать эту сцену именно так.

«Вторая пугачёвщина» скрывалась как страшный сон, но ведь уж участники событий прекрасно знали: крестьяне вовсе не были поголовными и рьяными патриотами, вовсе не стремились любой ценой защищать царя, своего батюшку. Получается, что в час торжества, на параде по случаю победы, прорывается загнанное в подсознание, но известное современникам: победа 1812 года имеет отношение только к русским европейцам! Русские туземцы — вовсе не победители в этой войне, и к тому же далеко не все они — её участники. 90% русского простонародья в войне 1812 года не участвовало!

Война с Наполеоном в 1812 году вошла в историю как Отечественная война 1812 года. Под этим псевдонимом её проходят во всех программах по русской истории, и в школах и в вузах, так названа она и в Галерее 1812 года в Эрмитаже.

Образованная верхушка великороссов, европейский русский народ, навсегда запомнила 1812 год. 1812 год остался в народной памяти как час торжества русского оружия, час патриотического подъёма, героических свершений. И как время напряжённой героической борьбы, время пожаров над Смоленском и Москвой, общего напряжения в борьбе с внешним врагом... Это отношение освящено колоссальными потерями народа: слишком большой кровью полита эта победа.

Пафос борьбы, смерти, победы, преодоления, освящение её кровью чуть ли не двух третей трех мужских поколений — неотъемлемая часть русской культуры на протяжении ста пятидесяти лет. Ещё автора этих строк в 1960-е воспитывали на ритуальном, чуть ли не религиозном отношении к событиям 1812 года.

Но все это — и дела, и память, и культура одних лишь русских европейцев.

У русских туземцев нет оснований присоединиться к нам в ТАКОМ отношении к событию. Русские туземцы и вели себя иначе, и запомнили всё по-другому¹.

Вот такие мифы рождались в России — мифы о самих себе.

И это не единственные примеры, конечно.

Но Мединский пишет о другом.

Баллада про интеллигенцию, московские кухни и демократию

В какое осиное гнездо ткнул палкой Владимир Ростиславович, показывают хотя бы рецензии на его книги.

В журнале «Отечественные записки» (№ 4 за 2008 год) помещена статья доктора исторических наук, профессора Российского государственного гуманитарного университета (РГГУИ), постоянного гостя «Эха Москвы», автора многих публикаций Игоря Владимировича Курукина.

Это рецензия на книгу В.М. Мединского (*В. Мединский. О русском пьянстве, лени и жестокости. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008*).

Называется рецензия вполне издевательски: **«СКАЗ ОБ АНТИРУССКИХ МИФАХ И ОДОЛЕНИИ ОНЫХ БОГАТЫРЕМ-ДЕПУТАТОМ ВЛАДИМИРОМ МЕДИНСКИМ»**.

Судя по месту трудовой деятельности Игоря Владимировича и по передаче, служащей для него обыч-

¹ Буровский А.М. Наполеон — спаситель России. М.: Яуза, 2009.

ной трибуной, позиция В.М. Мединского и не должна быть ему симпатична.

Прочитав сие сочинение, я «по-свежему» написал на неё свой ответ. Мой ответ «Отечественные записки» печатать отказались. Ну что ж, пользуюсь случаем сообщить и об отказе, и о вопросах, возникающих к автору рецензии.

В рецензии на книгу И. В. Курукина (в соавторстве с И. В. Карадубой и Н. П. Соколовым) «Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от рюриковичей до олигархов» сказано, что «идея этой книги родилась в ходе обсуждения исторических сюжетов с участниками семинаров «Клуба региональной журналистики» и слушателями «Школ публичной политики», проводимого межрегиональной общественной организацией «Открытая Россия» под председательством М.Б.Ходорковского. Именно в ходе этих дискуссий состоялась эффективная и увлекательная «обкатка» многих идей и подходов, нашедших отражение в сборнике «Выбирая свою историю».

Да-да. Того самого Ходорковского. Которого в мае 2005 года Мещанский районный суд Москвы признал виновным в мошенничестве, присвоении чужого имущества, неуплате налогов и других преступлениях и который осуждён на 9 лет лишения свободы по нескольким статьям УК РФ.

«Демократы» ельциновского разлива органически не терпят доброго слова об «этой стране». В государствах, которые они с придыханием называют «цивилизованными», не так. Во всей Европе и во всем Новом Свете — там демократия «почему-то» тесно дружит с национальной идеей. Настолько тесно, что если кто-то начнет орать о родной истории, как «самой кровавой», «самой ленивой» или «самой пьяной» — возможны не

только отрицательные рецензии. Причём если вежливые британцы просто сочтут ненормальным, то американцы и прибить вполне могут.

Российский «демократ» в отличие от европейских — русофоб. Ему очень дороги враждебные России, унижающие русских мифы, и биться за них он будет яростно. А что это за дела?! Мединский тут утверждает, понимаешь, что «русский народ — труженик и созидатель, а не вечно пьяный Иван-дурак». Нехорошо... Не соответствует идеологии, принятой в кругах, называющих себя интеллигенцией. Мединский говорит, что мифы о России — это «идеологическое нашествие» Запада, которое «бывает намного опаснее нашествия военного». Беда только, что сами-то мы «с мифами о том, что вся наша история — сплошное пьянство, кровь и грязь, справиться не можем уже пятое столетие»¹.

М-да... Утверждать нечто подобное на московских кухнях и впрямь считается очень не интеллигентным.

Естественно, что личному другу Ходорковского трудно простить патриотическую позицию.

Так же естественно, что автору, чьи книги выходят тиражами от 2 до 6 тысяч экземпляров и никогда не переиздаются, трудно пережить чужой успех. Того, чьи книги продаются и читаются во много раз лучше, «приходится» «опускать», «обнаруживая»: в книгах Мединского нет так называемого «научного аппарата»! Не указал Мединский, доктором каких именно наук является... непростительная небрежность! Нет, например, «социологических измерений массового, в том числе и исторического, сознания». Ужас какой...

¹ *Мединский В.* О русском пьянстве, лени и жестокости. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008, с. 11.

Не-ет, каков?! Мало того, что сделался депутатом Госдумы, так ещё и печатается большими тиражами! Не-хороший какой...

В профессиональное сообщество неудач... интеллигентов не входит, разрешения печататься не спрашивает, а его книги ку-уда интереснее, чем господ «профессионалов»!

Впрочем, И.В. Курукин самым издевательским тоном сетует на невежество Владимира Ростиславовича, на незнание фактов.

Ну, что ж, давайте о фактах.

1) Курукин обвиняет Мединского в том, что, по мнению последнего, западные дипломаты (прежде всего, католики) в отличие от деловых людей сознательно клеветали на Россию, поскольку «их миссии оказались в основном неудачными» и неудачи эти объясняются тем, что «они хотели переделать Россию»¹. Дальше, как пишет Курукин, «можно и не читать»... И тут же, словно издеваясь над самим собой, он предполагает: «оценки побывавших в России и писавших о ней чужеземцев весьма сильно зависят от целого набора факторов — в том числе от кругозора, знания языка, успеха или неуспеха их миссии».

Гражданин² Курукин! Вы про унтер-офицерскую вдову что-то слышали? Которая сама себя высекла?

2) Курукин размышляет: «Может, мифы рождались от простого непонимания — например, просвещенный немец XVII века, сталкиваясь со средневековой российской действительностью, не мог не оценивать её по меркам своего, находящегося на другой ступени развития общества». Помилуйте... Так ведь о

¹ Мединский В. О русском пьянстве, лени и жестокости. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008, с. 154.

² Ну, не господином же звать нищего доцента РГГУ? И не товарищ он мне, хоть убейте...

разных причинах рождения исходных мифов, включая непонимание, Мединский Владимир Ростиславович и пишет!!!

Насчет «другой ступени развития общества» — это очень сомнительно. А вот непонимание у Мединского обсуждается довольно подробно. И зависимость выводов от общества, в котором жил информант.

Для вас, гражданин Курукин, видимо, вся Европа одинакова? «Другая ступень развития общества»? А в отличие от вас Мединский сравнивает разные страны Европы и делает вывод — как связаны условия жизни в Польше, Австрии или Британии с характеристиками, данными пришельцами оттуда, русской жизни.

3) Вам так не нравится, гражданин Курукин, утверждение, что русские поморы осваивали Шпицберген с X века? Вы изволите писать, что «работающая на Шпицбергене уже 20 с лишним лет наша археологическая экспедиция обнаружила их жилища и предметы быта, только датируются они не X, а самое раннее серединой XVI века».

Опять врётё. Русские СЕЛИЛИСЬ на Груманте с XV века. СЕЛИЛИСЬ. Регулярно селились и жили. Географ Иероним Мюнцер 14 июля 1493 года сообщает о существовании на архипелаге русского поселения! В книге В.Ф. Старкова приводятся и эти данные, и данные его раскопок. Некоторые здания всё же не XVI, а XV века, а? ¹

Но это — о времени появления на Шпицбергене ПОСТОЯННОГО НАСЕЛЕНИЯ, а не о времени ОТКРЫТИЯ. В Исландских сагах 1193 года, в новгородских летописях XII века пишется тоже об УЖЕ ОСВОЕН-

¹ Старков В.Ф. Очерк истории освоения Арктики: В 3 т. Т. 1. Шпицберген. М., 1998.

НОМ архипелаге. А некоторые находки — фрагментарные, к сожалению — говорят о появлении русских на Шпицбергене в X—XI веках.

4) «Иван Грозный в переписке с английской королевой добивался вовсе не руки Елизаветы, как можно понять из вольного пересказа Мединского, а заключения союза с Англией, на что и последовал отказ».

Враньё, господин профессиональный историк. Не Мединский, а вы не знаете элементарного. Союза с Англией Иван IV искал. Но и жениться на Елизавете хотел, что много раз описывали его биографы и историки — от Валишевского до Скрынникова. Хотите, дам почитать? И получив отказ, действительно очень сердился, нервничал, обзывал королеву «пошлой девицей», вынужденной слушать мнения заседающих в парламенте толстопузых горожан.

5) У Курукина вызывает сомнение, что «русский богатырь... человечнее и гуманнее западного рыцаря, свободнее духом и добрее»? (с. 363).

А может, почитаем западный эпос? Сравним с «Былинами»? Мединский так и делает, и единственный способ опровергнуть его — поймать на неточностях, ложном цитировании... Вы этого не делаете, гражданин Курукин, потому что не можете. Только злобно шипите, издеваясь над выводами. А доказать-то неправоты Мединского не можете. Кишка тонка.

6) «Слабым по части морали средневековым «даммам, изображенным в фольклоре Европы, у Ярославны [той самой, из слова о «Слове о полку Игореве»] учиться и учиться»¹. Опять глупая, уж простите, ирония... Неуместная. Потому что Европа, может, и находилась на «другой ступени развития». Но недо-

¹ Мединский В. О русском пьянстве, лени и жестокости. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 106.

сягаемая высота Европы почему-то оборачивалась в её эпосе нравами, которые в наше время наблюдаются разве в пресловутой баньке с проститутками. А русский эпос — что тут поделать! — таких образцов не даёт. Ну нет в «Былинах» ни одного описания адюльтера или блядских походов героини! НЕТ! И единственный способ «усоветить» Мединского тут тот же — доказать, что на самом деле это не так. Если можете — вперёд! А не можете — хватит болтать.

7) «А как лихо известный гуманист Иван Грозный (ведь и казнил-то всего несколько тысяч человек против 89 тысяч, замордованных английской королевой Елизаветой)...»

А тут по какому поводу злая ирония, доктор вы наш исторических, Игорь-свет Владимирович Курукин? Да, представьте себе, число жертв за все правление Ивана Грозного и не превышает 7 тысяч. Да вот представьте, в вашей ненаглядной Европе цифры другие. На порядочек побольше будут. Да вы ведь этого и не отрицаете! Вы взываете не к фактам — они против вас. Вы взываете к мифу. К всенародному осуждению гадкого депутата Мединского, который покусился на сказочку, любезную сердцу нашего интеллигентного сообщества: о невероятной жестокости русского общества. И не стыдно вам, гражданин с московской кухни?

8) «Да и одномачтовые бусы на Каспии хорошими мореходными качествами не отличались и имели максимум 200 тонн водоизмещения — всего-то разницы на порядок».

Мореходные качества буса в точности такие же, как у галеона. А водоизмещение до 2000 тонн... Знаете что, милый Игорь Курукин? А не поехать ли вам... в Астрахань? В местном музее есть любопытные экспонаты.

При этом гражданин Курукин весьма предусмотрительно ничего не пишет о русском северном флоте XVI—XVII веков... Потому что кочи были приспособлены к плаваниям во льдах и по качеству постройки ПРЕВОСХОДИЛИ суда европейцев. А мысль о том, что Россия хоть в чем-то может превзойти Европу, сознанию либераста¹ невыносима.

9) Кстати, о флоте: зря гражданин Курукин сомневается в том, что построенный Петром I флот не мог выйти в море, потому что попросту сгнил. И напрасно, потому что так и есть. Писали об этом тоже много — и Павленко, и Мавродин... Вы их не читали. Игорь Владимирович? Двойка вам. Двойка по истории.

10) Извольте смеяться над словами Мединского, что русский «флот пришлось создавать заново, уже при Екатерине II»?². А так и есть. «Кто снабжал и перевозил русские войска на Балтике во время Семилетней войны 1756—1763 годов. Ведь Екатерина взошла на престол только в 1762 году. В той же войне Англия была союзником Пруссии, и воевавший на английские субсидии Фридрих II и в кошмарном сне не мог сражаться с англичанами — но какие претензии к лубочным картинкам и их героям» — так разухабисто «громит» гражданин историк Мединского.

Да вот беда:

— во время Семилетней войны русский флот действовал вместе с союзным шведским. Шведы перевозили русскую армию;

— транспортные и мелкие боевые суда почти все были курляндские. Крохотная диковатая Курляндия имела флот, сравнимый с русским;

¹ Не виноват я...не виноват, что в России в народе либералов прозвали либерастами. Видимо, есть за что...

² Мединский В. О русском пьянстве, лени и жестокости. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 170.

— боевые суда Россия и строила, и покупала ПОСЛЕ Петра. В том числе потому, что построенный Петром «благополучно» сгнил.

Любопытная деталь: только русские корабли во время Семилетней войны тонули во время штормов. Квалификация моряков была очень низкой... Из 27 зафрахтованных торговых транспортов, отправленных в октябре 1759 года из Риги, Мемеля и Кёнигсберга с грузами продовольствия к Кольбергу, 11 погибло со своими экипажами, а большая часть остальных была разбросана по разным портам. Не получая провианта, генерал Пальмбах вынужден был снять осаду крепости и отойти.

Потому и стали строить флот, обучать моряков при Екатерине, руками Алексея Орлова.

11) По мнению гражданина Курукина, «Домострой» в России XVI—XVII веков печатно не издавался и в какой степени служил учебником жизни, неизвестно». Печатно — не издавался. Но пропагандировался и множество раз переписывался. Как и аналогичные «учебники жизни», бытовавшие в Европе. Только «Домострой» всё же гуманнее.

12) «Военно-морские сюжеты сменяют в книге сухопутные. Автор живописует, как лихо брали русские воеводы турецкий Азов при царе Алексее Михайловиче¹. А затем «ни англичане, ни французы разбить Фридриха Великого не смогли. А русские смогли!»². А «непревзойденный в русской истории полководец» Кутузов разгромил не только французов в 1812-м, но и турок в 1811 году³ — а наивные люди до сих пор полагают, что он «какой-то Илья Муромец на печи».

¹ *Мединский В.* О русском пьянстве, лени и жестокости. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 168.

² Там же. С. 184.

³ Там же. С.31—37.

А здесь, гражданин Курукин, по какому поводу ирония? Вы отрицаете, что русские смогли разбить Фридриха? Или его разбили не русские, а все-таки французы? Или его союзники-англичане?

13) Почему наличие юридических прав «означает участие в управлении государством»? А Мединский и не утверждает, что одно вытекает из другого.

Он говорит, что мужик в XVII веке обладал юридическими правами и что он участвовал в управлении государством. Что в России те, кто участвовал, составляли 5—6% населения. А в вашей ненаглядной Британии, светоче мира, всего 2% людей выбирали парламент. И это чистая правда, а вы даже не врётё, хуже: вы передёргиваете, чтобы не говорить о главном. Вас слишком не устраивают факты.

14) Не нравится вам и то, что «и в советское время человек был гораздо свободнее, намного увереннее осознавал себя субъектом права, чем во многих «демократических» странах»¹. А что? Вы можете это отрицать? Это ведь чистая правда. Скажем, права на жилье и на образование ни одна конституция не гарантировала. А в СССР — гарантировала, и эти гарантии выполнялись.

15) Трезвенническое движение на Руси зависело от цен на спиртное? Да. Но независимо от этих цен трезвенническое движение в России было мощнее и многочисленнее, чем на Западе, во все эпохи. Это — факт, а факты — вещь очень упрямая.

16) Конечно же, и особая жестокость Руси — вовсе не миф, а реальность. Но иронически цитируя Мединского: «Никогда ни Суворову, ни графу Панину не пришлось бы в голову поставить вдоль Московской или

¹ Мединский В. О русском пьянстве, лени и жестокости. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 407.

Смоленской дороги 6 тысяч виселиц»¹, и ехидно комментируя: «В голову не пришло, а пришло только на ум», Курукин опять сам себя сечёт: приводит факты, что «с 1 августа по 16 декабря 1774 года по повелению командующего карательными войсками генерала графа П. Панина были казнены 324 повстанца, наказаны кнутом с урезанием ушей 399 человек; наказаны плетью, розгами, шпицрутенами, батогами 1205 человек».

В том-то и суть, что казнены вовсе не 6000, а 324 человека... «города, селения и дороги в Поволжье и Оренбургской губернии были уставлены по приказу Панина виселицами с трупами повешенных повстанцев, которых запрещалось снимать и хоронить месяцами». Да. Но повешенных — сотни из принимавших участие в восстании десятков тысяч.

17) «В одном месте мы читаем, что путь России есть «история постоянных оборонительных войн», а в другом — что «весь период XVI—XIX веков характерен присоединением к Российской империи новых земель»².

Господин Курукин! Очнитесь!!! Оборонительные войны неизбежно оборачивались для России новым шагом в присоединении к государству Российскому очередного куска плоской, повсюду проходимой Русской равнины. Наша история такова, потому что такова наша география. И нет тут никаких противоречий.

18) Мединский, «несмотря на комсомольское прошлое», не знает, что такое «спецхран»?

Про «комсомольское прошлое» я бы на месте Курукина точно уж помолчал. Но большая часть литературы, вышедшей в СССР, и правда находится в режиме

¹ *Мединский В.* О русском пьянстве, лени и жестокости. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 402.

² Там же. С. 484—485.

хранения, при котором ею невозможно пользоваться. В Петербурге и в Москве есть ещё гигантские библиотеки, где выдают буквально всё... Но вот в Красноярске, например, я не смог получить некоторых книг советского времени. Они складированы в запертых помещениях, и этих книг не выдают. Непопулярные, понимаешь.

19) Не нравится Курукину и оценка России Николая I как сравнительно свободной страны. Пишет он о том, что вовсе не 18% населения России, а значительно больше освободил Александр в 1861 году. Тут Курукин прав! Действительно, не 18%, а целых 28%. Цифра эта есть и у Ковальченко, и у Горянина... Но вовсе не «большинство населения» освободил Александр, как пишет сам Курукин. Редкая у него способность, даже «уев» Мединского, самому тут же сесть в лужу.

20) «Москвичи сторонились Немецкой слободы. Молодой Пётр, который разделял стиль жизни жителей Немецкой слободы, заимствовал его, а затем перенёс в свою компанию, позже — в среду российского дворянства, а следовательно, и в Россию в целом»¹.

Далее в том же клиповом стиле следует красочное описание безобразий «Всепьянейшего собора» (а как же без них).

А тут над чем смеётесь, гражданин хороший? В чём КОНКРЕТНО Мединский не прав? Чистейшая правда. А если описано пьяное свинство Всешутейшего и всепьянейшего собора... так ведь никто не виноват, что вы Петра так нежно любите. Ваши проблемы... А иноземцы и правда пили «крепче» русских. А Петра и правда спойл Лефорт. А Пётр и правда устраивал свинства и кощунства в своём Всепьянейшем соборе...

¹ Мединский В. О русском пьянстве, лени и жестокости. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 314.

21) И вообще не нравится Курукину отношение Мединского к Петру. Как смеет Мединский утверждать, что «царь-реформатор свернул страну с наметившегося при добродушных Романовых XVII века пути к «открытому», т. е. к «гражданскому обществу»¹?! Как он смеет полагать, будто Пётр «допустил «огульное заимствование западных идей» и «слепое копирование» западных институтов² — чем и подорвал «могучий дух народа». Ну, «могучий дух народа» — цитата не из Мединского, а из Курукина. Он за неё и несёт ответственность.

Да что ж поделаешь? Московия XVII века и правда вовсе не была ни «восточной деспотией», ни «кондовой» дикой страной. В её политическом строе присутствовали и автократические черты, и демократические (как во всех государствах во все времена, включая Британию — и XVII века, и современную). Но вовсе не была она менее демократичной, чем другие страны Европы. Четверть населения — вне службы государству и вне личной зависимости! Это очень много для тех времен.

А вот Пётр и правда подавил все ростки народной свободы.

Похоже, что тут уже не просто невежество Курукина, не просто попытка «наехать» на Мединского любой ценой. Тут уже идейное противостояние. Пока отмечу: из 21 попытки Курукина уличить Мединского в неточностях удалась ровно две. И то по частностям.

1) Мединский преувеличил равнодушие русского общества к пьянству. В главном, правда, он всё равно прав: на Руси пили меньше, чем в Европе. В XX веке

¹ Мединский В. О русском пьянстве, лени и жестокости. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 176—177.

² Там же. С. 179.

стали пить почти так же, после перестройки — больше, чем в среднем в Европе, но и сейчас от Англии отстаём. Но ряд источников средневековой Руси, отмечавших пьянство, осуждавших пьянство, не отметили.

2) Те самые 28%, а не 18% освобождённых Александром II.

И это было всё. Интересно, а если так же пристрасно, с недоброй улыбкой почитать книги Курукина... Там будет всего 2 неточности? Или найдётся побольше?

Что же до идейных расхождений...

Курукин считает, что Пётр I действовал очень по-русски, создавая свою «вертикаль власти». По его мнению, России свойственна «гипертрофированная роль государства во всех сферах общественной жизни и «служебный» характер отношений всех социальных слоев с властью». Он полагает, что Пётр I действовал очень «национально», «позаимствовав у шведов центральные учреждения — коллегии» и не вводя «шведскую модель местного самоуправления на уровне кирхшпиля-прихода с выборными от крестьян».

Тут, кстати, Курукин опять проявляет невежество: то ли не знает, то ли не хочет замечать, что допетровская Московия знала широчайшее самоуправление — большее, кстати, чем в Швеции. Например, в Швеции налоги собирали всё же чиновники... В Московии городские и сельские общины участвовали в сборе налогов и несении натуральных повинностей. Сотрудничали с государством. Он опять приписывает Мединскому то, чего он не говорил: Владимир Ростиславович как раз пишет о том, что Пётр самоуправления (в том числе по шведскому образцу) в свою политическую

систему не взял. Так что число «наездов» побольше 21 будет. Но о главном! О главном....

Для Мединского прошлое России — вовсе не прошлое авторитарной страны. Это прошлое, в котором было много чего — но было не одно тёмное и скверное, было ещё светлое и хорошее. И Курукин, и Мединский считают, что автократия — зло. Но Мединский видит, что в истории России было и самоуправление. Для него самоуправление, демократия — такая же часть русской истории, как «вертикали власти» монархов. А для Курукина в России нет и не может быть никакой демократии. Уничтожая (или не вводя) самоуправление, Пётр поступает «как надо» — в соответствии со здоровым национальным инстинктом.

История России Курукина — это история, в которой Иван Грозный почти непрерывно кого-то режет, и это тоже всё родное, всё наше. А если кто-то доказывает, что всё было не совсем так, что опричнина унесла намного меньше жизней, чем режим правления Марии Кровавой или Генриха VIII, — это вызывает раздражение. Такой книге тут же отказывают в праве... да в праве на всё! В том числе в праве на существование.

Для него книга Мединского — «как бы историческая книга депутата и профессора — вовсе и не книга (несмотря на все атрибуты — обложку, оглавление, разбитый на главы текст, иллюстрации и даже ссылки), а упакованная в книжную форму гламурно-ключевенная телевизионная агитка».

«Книга действительно в соответствии с господствующим сегодня телевизионным форматом состоит из ряда ярких картинок-клипов, призванных не объяснить нечто читателю, а внедрить в его сознание готовые формулы: все «чёрные» мифы пущены в оборот

западными нашими ненавистниками, а на самом деле мы чудо как хороши, европейцам и иже с ними в пору пример с нас брать».

Курукин возражает Мединскому: в российской литературе есть примеры положительных, патриотических мифов! Обвиняет его в незнании «даже Пикуля». Но Мединский и не отрицает, что такие примеры есть. Он говорит, что хорошей патриотической литературы МАЛО. И это тоже вызывает раздражение и злую иронию Курукина.

Инициативу автора можно только приветствовать — отчего не создать, например, коктейль «Слез жандарма» — в память о платке, врученном, по легенде, Николаем I начальнику III отделения графу Бенкендорфу для утирания слез несправедливо пострадавших подданных. А в кабаке «У Раскольниково» подавать фирменный напиток нигилистов XIX века «лампопо» — пиво с коньяком, сахаром, лимоном и ржаным сухарем...»

И все остальное — в том же духе. Недоброжелательно и злобно.

Чего стоит хотя бы такой пассаж: «Вот в чем искренне хочется согласиться с г-ном Мединским, так это в том, что яркие эпизоды и колоритные личности нашей истории мало «раскручены» в коммерческом смысле и не работают на положительный имидж страны.... Здесь автор рассуждает коммерчески грамотно — не случайно книгу, по его словам, поддержали «отцы» отечественной рекламы, и ряд лиц занимались рекламной «раскруткой» его идей, за что г-н Мединский выражает им благодарность¹.

¹ Мединский В. О русском пьянстве, лени и жестокости. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 7—8.

Что так злобно, гражданин Курукин? Неужели оттого, что Мединский — член Государственной Думы и профессор, а вы носите скромное для своих лет звание доцента? Отсюда и попытка обозвать Владимира Ростиславовича «подсвечником»? По образцу Ельцина с Рудским, торчавших в храмах со свечками? Что, очень хочется обругать человека просто потому, что у него есть какие-то достижения, успехи, статус?

Или успех книги так заел? Ваши-то, малопочтенный, не особенно продаются. То-то и гавкаете вы по поводу «гармоничного сочетания «отвязного» стиля, косноязычия, научной недобросовестности, чтоб не сказать малограмотности, и неумной, хотя и примитивной борьбы с западной «идеологической миной»¹ (с. 11). Но уж таков уровень современного околонучного читателя».

Ну да... Скучнейшие творения нашей милейшей интеллигенции прочтут 5 уважаемых коллег, а ещё 50 аспирантов расскажут, будто их прочитали. А талантливую популярную книгу прочтут десятки тысяч. Что, завидно? А если не завидно, что вас до такой степени раздражает?

И неправда, что «члену парламента Мединскому в России нравится всё, но больше всего то, что отдаляет её от Запада». Ему-то, Мединскому, самоуправление и демократия нравятся. Он-то считает их коренными русскими и притом похвальными качествами.

Это вам почему-то хочется, чтобы ничего хорошего не было в страшной, кровавой, вечно пьяной, патологически ленивой России.

И неправда, что чтение книги Мединского «заставит читателя поверить в миф о не умеющем хорошо

¹ Мединский В. О русском пьянстве, лени и жестокости. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 11.

делать свою работу, невежественном и хамоватокичливом русском». Это ваша рецензия заставляет вспомнить незабвенного Вассисуалия Лоханкина. Грустно, но собратья по научному сословию последнее время вызывают у меня тоскливые чувства. Ничего интересного для других людей они сделать не умеют, вся их продукция предназначена для потребления в кругу таких же. И — злобное отторжение, завистливое неодобрение ко всем, кто способен на большее.

Мединский прав: «Россияне страдают своего рода раздвоением сознания, а по-научному — шизофренией. Мы одновременно живем в одной из самых здоровых стран мира, с самым качественным генофондом и низким уровнем алкоголизации и рассказываем самим себе страшные сказки про самих же себя»¹.

Чьими устами рассказываем? Устами неудачников, которым эти страшные сказки нужны для самооправдания. Чтобы было на кого списать собственное убожество. На свинячий ли русский народ, ленивый и пьяный, не способный оценить гениев с московских кухонь. На жестокую ли власть, не пустившую к сытой кормушке.

Не будь эта публика просто опасной — не стал бы я писать свою рецензию на рецензию. По старой поговорке, согласно которой некоторые вещества не следует брать в руки — вонять не будут. И сочинения гражданина доцента Курукина, пожалуй, хоть и обещал, не стану читать. По крайней мере, если он раз и навсегда отцепится от Мединского и его книг — точно не стану. Я брезгливый.

¹ Мединский В. О русском пьянстве, лени и жестокости. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 348.

Полезные мифы для России

Исторический миф может отражать коллективное отношение к жизни и оставаться нейтральным. Например, миф о том, что французы поедают чуть ли не каждую проквакавшую под окном лягушку. Ни им самим, ни соседям от этого мифа не плохо и не хорошо.

Есть мифы идиллически-розовые: о «прекрасной Франции» (России, Норвегии, Японии... нужное вставить), в которой никогда не пахнет мочой, а исключительно благовониями. Они уже более опасные, потому что помогают видеть реальность неадекватно.

Есть мифы чёрные. Очень верно говорит мой друг Владимир Мединский: «Попробуйте построить в России хорошую дорогу, если заранее известно — в России невозможно построить хороших дорог». Очень точно.

А есть мифы, которые нужны и полезны какой-то политической силе. Например, миф о том, что евреи (русские, кавказцы, прибалты, американцы... нужное вставить) выпили всю воду в трубах (весь коньяк в Эстонии, водку в России, шнапс в Германии, анализы мочи в доме престарелых... нужное вставить).

Вот и миф про идиллическое государство, которое якобы обожал русский народ всю свою историю, отсюда и до обеда, нужен и полезен для тоталитарного государства: его вождей, холуев, стукачей и проституток, его полиции и армии. Этот миф нужен, чтобы врать своему народу и натравливать его на все другие. Чтобы народ, чего доброго, не скинул бы со своего хребта усевшихся там дармоедов. И чтобы мостить трупами солдат своего народа путь к ещё большему «величию», вплоть до «Советского Союза республик

так из тридцати-сорока», о котором мечтали положительные киногерои 1930-х.

Силы русской Азии, белобрысые туземцы естественнейшим образом творят свои мифы: о герое борьбы с вечевым строем, Александре Батыговиче, о «величии» труса и подонка Ивана «Грозного», которому презрительные письма слали и мусульмане, и католики, о «реформах Петра «Великого», которых он никогда не проводил. Вера многих и многих в эти мифы — следствие вековой «промывки мозгов».

Русские дикари обожают миф о некоем «особом русском пути» и об особом русском человеке, обожающем общину, уравниловку, тайную полицию и палку начальника.

После одной телепередачи ко мне прицепился полусумасшедший старикашка, которого притащил на передачу великий русский патриот с отчеством Ервандович и с израильским паспортом в кармане. Бегаёт тут такой. Старикашка же решил научить меня жизни и долго рассуждал о том, что в России климат суровый, потому она и общинная, и тоталитарная по своей сути.

Спрашиваю:

— Вот Эстония и Псковщина: в них климат примерно одинаковый. А в Финляндии он ещё суровее, чем в России. А в Средневековье в холодных Пскове и Новгороде было намного демократичнее, чем в сравнительно тёплой Рязани.

Старичок ничуть не растерялся:

— Так у нас же такой менталитет!!!

Тут только руками разведёшь: этим маньякам тюрьмы и казармы всё годится: и климат, и краденое у немцев слово «менталитет», смысла которого они толком не понимают. Лишь бы любой ценой нести привычную и вредную ерунду. И не позволить русскому народу думать своей собственной головой.

Что ж делать-то?! Не допускать вредных мифов? Прекрасная мысль. Но историческое сознание мифологично по определению. На место одних мифов всегда приходят другие.

Заменить вредные мифы полезными? Это уже лучше... Но для этого нужна государственная власть, механизм которой год за годом, десятилетие за десятилетием внушает народу нечто положительное. Как в США, например, было до недавнего прошлого — до эпохи политкорректности, феминизма, извинений перед индейцами за то, что лечили их детей, и давали современные профессии, и прочего бреда. Там веками формировали положительные мифы, и далеко не без успеха. Нам бы так.

Сочинить бы, например, миф о маниакально трудолюбивом и талантливом русском ремесленнике, оборотистом русском купце, которых ничто не берет: ни истеричка Ивашка «Грозный», ни больной на всю головёнку, меньше собственного кулака, Петя «Великий». Эти, скорбные башкой, пройдут и уйдут, а мы, великие труженики и умницы, чистоплотные и аккуратные, деятельные и способные, устраивали Госпожу Великую Россию. На Шпицберген плавали, в Персию плавали, турок уже в XVII веке громили, всю Сибирь распахали.

Так что Россию мы устраивали, устраиваем и будем устраивать. И вообще будем пить чай из самовара, а водку пить не будем. Мы её и так пьём раза в три меньше, чем англичане и немцы, а тут вообще перестанем. Будем придумывать компьютеры и ракетные двигатели, варить варенье из яблок, плодиться и размножаться. А всяких «Грозных» больше к себе не пустим, надоели.

Смешно? Не очень, потому что всякий народ, если он хочет существовать, должен иметь положительное отношение к самому себе и набор положительных ис-

торических мифов. А у нас правительство рассказывает нам страшные сказки о самих себе, от которых руки сами опускаются. Послушает россиянин про «Грозного», его замурованных заживо жён, про палача Гришку Скуратова... И какое от этих рассказов устройство России? Какое ж от них воспарение души, трудолюбие и стремление к порядку? Какое желание иметь детей, строить дома, сажать деревья? Тут со страху сразу сбежишь за границу.

Так что если хотим жить — давайте придумаем хороший, пригодный для полезной жизни миф. О ком? Есть в нашей истории правители, которые сами в миф просятся. Это и князь Андрей Ярославович, и король Даниил Галицкий, и царь Алексей Михайлович, и граф Суворов, и князь Кутузов, и Потемкин — завоеватель Причерноморья, сломавший хребет рабовладельческому Крыму, и Ермолов, заставивший жрать землю страшных всадников с гор, убийц и грабителей. Желаем кого-то поближе? Пожалуйста! Леонид Ильич Брежнев, умный и добрый правитель.

Содержание

Сергей Кремлёв	
Кич вместо истории	5
Юрий Нерсесов	
Бокал вина в ведре помоев	77
Андрей Раев	
О долготерпении, рабской покорности и загадочной русской душе	146
Вадим Долгов	
Руси есть веселие пить!	198
Андрей Буровский	
Розовые мифы Владимира Мединского	238

Массово-политическое издание

АНТИ-МЕДИНСКИЙ

**Сергей Кремлёв
Юрий Нерсесов
Андрей Буровский
Вадим Долгов
Андрей Раев**

**Анти-МЕДИНСКИЙ. ОПРОВЕРЖЕНИЕ
Как партия власти «правит» историю**

Издано в авторской редакции

Ответственный редактор *Д. Галкина*

Художественный редактор *С. Курбатов*

Технический редактор *В. Кулагина*

Компьютерная верстка *Г. Ражикова*

Корректор *И. Федорова*

ООО «Яуза-пресс»

109439, Москва, Волгоградский пр-т, д. 120, корп. 2.

Тел.: (495) 745-58-23, факс: 411-68-86-2253.

Подписано в печать 21.12.2011.

Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Школьная».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8.

Тираж 5 000 экз. Заказ 1094.

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-9955-0374-3

9 785995 503743 >

УНИТНБ НИЖЭНИДЕМ

КАК ПАРТИЯ ВЛАСТИ «ПРАВИТ» ИСТОРИЮ

■ Почему сочинения Владимира Мединского издаются огромными тиражами и рекламируются с невиданным размахом? За что его прозвали «соловьем путинского агитпропа», «кремлевским геббельсом» и «Виктором Суворовым наоборот»? Объясняется ли успех его трилогии «Мифы о России» и бестселлера «Война. Мифы СССР» талантом автора – или административным ресурсом «партии власти»? Справедливы ли обвинения в незнании истории и передергивании фактов, беззастенчивых манипуляциях, «шулерстве» и «промыывании мозгов»?

■ Оспаривая методы Мединского, эта книга не просто ловит автора на многочисленных ошибках и подтасовках, но на примере его сочинений показывает, во что вырождаются благие намерения, как история подменяется пропагандой, а патриотизм – «расшибанием лба» из общеизвестной поговорки.

«ЯУЗА-ПРЕСС»

ISBN 978-5-9955-0374-3

9 785995 503743 >